

Издается с 1983 г.

7/2017

Выходит 12 раз в год

uftp.ru
URSS.ru/uftp

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ УПРАВЛЕНИЯ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ЖУРНАЛ

Официальное издание

Международного научно-исследовательского института проблем управления

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

Юрий ЕМЕЛЬЯНОВ,

председатель совета, д. э. н.,
генеральный директор МНИИПУ
Тибор АШБОТ,

д. э. н., профессор, руководитель
секретариата МАРЕБ ВАН

Евгений ВЕЛИХОВ,

академик, академик-секретарь
Отделения нанотехнологий

и информационных технологий РАН

Марко РИЧЧЕРИ,

профессор, генеральный секретарь
Европейского института социальных,
политических и экономических исследований
(EURISPES, Рим)

Курт РУДОЛЬФ,

д. э. н., профессор
Дрезденской Высшей школы FHD,
член правления Европейского общества
коммуникаций и менеджмента (Лейпциг, ФРГ)

Станислав ЕМЕЛЬЯНОВ,

академик РАН, д. т. н., профессор,
научный руководитель МНИИПУ

Ангел ИВАНОВ,

постоянный представитель Болгарии
в Совете МНИИПУ

Санзбэгзийн ТУМУР-ОЧИР,

вице-министр образования,
культуры и науки Монголии

Д. САРАСА МИКЕЛИ,

постоянный представитель
Республики Куба в Совете МНИИПУ

Даница ПУРГ,

профессор, президент Международной
ассоциации школ бизнеса
Центральной и Восточной Европы (СЕЕМАН),
ректор Института развития менеджмента
IEDC (Словения)

Виргиниус КУНДРОТАС,

д. с. н., президент Балтийской Ассоциации
развития Менеджмента (BMDA),
декан Высшей школы Адизеса (США)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Ашот Ардавасович ХАЧАТУРЯН,

главный редактор журнала, д. э. н., профессор,
зам. генерального директора МНИИПУ

Мамикон Сергеевич АЙРАПЕТАН,

д. э. н., профессор, директор — научный руководитель
Российско-итальянского центра РАНХиГС
при Президенте РФ

Олег Самуилович ВИХАНСКИЙ,

д. э. н., профессор, декан Высшей школы бизнеса
МГУ имени М. В. Ломоносова

Сергей Александрович КРАСИЛЬНИКОВ,

д. э. н., профессор РЭУ им. Г. В. Плеханова

Александр Петрович КУЛЕШОВ,

академик РАН, д. т. н., профессор,
ректор Сколковского института науки и технологий

Сергей Павлович МЯСОЕДОВ,

д. с. н., профессор, проректор РАНХиГС
при Президенте РФ, президент Российской

ассоциации бизнес-образования

Борис Николаевич ПОРФИРЬЕВ,

академик РАН, д. э. н., профессор, зам. директора
Института народнохозяйственного прогнозирования РАН

Дмитрий Евгеньевич СОРОКИН,

член-корр. РАН, д. э. н., профессор, научный руководитель
Финансового университета при Правительстве РФ

Сергей Ростиславович ФИЛОНОВИЧ,

д. ф.-м. н., профессор, декан Высшей школы
менеджмента НИУ ВШЭ

Валерий Анатольевич ШВЕТКОВ,

член-корр. РАН, д. э. н., профессор,
директор Института проблем рынка РАН

Александр Николаевич ШВЕЦОВ,

д. э. н., профессор, зам. директора
ФИЦ «Информатика и управление» РАН

Юлия Викторовна НАУМОВА,

ответственный секретарь журнала, к. э. н.,
в.н.с. ФИЦ «Информатика и управление» РАН

АССОЦИИРОВАННЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИИ

Институт экономики Национальной академии наук Республики Армения

Академия управления при Президенте Республики Беларусь

Международная кадровая академия (Украина)

Институт Европы, России и стран Центральной Азии (КНР)

Союз немецкой экономики в РФ

Представительство немецкой экономики в РФ

Журнал «Проблемы теории и практики управления»
входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
рекомендуемых ВАК для публикации основных научных результатов диссертаций
на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА: СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА

8 Руслан Гринберг

Экономика современной России: итоги рыночных реформ и проблемы реиндустриализации

Анализируются итоги системной трансформации в России, а также возможности продвижения страны к гражданскому обществу и социальному рыночному хозяйству. Доказывается, что сложившийся и прогнозируемый механизм реформирования экономики «поощряет» тенденции закрепления сырьевой структуры экономики. Раскрываются основные подходы к решению задач реиндустриализации российской экономики, в числе которых особая роль отводится Концепции экономической социодинамики, наиболее адекватно, по мнению автора, отражающей современные социально-экономические реалии.

25 Александр Бузгалин, Андрей Колганов

О стратегии опережающего развития России

Показано, что в России сложилась система олигархически-бюрократического капитализма полупериферийного типа, в которой экономико-политическая власть принадлежит номенклатуре, объединяющей собственников и инсайдеров крупнейших корпораций — с одной стороны, и высшую бюрократию — с другой. По мнению авторов, частичное решение проблем этой системы возможно только на пути глубокого реформирования системы социально-экономических отношений и институтов, нацеленного на реализацию стратегии опережающего развития. Обосновываются основные слагаемые таких реформ, предусматривающих социализацию рынка, стратегическое селективное планирование и активную промышленную политику в рамках остающейся в целом рыночной экономики.

42 Сергей Бодрунов

Дж. М. Кейнс и новое индустриальное общество второго поколения

Освещаются сходства между некоторыми идеями Дж. М. Кейнса с авторскими выводами в рамках концепции нового индустриального общества второго поколения. Показана актуальность подхода Кейнса в нынешних условиях перехода к новому типу материального производства. Отмечается связь между условиями функционирования современной экономики России с предпосылками в работах Кейнса.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

51 Борис Лавровский

Мировые тренды производительности труда и потребления: эмпирический анализ

Рассматриваются вопросы соотношения динамики показателей производительности труда и уровня потребления в мировом контексте. Выявлены тенденции межстрановой конвергенции-дивергенции рассматриваемых показателей, определены роль Кита и место России в современных трендах.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ

65 Александр Швецов

Зачем и как следует управлять городскими агломерациями?

Характеризуются особенности организации управления в городских агломерациях. Идентифицируются специфические черты агломераций как объекта управления, дается классификация основных подходов и возможных организационных схем управления городскими агломерациями. Показываются преимущества механизма межмуниципального сотрудничества в ряду инструментов решения проблем городских агломераций. Анализируются уроки западноевропейской практики управления агломерациями и оценивается их значение для России.

76 Михаил Буров

**Государственное регулирование экономики:
современные реалии и направления совершенствования**

Анализируется теория и практика государственного регулирования экономики. Основываются методологические положения, пути и направления совершенствования развития экономики страны и ее регионов. Исследование основано на комплексном подходе, объединяющем федеральный, региональный, муниципальный и корпоративный уровни управления с учетом мнения населения, проживающего в административно-территориальных образованиях Российской Федерации.

90 Наталья Булетова, Игорь Злочевский

**Парадоксы экономики услуг и государственная
эколого-экономическая стратегия**

Раскрывается природа и содержание «ловушек» экономики услуг, являющихся, по мнению авторов, главной причиной доминирования в современном обществе модели массового потребления. Предложена модель взаимодействия типов экономик, оптимизированная для разрешения ловушек экономики услуг. Утверждается, что задача государства в этих условиях — сделать процесс потребления услуг более рациональным и менее пагубным для экологических ресурсов территорий и всей окружающей среды человечества.

РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

102 Вячеслав Андреев

**Функциональные характеристики пространственной
модели свободного порта Владивосток**

Представлены результаты анализа пространственных и функциональных характеристик модели формирующегося свободного порта в макрорегионе Дальний Восток России. Рассматриваются предпосылки для формирования пространственной локализации хозяйствующих субъектов, и возникновения устойчивых интеграционных связей, способствующих минимизации транспортных и транзакционных издержек.

ОТРАСЛЕВОЙ АНАЛИЗ

110 Елена Красова

**Потребление на российском алкогольном рынке:
ключевые тенденции и совершенствование регулирования**

Проанализированы ключевые тенденции развития потребления легального алкоголя на российском рынке, изучены динамика и структура потребления по основным видам алкогольной продукции. Рассмотрена специфика современного регулирования алкогольного рынка.

ИНВЕСТИЦИИ И ИННОВАЦИИ

119 Ярослав Овчаренко

**Оценка уровня показателей инновационного
развития российской экономики**

С помощью ряда показателей, характеризующих инновационную деятельность, дан анализ уровня инновационной активности в Российской Федерации за последние 15 лет. Проведена оценка достигнутого уровня показателей инновационного развития российской экономики.

ПРЕДПРИЯТИЕ

127 Наталья Кельчевская, Галина Исмагилова

Усиление конкурентных позиций промышленного предприятия в условиях макроэкономической нестабильности

Представлен аналитический обзор рынка цветных металлов и положения на нем отечественных производителей. Дана комплексная оценка конкурентоспособности АО «ЕЗ ОЦМ», входящего в группу компаний «Ренова». Предложены мероприятия по усилению конкурентной позиции предприятия на рынках продукции из драгметаллов.

136 Андрей Славянов

Инвестиционная стратегия фирмы в рамках волновой модели жизненного цикла

Раскрываются основные причины, сдерживающие инновационное развитие предприятия. Предложена авторская волновая модель жизненного цикла предприятия, использование которой при разработке инвестиционной стратегии фирмы позволит, по мнению автора, избежать проблем, связанных с мероприятиями по инновационной модернизации производства.

ECONOMIC POLICY: STRATEGY AND TACTICS

8 Ruslan Grinberg

The Economy of Modern Russia: The Results of Market Reforms and Reindustrialization Problems

The author analyzes the results of systemic transformation in Russia and the chances of the country's progress to a civil society and social-oriented market economy. He proves that the evolved and the projected mechanism of economic reforming "favours" trends that secure the raw structure of the economy. Main approaches to attaining reindustrialization targets of the Russian economy are unveiled, among them a specific role is attributed to the Concept of economic sociodynamics, which captures modern socioeconomic realities most adequately, according to the author.

Keywords: economic growth, reindustrialization, economic structure, industrial policy, systemic crisis, new economic model.

25 Alexander Buzgalin, Andrei Kolganov

The Strategy of Advanced Development of Russia

The article shows that in Russia a system of oligarchic-bureaucratic capitalism of semi-peripheral type has emerged, where economic and political power rests with the nomenclature that embraces owners and insiders of the biggest corporations, on the one hand, and higher bureaucracy, on the other. The authors hold that problems of this system can be partially solved by an overhaul in the system of socioeconomic relations and institutions with the aim to implement an advanced development strategy. Main components of these reforms are substantiated, they provide market socialization, selective strategic planning and an active industrial policy within the framework of an economy that remains substantially of market type.

Keywords: state, Russian economy, market, reform, property, oligarchic capital, corporate structures, advanced development, social justice, selective state regulation.

42 Sergei Bodrunov

John M. Keynes and New Industrial Society of the Second Generation

The article focuses on similarities between some J. M. Keynes' ideas and the conclusions drawn by the author of this article in the frame of new industrial society of the second generation concept. The topicality of the Keynesian approach under current conditions of transition to a new type of material production is shown. A correlation is noted between conditions in which modern Russian economy is functioning, and the premises exposed in Keynes' works.

Keywords: market economy, Keynesianism, new industrial society of the second generation, capitalism, state regulation, development resources.

INTERNATIONAL EXPERIENCE

51 Boris Lavrovsky

World Trends in Labour Productivity and Consumption: Empirical Analysis

The article discusses the correlation between the dynamics of labour productivity and consumption level in the world context. Trends in cross-country convergence-divergence of above indicators are identified, the role of China and the place of Russia in modern trends are defined.

Keywords: labour productivity, consumption level, convergence, divergence, global trends, Russia.

STATE GOVERNANCE

65 Alexander Shvetsov

Why and How Should Urban Agglomerations Be Managed?

The author characterizes management peculiarities in urban agglomerations, determines the specificity of agglomerations as management objects, advances a classification of main approaches and possible organizational schemes for urban agglomerations management, shows the advantages of an inter-municipal cooperation mechanism in a series of tools aimed to solve urban agglomerations problems. Lessons drawn from Western European management practices in managing agglomerations are analyzed, their importance for Russia is assessed.

Keywords: urban agglomeration, public administration, local self-government, inter-municipal cooperation, Russian practice, foreign experience.

76 Mikhail Burov

State Regulation of Economy: Current Realities and Improvement Trends

The article investigates the theory and practice of public regulation of the economy. Methodological provisions, ways and directions to improve economic development of the country and its regions are justified. The study is based on a comprehensive approach that combines federal, regional, municipal and corporate management levels with regard to the opinion of the population residing in administrative-territorial entities of the Russian Federation.

Keywords: government regulation, economy, management levels, concept, new national model.

90 Natalya Buletova, Igor Zlochevsky

Service Economy Paradoxes and State Ecological-and-Economic Strategy

The nature and content of service economy “traps” are addressed which, according to the authors, constitute the main cause for mass consumption model domination in modern society. A model of interaction between various types of economy is proposed that is optimized to find a way out of service economy traps. The authors underline that the task of the state under these conditions is to make the process of services consumption more rational and less detrimental to environmental resources of territories and the entire environment of mankind.

Keywords: myth-deception-trap of service economy, service economy paradoxes, environmental economics, public strategic management.

REGIONAL DEVELOPMENT

102 Vyacheslav Andreev

Free Port of Vladivostok Spatial Model: Functional Characteristics

The author presents the results of analyzing spatial and functional characteristics of the model represented by the emerging free port in the Far East of Russia macroregion. Prerequisites for spatial localization of economic entities to be formed, and for sustainable integration links — enhancing minimization of transport and transaction costs — to emerge are discussed.

Keywords: Far East of Russia macroregion, free port, spatial economic model, localization of business entities.

SECTORAL ANALYSIS

110 Elena Krasova

**Consumption in the Russian Alcohol Market:
Key Trends and Regulation Upgrading**

In the article key development trends of legal alcohol consumption in the Russian market, the consumption dynamics and structure by main types of alcoholic beverages are researched. The specificity of the current alcohol market regulation is studied.

Keywords: alcohol consumption, alcoholic beverages market, regulation of alcohol production and turnover, Russian wine industry.

INVESTMENTS AND INNOVATIONS

119 Yaroslav Ovcharenko

Evaluating Level Indicators of Russian Economy's Innovative Development

The author analyzes, with the help of several innovative activity indicators, the scale of innovative activity in the Russian Federation over the recent 15 years. He evaluates the level achieved by the Russian economy in its innovative development.

Keywords: innovations, innovative activity, innovative products, scientific research.

ENTERPRISE

127 Natalya Kelchevskaya, Galina Ismagilova

**Strengthening the Competitive Profile of an Industrial Enterprise under
Macroeconomic Instability (the Case of Ekaterinburg Non-Ferrous Metals
Processing Plant, EZOCM JSC)**

The article presents an analytical review of non-ferrous metals market and market positions occupied by domestic producers. A comprehensive assessment of competitiveness of EZOCM JSC as a part of RENOVA Group is given. Measures are proposed to enhance its competitiveness in the product markets of precious metals.

Keywords: competitiveness, market of non-ferrous metals, financial crisis, precious metals, comprehensive assessment of competitiveness, technological advantages.

136 Andrei Slavyanov

**Company Investment Strategy in the Framework
of the Wave Model of the Life Cycle**

The main causes that hinder innovative development of an enterprise are unveiled. The author's wave model of the enterprise life cycle, if implemented in designing the company's investment strategy, will allow to avoid problems connected with innovative modernization of production, the author holds.

Keywords: investment strategy, innovations, enterprise life cycle.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА: СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА

Экономика современной России: итоги рыночных реформ и проблемы реиндустриализации

Об авторе

Руслан Гринберг

*доктор экономических наук, профессор,
член-корреспондент РАН, научный руководитель ИЭ РАН*

*Институт экономики РАН
117218, г. Москва, Нахимовский проспект, 32
eaea@inecon.ru*

Ключевые слова

экономический рост, деиндустриализация, структура экономики, промышленная политика, системный кризис, новая модель экономики

Основные тезисы

- Шансы на продвижение страны к гражданскому обществу, плюралистической демократии и социальному рыночному хозяйству с ориентацией на «благополучие для всех» сохраняются
- Сложившийся и прогнозируемый механизм реформирования экономики «поощряет» тенденции закрепления сырьевой структуры экономики.
- Выход из кризиса потребует формирования новой модели экономики и, в частности, новой модели государственного регулирования, новых теоретических обоснований.

Россия все еще находится в суровых условиях перехода от одной социально-экономической системы к другой, который длится уже больше четверти века. Переход оказался более трудным и мучительным, чем ожидали как оптимисты, так и пессимисты.

Человечество постоянно искало какую-то приемлемую модель жизни для

общества, начиная с первой буржуазной революции — общество хотело свободы, равенства и братства. Выяснилось, что свобода и равенство чаще всего противоречат друг другу. Если общество свободное, т. е. не обремененное никакими моральными нормами и правилами, то начинается анархия, в условиях которой побеждает самый сильный, а это, в свою

очередь, ведет к диктатуре. Когда делается акцент на равенстве, независимо от интеллекта, богатства семьи и т. п., создается общество, где все живут одинаково, а это, в свою очередь, парализует творчество и, следовательно, свободу — это делает общество исключительно бедным (яркий тому пример — Северная Корея). Таким образом, выбор свободы ведет к анархии, диктатуре и неравенству в обществе; выбор справедливости и равенства в обществе при игнорировании индивидуальной свободы и прав человека ведет к тотальной нехватке всего, дефициту товаров, уравниловке.

Чтобы перейти от философии к реальной жизни, Россия в 1917 году выбрала справедливость — это был вызов для капиталистического мира, который уже видел мужской шестнадцатичасовой труд, а затем добавилась эксплуатация женщин и детей. Карл Маркс первый научно обосновал несовершенство, тупиковый путь западной цивилизации. Тогда теория марксизма стала путеводной звездой для тех, кто жаждал справедливости и равенства. Советское общество функционировало при наличии справедливости, но при отсутствии свободы. Несмотря на то, что была построена новая промышленность, сталинские репрессии представляли собой ужасное явление. В 1991 году Россия выбрала свободу, пожертвовав справедливостью, к которой привыкла за последние 70 лет. Этот маятник преследует Россию на протяжении всей истории.

Конечно, мы добились того, о чем мечтали: потребительский выбор сейчас просто сумасшедший. Но, с другой стороны, налицо тотальная примитивизация экономической структуры.

И надо же было такому случиться, что в мире победили две тенденции, а именно: финансиализация экономики и деиндустриализация, с одной стороны, и, с другой стороны, замена утопии планового хозяйства на утопию абсолютной благотворности свободного рынка. Одновременно с установлением этих двух тенденций вдруг началась трансформация российской экономики. Россия очень любит смотреть на запад, отслеживая модные тенденции. К сожалению, мода

на деиндустриализацию и демонизацию государства пришлось на тот момент, когда в стране начались реформы. Именно поэтому экономическая мысль и экономическая политика страны развивалась в таком направлении: да здравствует потребитель, да здравствуют финансы, и да здравствует свободный рынок! В результате сформировалась примитивная экономическая структура, из которой очень сложно выйти, и с каждым годом становится все труднее, несмотря на то, что шансы еще есть.

Сейчас много говорят о том, что новая промышленная революция означает совершенно новое производство, новые технологии, которые уже идут, и, похоже, что-то революционное действительно может произойти. Однако следует отдавать себе отчет в том, что сегодня все страны находятся в отчаянном положении, в состоянии практически полной стагнации. Если где-то и есть рост, то он минимальный. Выход из кризиса представляется очень сложным. При этом есть один очень важный факт, и он заключается в том, что именно те страны, где материальное производство вернулось или не уходило, где развиваются традиционные виды производства, конкурентоспособные на мировом рынке, чувствуют себя наиболее здоровыми. У них наблюдается здоровый устойчивый экономический рост. В качестве примера можно привести две страны, которые являются соседями России — Федеративную Республику Германии и Китайскую Народную Республику. Согласно исследованиям, эти две страны могли бы обеспечить мир всеми необходимыми товарами и услугами: Федеративная Республика Германии — инновационными товарами, машинами, оборудованием; Китай — товарами потребительского сектора.

Тем не менее шансы на продвижение страны к гражданскому обществу, плюралистической демократии и социальному рыночному хозяйству с ориентацией на «благополучие для всех» — при всех задержках и даже откатах, что, похоже, имеет место сегодня — сохраняются. Главное — уметь извлечь уроки из прошлого и не делать новых ошибок.

Справедливости ради надо выделить целый ряд положительных итогов состоявшихся преобразований. Их очевидный успех состоит в том, что преодолена изолированность страны от внешнего мира и демонтированы механизмы командной экономики и внешнеторговой монополии. В результате исчез униженный дефицит товаров и услуг, значительно расширился их ассортимент. С прекращением идеологической войны с «вещизмом» восстановлено право людей на «уют». Раскрепощена ранее скованная личная инициатива. Растет зрелость предпринимательского класса, призванного сформировать основу благополучия страны. Население стремительно изживает исторически приобретенные иждивенческие комплексы. Вопреки разного рода предсказаниям, россияне достаточно быстро усвоили «рыночный» образ мысли и действия. Устранена типичная для советского строя уравнильность в личных доходах и виден ощутимый прогресс в дисциплине и этике труда: есть смысл зарабатывать деньги, раз появилась возможность беспрепятственно обменивать их на ранее недоступные товары и услуги.

Одно из самых больших достижений путинской эпохи — возникновение среднего класса, который увеличился с 10 % до 23 % за десятилетний период его правления. Хотя сейчас средний класс сокращается. Что такое средний класс? По данным объективных замеров и опросов Института социологии РАН, 20 % населения относятся к среднему классу. Критерий отнесения к среднему классу прост: заплатил за питание, услуги ЖКХ, и у тебя еще столько же остается, т.е. примерно 1000 долларов на человека. Удивительным образом эта цифра совпадает с количеством зарубежных паспортов в России, 18 % граждан имеют заграничный паспорт. Это значит, что каждый пятый человек в России живет по-человечески. Например, в 2015 году в Новосибирске имелось 350 машин на один километр дороги, а коммунисты предполагали, что данный показатель при коммунизме будет не более чем 50 автомобилей на 1 километр дороги, и все дорожное хозяйство создавалось по данному целевому

показателю. С другой стороны, 20 % — не самый высокий показатель. Например, в скандинавских странах и континентальной Европе средний класс насчитывает 60–70 % населения.

После 70 лет господства административно-директивной экономической системы в стране были достаточно быстро созданы и начали функционировать формальные институты рыночной экономики, т.е. коммерческие банки, товарные и фондовые рынки, валютные биржи, качественно новые налоговые механизмы, правила антимонопольного регулирования и т.д.

И все же результаты рыночных преобразований с отрицательным знаком более зримы и очевидны. Они явно преобладают над успехами. И дело здесь не только в том, что за годы реформ страна утратила половину своего экономического потенциала. Хуже то, что пока не удается приостановить процессы примитивизации производства, деинтеллектуализации труда и деградации социальной сферы. Сюда же надо отнести появление массовой бедности, масштабы которой за годы радикальных перемен стремительно увеличивались за счет размывания сложившегося в СССР — пусть не слишком богатого по западным критериям, но все-таки — среднего класса.

Разного рода исследования материальных возможностей российских домохозяйств свидетельствуют о том, что реально плодами проведенных преобразований пользуется не больше четверти населения страны, а половина ее жителей ведет еще более суровую борьбу за существование, чем в советские времена. Поляризация личных доходов носит действительно скандальный характер. По данным аналитиков банка Credit Suisse, владельцами более трети всего богатства отечественных домохозяйств являются 110 человек [9].

Нельзя, конечно, забывать, что на результативность отечественных реформ влияли мощные объективные факторы, затруднявшие системную трансформацию в России в большей степени, чем у партнеров по бывшему СЭВ. В странах Центральной и Восточной Европы

Просьба более точно указать годы, т.к. если говорить о времени нахождения его на посту президента и премьера, то следует говорить о 17 годах.

социалистическое бытие длилось 40 лет и в большинстве случаев было навязано извне, а в России социализм господствовал более 70 лет и был, так сказать, целиком отечественным, а не «импортированным продуктом». Кроме того, надо иметь в виду, что в отличие от стран ЦВЕ перед российскими реформаторами стояла задача проведения системной трансформации при стремительном распаде ранее единого государства.

Суперцентрализованная система экономики плюс полиэтничность населения бывшего СССР в условиях демократизации общественной жизни существенно облегчили реализацию идей национально-хозяйственного сепаратизма, который, как правило, игнорирует резоны экономической целесообразности. Каковы бы ни были надежды лидеров новых независимых государств (избавимся от «грабительского» центра и легче будет проводить реформы), действительность показала, что разрыв единого экономического пространства затруднил, а не облегчил переход к рыночной экономике каждой суверенной республики бывшего СССР, и Россия отнюдь не стала здесь исключением. Наконец, на старте реформ серьезным испытанием для перестройки экономики России стало лежащее на ней огромное бремя гипертрофированного военно-промышленного комплекса.

Несмотря на сказанное, можно уверенно утверждать, что разочаровывающие итоги системной трансформации в России в первую очередь рукотворны и только во вторую предопределены специфическими неблагоприятными стартовыми условиями.

Опираясь на постулаты неоклассической ортодоксии, реформаторы считали, что предлагаемый ими радикальный вариант трансформации даст быстрый и устойчивый рост эффективности. Но реалии оказались иными.

С экономическим ростом начала 2000-х гг. начинаются дискуссии о том, обусловлен ли этот экономический рост внутренними факторами, т. е. реструктуризацией промышленности, инновациями, новыми технологиями и т. д., или же внешней конъюнктурой рынка, прежде

всего, ценой на нефть, газ и другое сырье. В какой пропорции экономический успех России начала 2000-х гг. можно приписать руководству страны, а какую меру успеха — стихийному развитию рынка? Представляется реалистичной такая пропорция: 70 % экономического успеха России в 2000-е гг. обусловлено ценами на нефть, а 30 % — действиями руководства страны, которое прекратило анархию и сепаратистские тенденции в стране. В конце ельцинской эры народ устал от свободы и требовал порядка и закона. В настоящее время порядок обеспечен. Хотя до сих пор непонятно, как руководить такой большой страной, как Россия.

Рассмотрим важнейшие показатели экономического развития РФ за более чем четверть века реформ (табл. 1).

Из приведенных в табл. 1 данных видно, что по важнейшим социально-экономическим показателям за 26-летний период не достигнут уровень даже 1990 г. При этом на протяжении всех этих лет наблюдалась тенденция примитивизации российской экономики. Иначе говоря, имело место снижение качества экономической динамики, независимо от того, была ли она отрицательной (как в 1990-е гг.) или положительной (как в «тучные» нулевые годы).

Качественное развитие экономики, как известно, зависит от технико-технологического оснащения промышленного производства, определяющего место в ее структуре высокотехнологичного сектора (совокупность авиационной, радиотехнической, средств связи, электронной, ракетно-космической, оборонной отраслей), и его ядра — машиностроения, достигающего в развитых странах 30–50 % в структуре промышленного производства. Как же выглядела Россия на этом фоне?

Из табл. 2 следует, что структура промышленного производства в РФ приобрела за годы реформ очевидную сырьевую направленность. В то время как доля топливно-энергетического комплекса в общем объеме промышленного производства увеличилась в 2,6 раза, по инвестиционному комплексу она сократилась

Таблица 1

Динамика промышленной и сельскохозяйственной продукции, инвестиций в основной капитал и реальных доходов населения России (в % к 1990 г.)

Источник: составлено автором по: [3, 5], [14, с. 40–42], [15, с. 37–39].

	1993	1995	1998	2000	2005	2008	2009	2010	2013	2015	2016*
Производство промышленной продукции	66,5	50,8	47,1	55,3	74,3	84,8	75,7	81,2	88,5	87,0	88
Производство продукции сельского хозяйства	82,7	67,0	56,0	61,9	71,2	84,1	85,3	75,7	93,7	99,9	104,7
Инвестиции в основной капитал	44,9	30,7	21,0	25,9	42,5	67,9	58,7	62,4	74,4	67,2	66,6
Реальные (располагаемые) доходы населения	51,1	40,0	32,8 (1999)	36,7	63,5	82,7	85,2	90,2	98,6	93,7	88,5

* Исходя из того, что по данным Росстата в 2016 г. к 2015 г. составили:
 промышленное производство — 101,1%,
 сельскохозяйственное производство — 104,8%,
 инвестиции — 99,1% и
 реальные (располагаемые) доходы населения — 94,4%

Таблица 2

Структура промышленного производства России (в % к итогу)

Источник: составлено автором по: [4, с. 341, 344, 356–369, 373, 376, 379, 384, 394],
 [14, с. 240–242], [15, с. 237–239]

Отрасли промышленности	1990	1995	2000	2005	2008	2013	2015
Объем промышленного производства, всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Электроэнергетика и топливная промышленность	10,4	25,6	25,4	26,8	25,0	28,7	27,0
Черная и цветная металлургия	10,3	13,9	15,8	13,9	13,3	9,5	10,7
Химическая и нефтехимическая промышленность	6,9	7,1	6,2	6,4	7,0	6,4	6,8
Машиностроение и металлообработка	28,0	16,0	16,4	13,0	13,8	14,0	12,5
Лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность	5,2	4,6	4,0	3,4	3,3	2,6	2,8
Промышленность строительных материалов	3,4	4,3	2,4	3,1	4,1	2,9	2,4
Легкая промышленность	11,0	2,2	1,4	0,8	0,7	0,7	0,7
Пищевая промышленность	12,1	10,6	11,1	10,9	10,8	10,4	12,0

в 2,2 раза. В результате удельный вес машиностроения и металлообработки в промышленном производстве составил в 2015 г. только 12,5 %, что в 3–4 раза меньше, чем в развитых странах.

Примитивизации подверглась структура не только промышленного производства, но и внешней торговли, прежде всего, экспорта. В то время как 80 % товарного экспорта страны приходится на минеральные ресурсы, металл и древесину, доля продукции в нем производств, определяющих научно-технический прогресс (машиностроение и металлообработка), сократилась с 18 до 7 % [15, с. 515, 518].

Произошло существенное ухудшение качества основных фондов — базовой основы развития экономики: износ достиг 50,5 % [4, с. 302], [11, с. 71], [15, с. 33, 65, 68]. При сохранении физического объема основных фондов за годы реформ в условиях беспрецедентного сокращения инвестиций в основной капитал, составивших в 2015 г. лишь 67,2 % от уровня 1990 г., имело место их физическое и моральное старение, особенно активной части (табл. 3). В результате страна утрачивает конкурентоспособность на мировом рынке в области технологий и высокотехнологичной продукции. Доля России на мировом рынке наукоемкой продукции составляет ныне менее 1 % (для сравнения: США — 36 %, Япония — 30 %).

Данные табл. 3 демонстрируют, что за 1980–1990 гг. доля производственного оборудования в промышленности со сроком службы свыше 20 лет возросла в 1,4 раза, в следующее десятилетие — более чем в 2,5 раза, и в период «экономического роста» (2000–2004 гг.) — более чем в 1,3 раза, что сопоставимо с первым указанным десятилетием. Средний возраст оборудования в промышленности ныне достигает четверти века¹⁾.

Старение оборудования, с одной стороны, ведет к нарастанию числа и масштабов техногенных катастроф, с другой — к неизбежному снижению технологического уровня производства. Так,

по оценкам экспертов Всемирного экономического форума, в 2004 г. Россия занимала 73-е место в мировом рейтинге по индексу технологической готовности [7]. Наши технические и технологические базы отстают от развитых стран на 17–20 лет. Последние обновления были в конце 1980-х — начале 1990-х гг. По мнению авторитетных экспертов, удельный вес технологической продукции России на мировом рынке составляет 0,3 % [8].

Заметно деградировали обрабатывающие производства, особенно машиностроение, определяющее научно-технический прогресс в промышленности. В настоящее время в РФ в обрабатывающих видах производств (по данным Росстата на конец 2014 г.) насчитывается 412 тыс. организаций (8,2 % от общего числа организаций в экономике России, причем действующих — лишь 64 % от наличия) со среднегодовой численностью работников 7,1 млн чел. [15, с. 198, 199, 247]. В 1990 г. по прежней отраслевой классификации число указанных предприятий составляло 26,9 тыс., т.е. оно возросло к 2014 г. в 10 раз (действующих на 01.01.2015 г.). При этом средняя численность работников сократилась в 2,3 раза (в 1990 г. — 16,4 млн чел.), а объем промышленного производства в 2015 г. (в сопоставимых ценах) по сравнению с 1991 г. — на 14,3 %, в том числе производство машин и оборудования — на 56 %, транспортных средств и оборудования — на 31,8 % [15, с. 240, 241]. Произошел процесс дезинтеграции обрабатывающих производств на основе массового банкротства крупных и средних предприятий, свертывания профильного производства и сокращения численности промышленно-производственного персонала. Среднегодовая численность работников на одном действующем предприятии в 2014 г. составляла 27 человека, в то время как до реформирования — 610 человек. Оставшиеся производственные мощности обрабатывающих производств в настоящее время используются в пределах 50 %, а по ряду производств — и того меньше (например, по выпуску металлорежущих станков — лишь на 17 % [12, с. 217], [15, с. 244, 245]).

¹⁾ Нелишне отметить, что с 2005 г. перестают публиковаться в общедоступных справочниках Росстата данные о возрастной структуре производственного оборудования.

Таблица 3

Динамика возрастной структуры
производственного оборудования в промышленности

Источник: [6]

	1980	1990	2000	2001	2002	2003	2004
% оборудования на конец года в возрасте: до 5 лет	35,5	29,4	4,7	5,7	6,7	7,8	8,6
свыше 20 лет	10,7	15,0	38,2	41,6	44,9	48,2	51,5
Средний возраст оборудования, лет	9,5	10,8	18,7	19,4	20,1	20,7	21,2

Проводимые обследования предпринимательской уверенности и экономической ситуации в обрабатывающих производствах свидетельствуют, что основными факторами, ограничивающими рост производства, остаются неопределенность экономической ситуации в стране, невосребованность продукции на внутреннем рынке и высокий уровень налогообложения [12, с. 222, 224], [15, с. 213, 216, 217].

Сложившийся и прогнозируемый механизм реформирования экономики «поощряет» тенденции закрепления сырьевой структуры экономики. Об этом наглядно свидетельствуют данные табл. 4.

Инвестиции в высокотехнологический комплекс, представленный в табл. 5

машиностроением и металлообработкой, из года в год сокращаются.

Из данных, представленных в табл. 5, видно, что в структуре общих инвестиций в основной капитал доля инвестиций в развитие машиностроения и металлообработки в 1990–2015 гг. сократилась в 2,8 раза — с 8,3% в 1990 г. до 3% в 2015 г. При этом общие инвестиции в основной капитал в указанный период из года в год сокращались и в 2015 г. составляли лишь 67,2% от уровня 1990 г.

Сырьевая направленность российского воспроизводственного комплекса поддерживается и сложившейся отраслевой структурой оплаты труда (табл. 6).

Таблица 4

Индексы производства по видам экономической деятельности (1991 г. = 100%)

Источники: [14, с. 243–244], [15, с. 240, 241]

	1992	1995	2000	2005	2008	2010	2013	2015
Добыча полезных ископаемых	88,2	70,7	74,3	99,1	105,6	106,6	110,8	112,7
В том числе добыча топливно-энергетических ресурсов	94,7	77,8	80,7	111,4	117,6	120,5	123,9	125,6
Обрабатывающие производства, в том числе:	81,8	47,5	50,9	68,9	82,9	77,8	88,7	85,7
производство машин и оборудования	84,4	38,1	32,3	44,9	63,3	48,7	53,7	44,0
производство транспортных средств и оборудования	85,3	45,0	53,1	52,7	59,7	52,0	68,7	68,2

Таблица 5

Удельный вес инвестиций в машиностроение и металлообработку (производство машин, оборудования, транспортных средств) в общем объеме инвестиций в основной капитал

Источники: [4, с. 596], [10],

[14, с. 459], [15, с. 455]

Годы	Удельный вес, %
1990	8,3
1992	4,9
1995	3,0
1998	3,2
2000	2,8
2005	2,3
2013	2,5
2015	3,0

Все это во многом результат того, что российскими предприятиями, как правило, не востребован научно-технический прогресс и явно недооценивается инновационное развитие, о чем свидетельствует низкий уровень внутренних затрат на исследования и разработки: 1,09 % в ВВП России, в развитых странах Запада в 3–4 раза выше. Следует также указать на очень низкий уровень финансирования науки из средств федерального бюджета: всего 0,56 % ВВП против 4–6 % в высокоразвитых странах и 4 % по действующему федеральному российскому закону [15, с. 366]. Отсюда застой в создании и тем более в использовании передовых производственных технологий. Так, в 2013–2015 гг. в среднем за год выдвигалось 1400 предложений по производственным технологиям, или 0,6 % к общему числу применяющихся в 2015 г. технологий. При этом из 218 тыс. внедряемых в производство в России передовых технологий в 2015 г. 52 % используются более 6 лет [15, с. 370, 372].

Не удивительно, что в постсоветской России заметно снизился уровень изобретательства. Сегодня в этой области зна-

чительным отрывом лидирует Япония — до 3000 патентов в год на 1 млн жителей, затем Южная Корея — 2200, США — 650, Германия — 600, Австралия — 500. Россия же с показателем 150 демонстрирует серьезное отставание от стран-лидеров. Самыми изобретательными компаниями в 2010 г. были IBM, Samsung, Microsoft, Canon, Panasonic, Toshiba, Sony, Intel и LG Electronic. Известно, что IBM ежегодно вкладывает в научно-технические исследования и инновационные разработки 6 млрд долл. В России же весь объем инвестиций в производство машин, всех видов оборудования и транспортных средств составляет практически ту же величину (в 2015 г. около 7 млрд долл.). Красноречив в этой связи и тот факт, что удельный вес инвестиций на развитие указанных видов хозяйственной деятельности в общем объеме капиталовложений в стране составляет лишь 3 % (2015 г.) [15, с. 450, 451].

Вместе с физическим и моральным старением основных промышленных фондов и, особенно, техники и технологий ухудшились все параметры человеческого потенциала. Численность населения уменьшилась с 148,2 млн человек на 1 января 1991 г. до 146,5 млн человек на 1 января 2016 г.

Существенно изменилась структура численности занятых в экономике по видам экономической деятельности. Численность занятых в материальном производстве (промышленности, сельском хозяйстве) и в научной сфере за годы реформ существенно сократилась, и одновременно резко возросла доля занятых в торговле, финансах и управлении (в 2,4 раза) [4, с. 137], [13], [15, с. 93]. Продолжающееся падение производства в высокотехнологичных отраслях промышленности и уменьшение государственных ассигнований на развитие науки и техники привели к резкому сокращению научных кадров и, естественно, научных исследований и разработок. Численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками, снижалась в стране в последние двадцать лет ежегодно и составила к началу 2015 г. 48 % от дореформенного уровня (табл. 7).

Таблица 6

Среднемесячная начисленная номинальная заработная плата по видам экономической деятельности, в % к средней по РФ
 Источник: рассчитано автором по [14, с. 135–137]; [15, с. 125–127]

Виды экономической деятельности	1995 (472,4 р./мес.)	2000 (2223 р./мес.)	2005 (8555 р./мес.)	2010 (20952 р./мес.)	2013 (29960 р./мес.)	2015 (33981 р./мес.)
Добыча полезных ископаемых	225,9	267,2	230,6	190,4	181,3	187,5
Добыча топливно-энергетических ресурсов	256,5	314,2	274,2	220,8	204,8	210,5
Финансовая деятельность	159,9	235,3	262,6	239,2	212,0	204,5
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	88,1	110,5	119,7	122,3	114,4	116,8
Производство машин и оборудования	80,0	88,8	97,9	95,4	93,7	94,7
Производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования	78,5	90,1	96,1	96,3	97,6	107,8
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	73,0	60,0	69,0	75,0	82,0	82,5
Образование	65,5	55,8	63,5	67,2	78,2	79,1
Сельское хозяйство	54,9	44,3	42,6	50,9	52,2	57,2

правающего
класса?
правающего
режима?
("дома"
скорее
подходит для
легализован-
ной
монархии)

Отсутствие в стране промышленной политики как результат господства рыночного фундаментализма в действиях правающего дома — основная причина развала промышленного потенциала страны в целом и машиностроения в частности. Высокотехнологичный сектор экономики, ядром которого служит машиностроение, является системообразующим звеном любой экономики. От него зависят производственный потенциал страны, уровень обороноспособности и социальной устойчивости. Мировой опыт и соответствующие расчеты показывают, что сбалансированное устойчивое развитие экономики может быть обеспечено только тогда, когда в структуре промышленного производства доля машиностроения будет составлять не менее 25–30 %, а на разработку и использование принципиально новых производственных технологий будет приходиться не менее 50–60 % в общем объеме инвестиций, тогда как сегодня этот показатель для Запада составляет 60–80 %, а для России — 10–15 % [15, с. 369, 370].

Проблема деиндустриализации экономики постсоветской России была впервые замечена уже спустя два–три года после начала этапа ее радикальной рыночной трансформации, когда обнаружилось, что структурные перекосы в экономике позднего Советского Союза не только не исчезли в результате отмены в стране директивного планирования, но и стали усугубляться. Тщетными оказались надежды на силы саморегулирования, которые, так сказать, по определению должны были привести структуру отечественной

экономики к современным стандартам. Но вышло, как известно, по-другому.

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. была большая мода на постиндустриальную экономику. Казалось, что промышленность потихоньку уходит на задний план, и появляется новая экономика услуг. В том числе особое значение придавалось финансовым инструментам, росту финансового сектора. И незаметным оказался тот факт, что финансовые услуги настолько серьезно вытеснили материальное производство даже из состава валового внутреннего продукта, что пришло время говорить о том, что финансовый сектор, банковский сектор, фондовые биржи перестали обслуживать реальную экономику, перестали быть слугой реальной экономики, а стали ее господином. И именно это изменение привело мир к формированию мирового финансового экономического кризиса. На самом деле катастрофа 2008–2009 гг., вторая за десять лет, стала результатом всеобщей глобальной деиндустриализации всей мировой экономики. Более того, те страны, у которых сокращалась доля промышленности, объявлялись образцом развития, и нужно было следовать именно их примеру. В этом смысле англо-саксонские страны определяли моду на передовые идеи. Надо сказать, что эта тенденция захватила сознание многих людей, включая тех, кто занимает ответственные позиции, многих специалистов и экспертов.

Отмена государственной монополии на внешнеторговые операции, свободное ценообразование, быстрая либерализация валютного режима — все это, как уже отмечалось, привело к тому, что

Таблица 7

Численность занятых в НИОКР в России, тыс. чел. (на конец года)

Источник: [15, с. 361]

	1992	2000	2014	2014 в % к 1992
Численность персонала — всего, в том числе:	1532,6	887,7	732,3	47,8
исследователи	804,0	425,9	373,9	46,5
техники	180,7	75,2	63,2	35,0

резко увеличилось предложение продовольственных и потребительских товаров. Эти изменения весьма благоприятно воздействовали на потребителей. В целом тогда был сделан крен в сторону удовлетворения потребительского спроса. И успех такой операции был очевиден.

Правда, «забыли», что потребители должны иметь деньги, чтобы покупать ранее недоступные товары и услуги, а следовательно, должны их где-то зарабатывать. Брошенная практически в режиме «overnight» в бурный океан рыночной стихии подавляющая часть советской обрабатывающей промышленности получила сокрушительный удар в виде стремительной утраты возможностей сбыта, и в результате так же стремительно стала сужаться ее доля в общей хозяйственной деятельности и России, и всех других новоиспеченных независимых государств.

Собственно, тогда и возникла проблема, которую я называю примитивизацией структуры экономики и которая, к сожалению, стала весьма мощной тенденцией. Конечно, и в сегодняшней российской обрабатывающей промышленности есть отдельные успехи. Как когда-то были герои социалистического труда, так и сейчас есть герои капиталистического труда, которые занимаются серийным производством готовых изделий. Но их доля в валовом производстве скандально низкая.

Для страны, которая начиная с 1930-х и до начала 1990-х гг. имела традиции мощного индустриального ландшафта, это, конечно, унижительно. В результате страна находится перед поистине экзистенциальным выбором: либо продолжение деиндустриализации и сползание в зону «технологического захолустья», либо резкий рывок в области реиндустриализации.

Существует много разных представлений о том, как это надо делать. Если отбросить самые экзотические и экстравагантные, то «водораздел» определяется двумя школами мышления, различающимися отношением к экономической теории и практике, прежде всего к роли государства в хозяйственных процессах. Разграничение четко прослеживается по ряду позиций, и я хочу коротко их обозначить.

Первая позиция — макроэкономическая стабильность, что на простом языке означает низкую инфляцию. Представители, так сказать, праволиберальной школы мышления постоянно призывают к тому, что она не должна превышать 3–4%. Тогда будто бы понизится стоимость кредита, начнется долгосрочное кредитование, появятся желаемые «длинные деньги» и возникнет инвестиционный бум.

Другая школа мышления, к которой принадлежу и я, условно назовем ее социально-либеральной, считает, что небольшая инфляция — весьма значимая, но не решающая предпосылка осуществления реиндустриализации не только в риторике, но и на практике. Сегодня в стране нет недостатка в финансовых ресурсах. Так что дело не только и не столько в том, что деньги дóроги. Просто у кредитора и заемщика большой страх, что средства, потраченные на производство тех или иных продуктов, не дадут желаемого результата: изготовленные товары не найдут сбыта.

Вторая позиция — бездефицитный бюджет. Здоровые государственные финансы — это очень хорошо. Но добиваться бездефицитного бюджета во времена вялого частного спроса — весьма сомнительное намерение. В такие периоды, как показывает теория и практика, вообще нет альтернативы государственным расходам, как бы ни относиться к качеству государственных институтов. Поэтому неверно любой ценой стремиться к бездефицитному бюджету. Наоборот, применительно к застойной ситуации в сегодняшней экономике России следует дефицит расширять до 5–7% ВВП, увеличивая совокупный государственный долг до 40–50% ВВП.

Третья позиция — регулирование курса национальной валюты. Последовательное повышение курса рубля при его внутреннем обесценении — это уже большой риск. Подозреваю, что на самом деле за этим скрывается средство антиинфляционного характера. Но не это главное. Принципиально то, что длительное укрепление рубля серьезно увеличивает девальвационные риски. Когда у вас инфляция 6–7%, а реальный курс национальной

валюты растет, возникают большие разрывы между ее внутренней и внешней динамикой и как следствие увеличивается вероятность обвальной девальвации. Это, собственно, и произошло в декабре 2014 г., когда после сомнительного решения Центрального банка о переводе рубля в режим «свободного плавания» его курс рухнул больше чем на 100 % (с 30 руб. за доллар до 70 руб.), что сразу же привело к скачку инфляции (до 14–15 %) и парализовало инвестиционную активность бизнеса.

Четвертая позиция — совершенствование инвестиционного климата. Его почему-то ставят во главу угла, когда говорят о необходимости начать процесс реиндустриализации. Прежде всего педалируется установка на создание благоприятных условий только для потенциальных инвесторов: снижение налогового бремени, гипертрофированные надежды на прямые иностранные инвестиции и малый бизнес.

Разумеется, благоприятные условия для инвесторов необходимы, но для решения задач реиндустриализации российской экономики явно недостаточны. Постоянно идет разговор о снижении налогового бремени для потенциальных инвесторов как об основном драйвере экономического роста. Я убежден, что это далеко не так. Исследования последних лет, в том числе таких гуров современной экономической науки, как Пол Кругман или Джозеф Стиглиц, доказывают эмпирически, что излишнее неравенство не способствует, а вредит росту. У нас, можно сказать, скандальное неравенство. И если оно будет усиливаться, то проблема справедливости или несправедливости превратится из этической в реальную проблему «закупорки» роста, потому что сужение среднего класса неизбежно ведет к снижению покупательной способности всего населения.

Надежды на прямые иностранные инвестиции как «палочку-выручалочку» также сомнительны: даже при идеальном климате их не будет, если не будет собственных инвестиций. Прямые иностранные инвестиции в Россию направлены туда, где возникает быстрая и большая

прибыль: в сырьевые отрасли и пищевую промышленность.

Про малый бизнес постоянно говорят, что нужно достигать западных стандартов, т. е. 60–70 % ВВП (у нас — 20 %). Между тем наш малый бизнес очень развит, очень эффективен и очень организован, а не дает он 70 % ВВП потому, что нет большого индустриального бизнеса, который в отличие от топливно-сырьевого как раз и нуждается в малых предприятиях.

Если бы у нас было достаточное количество крупных корпораций, выпускающих готовую продукцию, то тогда стихийно возникло бы много малых и средних предприятий, которые производили бы для них узлы и детали. Так что никакое «одно окно», придуманное для инициации малой деятельности, ничему не поможет. Так, в строительстве и в сфере услуг малый бизнес существует и очень мощно работает без всякого «окна»; нельзя же серьезно думать, что молодые бизнесмены «лежат на печи» и ждут, пока Министерство экономического развития создаст им благоприятные условия. Когда предприниматели видят, что их продукция продается, они справляются и с нашим неправым сознанием, и с любыми административными барьерами.

Пятая позиция — прекращение роста заработной платы из-за ее якобы систематического превышения над темпами роста производительности труда. Этот пункт — постоянный сюжет правительственных стратегий. Однако, во-первых, если просто соотносить долю заработной платы с валовым внутренним продуктом, т. е. устанавливать норму эксплуатации, то она у нас в два раза выше, чем в развитых странах. Во-вторых, наша средняя заработная плата — это «средняя температура по больнице». У нас менеджеры получают в тысячу, а не в 10–15 раз больше, чем наемные работники, и поэтому неправомерно говорить о производительности труда шахтера, который не имеет отношения к оборудованию. К оборудованию имеют отношение менеджеры, и если они его не обновляют, то можно сколь угодно понижать или повышать заработную плату шахтерам — ничего не изменится.

Шестая позиция — важный «водораздел» проходит по линии так называемых системных реформ. Утверждается, что мы стали их резко проводить в начале нулевых годов, а потом будто бы все прекратили, и стало плохо. Что такое системная реформа? На нормальном русском языке — это коммерциализация или установка на самокупаемость «всего и вся», в том числе максимальное самофинансирование науки, образования, культуры и здравоохранения. Как видно, сегодня этот курс так или иначе реализуется, что абсолютно контрпродуктивно как для страны в целом, так и для реиндустриализации ее экономики в частности.

Седьмая позиция — дискуссия о вреде и пользе «государства всеобщего благоденствия». Утверждается, что плоская шкала налогообложения — абсолютное благо. Мол, нам завидует весь мир. Далее следует вывод: чем слабее перераспределение первичных доходов, тем лучше для экономической активности и роста. Выше уже отмечалось, что происходит ровно наоборот. Но даже те, кто соглашается с тезисом, что государственная активность должна иметь приоритет, особенно в условиях стагнации, отдают предпочтение сначала ректификации госаппарата, потом — промышленной политике. Я же склоняюсь к заключению, что здесь не может быть никакой очередности и никакой иерархии. Необходимо проводить промышленную политику и реиндустриализацию с существующим государственным аппаратом, который если и будет улучшаться, то только по мере изменения содержания его работы.

Разумеется, рынок как способ устройства хозяйственной жизни не имеет альтернативы, его жизнеспособность не подвергается сомнению, но его «невидимая рука» с очевидностью должна быть дополнена «видимой рукой» государства. Упоение «свободной» экономикой прошло, мир устал от радикального, безудержного либерализма. Ему на смену идет система, еще не получившая своего «изма». Пока же очевидно, что без мощной и систематической государственной активности теперь уже не обойтись. У «нового капитализма» будут свои проблемы и, возможно,

не менее серьезные, чем у «старого». При этом надо иметь в виду отсутствие ясных критериев участия или неучастия государства в хозяйственной жизни общества. Так что мир вполне может впасть в другую крайность — гипертрофированное, ненормальное обобществление в комбинации с порочным протекционизмом.

Системный кризис лишь усугубляется от того, что его пытаются — в очередной раз — преодолеть теми же старыми способами, какие применялись, все с меньшим успехом, уже много-много лет. Но, хотим мы того или нет, говорить теперь надо не о том, каким образом капиталистическая система сможет, залечив новые раны, существовать дальше «в прежнем режиме», а о том, что придет ей на смену.

Последние события в мировой экономике убедительно показывают, что взаимоотношения государства и рынка на деле гораздо теснее, чем простое «взаимодействие». Выход из кризиса потребует формирования новой модели экономики и, в частности, новой модели государственного регулирования, новых теоретических обоснований. Речь идет о новом фундаменте, о принципиально новой модели экономики, адекватно отражающей современные социально-экономические реалии.

Надеюсь, этому могла бы способствовать разрабатываемая мною совместно с профессором А. Я. Рубинштейном Концепция экономической социодинамики (КЭС) [2].

Смысл ее сводится к признанию существования наряду с частными предпочтениями общественных интересов, которые не сводятся к ним. Если частные предпочтения индивидов выявляет рынок, то предпочтения общества в стихийном процессе саморегулирования не обнаруживаются: они определяются политической системой и общественными институтами. Очевидно, что интересы, выявляемые политической системой, не могут быть сведены к предпочтениям индивидуумов, выявляемым рыночным путем. При этом каждая ветвь общественных интересов претендует на определенный объем ресурсов, необходимых для их реализации. Формируемые по разным законам и в различных институциональных средах, эти

«ректификации» правильно (термин из химии)? может, улучшению работы?

«к ним» это «к первым» (в смысле частным предпочтениям)?

интересы вступают в состязание лишь на стадии их реализации — в борьбе за обладание ограниченными ресурсами.

Суть концепции заключается в возможности гармонизации социальных интересов и индивидуальных предпочтений. Государство, как исполнительная власть, само является рыночным субъектом, чье поведение определяется его специфическими интересами и имеющимися ресурсами. Существуют обычные рыночные игроки, располагающие собственными ресурсами и действующие по правилам, устанавливаемым государством. Но есть государственные структуры, которые, используя общественные ресурсы, действуют по правилам, которые само же государство как законодательная власть и установило. Таким образом, концепция экономической социодинамики предлагает совершенно новую трактовку понятия «смешанная экономика», отнюдь не сужая, а наоборот, расширяя сферу действия механизмов рынка, «оттеняя» совместимость частной инициативы и государственной активности.

Экономическая социодинамика — не просто теоретическая конструкция. Она является практической основой для деятельности государства, связанной, в частности, с финансированием социальной сферы, и сегодня вполне способна дать ответ на многие актуальные вопросы хозяйственной жизни страны. В КЭС ключевой категорией служит «социальная полезность» блага, которая обосновывает объективную необходимость не спорадического, а систематического общественного финансирования культуры, науки, здравоохранения, образования. Современная же экономика России, рыночная, но асоциальная, ориентирована на сиюминутную прибыль при практически полном забвении и игнорировании общественного интереса.

Есть множество жизненно необходимых обществу благ, которые рынку не интересны — они не дают немедленной прибыли. Но и здорового общества без них не бывает. Наука, образование, культура, здравоохранение — четыре основные сферы, которые должно опекать и в значительной мере финансировать государство — больше никому. Люди должны

постоянно образовываться, чтобы понимать, что происходит вокруг и куда необходимо идти. Инвестиции в человека — это единственное, что не девальвируется. Здесь у России серьезные проблемы, которые могут быть связаны с неправильным идеологическим посылом. Рыночная ориентация науки, образования, здравоохранения и культуры ведет к сужению объема услуг, которые общество получает. Мериторные блага должны производиться в большем количестве, нежели потенциальный их выпуск только в рыночных условиях. Недопроизводство мериторных благ приводит к элитарному обществу, когда только избранные имеют доступ к образованию, знанию, культуре и здравоохранению. Сейчас концепция элитарного общества — это отсталая концепция, когда лишь 20% избранных занимаются интеллектуальным трудом; для современного общества это очень мало.

Только государство способно создать порядок, при котором работающий подерживает безработного, здорового — больного, молодой — старого. При советской власти доминировал очень, как выяснилось, утопический лозунг: «Раньше думай о Родине, а потом о себе». Но лозунг сегодняшнего дня: «Думай только о себе» — социальной стабильности и экономической модернизации отнюдь не способствует.

Концепция экономической социодинамики коренным образом меняет понятие «государственная активность»: на место «государственного вмешательства» приходит равноправное участие государства в хозяйственной жизни страны, а место столь негативного «бюджетного бремени» занимают социально обоснованные государственные расходы на реализацию общественных интересов, представляющие собой инвестиции в человеческий капитал.

Основными факторами текущей стагнации российской экономики являются:

- 1) так называемая инвестиционная пауза, связанная с завершением ранее начатых мегапроектов (Олимпиада, Универсиада, остров Русский и т. п.);
- 2) снижение мировых цен на нефть;
- 3) западные санкции.

В этих суровых условиях инициирование и реализация государством структурной политики и массированного финансирования инфраструктурных проектов — безальтернативный императив. В России есть промышленные анклавы, которые еще способны приблизиться по эффективности и капиталу к зарубежным аналогам. И надо сосредоточить внимание именно на таких отраслях.

Приоритетов структурной политики не должно быть 70–80, как сегодня в государственных программах. То, как сейчас осваиваются средства и предоставляются отчеты по выполнению этих программ, находится за пределами добра и зла. Необходимо сосредоточиться на 5–7 главных приоритетах и проработать эти направления. Ситуация весьма типична для России: мы знаем, что делать и как делать, но мы не получаем результатов. Надо найти выход, как-то решить эту проблему. Это принципиальный вопрос всей нашей жизни. В выборе таких приоритетов для промышленной политики, как представляется, надо отдавать предпочтение, во-первых, тем производствам, которые еще способны выйти на международный уровень; во-вторых, тем производствам, которые нельзя закрыть по социальным соображениям; в-третьих, машиностроительным предприятиям.

При этом необходимо определиться с критериями расстановки приоритетов. Здесь уместно заметить, что не существует совершенный и не зависящий от субъективных устремлений механизм определения приоритетов структурной перестройки экономики. Как нет «совершенного» рынка, обеспечивающего оптимальную аллокацию ресурсов, так нет и идеального, «научно обоснованного» государственного механизма выявления потребностей общества в той или иной структуре экономики. Однако, чем демократичнее общество, тем при прочих равных условиях быстрее будет замечена ошибка в расстановке приоритетов.

Далее, в приоритеты структурной политики следует закладывать те направления развития, по которым Россия еще сохраняет конкурентные преимущества — реальные или теперь уже в большей мере

потенциальные. Это в целом подлежит тщательному системному изучению с участием научных коллективов, включающих представителей экономических и естественных дисциплин.

Кроме того, определение приоритетов современной промышленной политики должно носить не отраслевой, а межотраслевой характер. Такие проекты обычно характеризуются высокой степенью затратности, большими инвестиционными рисками и длительным производственным циклом. Иначе говоря, они не могут быть осуществлены без систематической господдержки из-за «слабых рыночных стимулов». Нужно только помнить, что именно способность производить подобные системы удерживает ту или иную страну в ряду ведущих мировых промышленных держав.

Но чтобы попасть в этот ряд, необходимо, на мой взгляд, выполнение трех базовых условий.

Первое — отказ от демонизации роли государства в экономике. Необходимо понять, что дискуссии об уместности или неуместности государственных инвестиционных проектов лежат за пределами современной научной экономической мысли, и надо прекратить в этой связи запугивать себя так называемым государственным капитализмом. В свое время подобная демонизация рыночных механизмов, когда объективной необходимостью их всемерного развития противопоставлялась не экономическая реальность, а идеологема об их несовместимости с сохранением чистоты «социалистических» принципов примата так называемой общественной (а по сути государственной) собственности на средства производства, дорого обошлась советской экономике. Стоит ли сегодня повторять ту же ошибку с теми же последствиями, апеллируя не к сложившейся экономической реальности, а к невозможности поступиться принципами теперь уже «чистоты рынка»? Дискуссии в этой области должны вестись лишь в отношении оценки экономической эффективности предлагаемых к реализации проектов и механизмов контроля целевого использования инвестиций.

Второе — радикальное изменение денежно-кредитной политики для финансового обеспечения инвестиционного маневра. Суть этого маневра выходит за пределы данной статьи. Здесь следует лишь напомнить, что так называемая финансовая «подушка безопасности» позволяет в течение определенного времени не допустить «обвала» финансовой системы и социальных показателей, но она не предотвращает ни стагнации, ни рецессии экономики в целом. Буквальное копирование «количественного смягчения» в России невозможно по разным причинам. Но точечная эмиссия под приоритеты — это вполне здравая идея.

Третье — в силу объективно существующих ограничений государственные проекты могут обеспечить технологические прорывы пусть в очень важных, но лишь отдельных сегментах национального хозяйства. Государство должно задать мощный первоначальный инвестиционный импульс модернизации. Обязательным же условием ее успешности является активное участие в этом процессе частнопредпринимательского сектора, который должен «подхватить» и развить этот первоначальный импульс, что требует применения механизмов государственно-частного партнерства.

Если говорить о новой индустриальной революции, возможно, единственный выход для России — мегапроекты. Именно масштабные проекты позволят адаптироваться к реалиям мирового рынка, если Россия не стремится замкнуться, как Северная Корея, а хочет оставаться свободной, открытой и конкурирующей страной. Пора перестать быть исключи-

тельно потребителями, что само по себе было бы очень неплохо, если бы при этом нефтяных доходов хватало на 140 миллионов человек. Чтобы освободиться от пресловутой топливно-сырьевой иглы, необходимо что-то производить. Например, идея коридора развития обсуждается уже около пяти лет. Коридор развития от Пусана до Лиссабона — строительство скоростной железной дороги через Сибирь, которая сократит в 6–7 раз время доставки грузов из Азии в Европу, — проект, который интересен и европейским странам, и Китаю. Большой интерес потенциальных участников является залогом того, что проект может быть реализован. Этот проект и подобные ему должны помочь российской экономике.

Дефекты современной экономики России очень серьезны. Многие из них приобрели системный характер. Но это не значит, что их нельзя преодолеть.

Противники промышленной политики, сторонники так называемого радикально-либерального направления экономической мысли справедливо отмечают, что и отрицательных примеров такой политики вполне достаточно. Но это как раз тот случай, когда уместно привести следующее изречение Бертольда Брехта: «если вы боретесь, вы можете проиграть, но если вы не боретесь, вы уже проиграли». Риски, конечно, существуют, но сложно представить себе экономическую деятельность без рисков вообще. Ясно одно — страны, которые действительно совершили экономический прорыв и превратились из развивающихся в развитые, сделали это исключительно с помощью последовательной промышленной политики.

Список лит-ры. 4: за какой год этот ежегодник? 2002? 7–9: просьба указать авторов и названия статей. 10–15: просьба по возможности указать город, издательство и год издания.

Литература

1. Новая индустриализация: драйверы и перспективы. Монография / Под ред. В. И. Супруна. Новосибирск: ФСПИ «Тренды», 2016. 210 с. С. 66–75.
2. *Grinberg R., Rubinstein A.* Economic Sociodynamics. Berlin—Heidelberg: Springer-Verlag, 2005.
3. Российский статистический ежегодник. 2000. С. 57.
4. Российский статистический ежегодник. М.: Госкомстат России, 2003.
5. Российский статистический ежегодник. 2002. С. 37, 38.
6. Российский статистический ежегодник. 2005. С. 392.
7. Экономика и жизнь. 2004. №9. С. 6.

8. Российская газета. 2007. 4 дек.
9. Российская газета. 2013. 11 окт.
10. Россия в цифрах. 2005. С. 354.
11. Россия в цифрах. 2009.
12. Россия в цифрах. 2011.
13. Россия в цифрах. 2013. С. 104.
14. Россия в цифрах. 2014.
15. Россия в цифрах. 2016.

References

1. Novaya industrializaciya: draivery i perspektivy. Monografiya / Ed. by V. I. Suprun. Novosibirsk: FSPI «Trendy», 2016. 210 p. P. 66–75. (in Russian)
2. *Grinberg R., Rubinstein A.* Economic Sociodynamics. Berlin—Heidelberg: Springer-Verlag, 2005.
3. Rossiiskii statisticheskii ezhegodnik. 2000. P. 57. (in Russian)
4. Rossiiskii statisticheskii ezhegodnik. M.: Goskomstat Rossii, 2003. (in Russian)
5. Rossiiskii statisticheskii ezhegodnik. 2002. P. 37, 38. (in Russian)
6. Rossiiskii statisticheskii ezhegodnik. 2005. P. 392. (in Russian)
7. *Ekonomika i zhizn'.* 2004. №9. P. 6. (in Russian)
8. Rossiiskaya gazeta. 2007. 4 Dec. (in Russian)
9. Rossiiskaya gazeta. 2013. 11 Oct. (in Russian)
10. Rossiya v cifrah. 2005. P. 354. (in Russian)
11. Rossiya v cifrah. 2009. (in Russian)
12. Rossiya v cifrah. 2011. (in Russian)
13. Rossiya v cifrah. 2013. P. 104. (in Russian)
14. Rossiya v cifrah. 2014. (in Russian)
15. Rossiya v cifrah. 2016. (in Russian)

О стратегии опережающего развития России

Об авторах

*Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва,
Ленинские горы, 1, стр. 46*

Александр Бузгалин
*доктор экономических наук,
главный редактор журнала «Вопросы
политической экономии»,
профессор кафедры политической
экономики экономического факультета
buzgalin@mail.ru*

Андрей Колганов
*доктор экономических наук, профессор,
заведующий лабораторией
сравнительных исследований
социально-экономических систем
экономического факультета
onaglo@mail.ru*

Ключевые слова

государство, экономика России, рынок, реформа, собственность, олигархический капитал, корпоративные структуры, опережающее развитие, социальная справедливость, селективное государственное регулирование

Основные тезисы

- Стратегия опережающего развития направлена на преодоление противоречий олигархически-бюрократической мутации полупериферийной модели позднего капитализма, сложившейся в постсоветской России.
- Достижение целей стратегии опережающего развития предполагает реализацию новых принципов соединения рынка и капитала, их общественного ограничения и регулирования.
- Экономическая модель, предлагаемая авторами, предусматривает выделение в экономике двух подпространств координации: 1) регулируемого рыночного, предполагающего доминирование законов рынка, лишь «поддерживаемых» и минимально ограничиваемых обществом, и 2) планомерно рыночного, которое подразумевает сознательное регулирование не рынка, а социально-экономического развития с помощью инструментов селективного планирования.

Введение

На всем протяжении постсоветской эволюции России идет поиск стратегии, которая позволит вывести страну из затяжной стагнации, из печального тренда, знаменующегося тем, что кризис сменяет экстенсивный рост, который сменяется новым кризисом, на смену которому приходит стагнация, и все это в конечном итоге оборачивается менее чем 1 % роста экономики на протяжении 25 лет безуспешных попыток построить в России либеральный капитализм, насильственно имплементируя теории «рыночного фундаментализма». Длительная стагнация российской экономики, массовая бедность (более 20 миллионов россиян живут менее чем на 10 000 руб. в месяц, 5 млн работающих получают нищенскую зарплату в 7500 руб¹⁾), баснословная (более 70 %) концентрация богатства в руках 1 % российских собственников, зависимость не только бюджета, но и всей экономики от экспорта сырья — все эти симптомы болезни хорошо известны. Основная причина сложившегося в экономике положения состоит в том, что в постсоветской России сложилась олигархически-бюрократическая мутация полупериферийной модели позднего капитализма.

Экономическая система России — это особый вид не просто рыночной экономики, но именно позднего капитализма — системы, в которой на рынке господствует монополистическая конкуренция, а его главными игроками являются транснациональные корпорации; где государство оказывает регулирующее воздействие на экономику, но оно нацелено (в большей или меньшей степени) на защиту интересов крупного капитала и бюрократии; где большая часть общественного богатства контролируется корпоративным капиталом, но при этом присутствуют (опять же в разной степени) элементы социализации и т. п. Эти черты хорошо известны.

Экономическая система России — это мутация позднего капитализма, так как

в ней все названные выше отношения деформированы вследствие возрождения отношений позднего средневековья: результатом радикальной ломки советской экономики закономерно стал не зрелый социальный капитализм, а бюрократически-феодалная мутация капитализма. В результате государственное регулирование у нас носит по преимуществу характер отношений вассальной зависимости и реализуется через «ручное управление», бизнес строится «по понятиям» [1], верховная бюрократия срашена с магнатами, и именно этот союз контролирует основные каналы собственности, распределения общественного богатства и управления. *Основная экономико-политическая власть в России принадлежит олигархически-бюрократической номенклатуре. Это причина болезни.*

Экстенсивный рост при благоприятной конъюнктуре и стагнация при неблагоприятной, социальное расслоение, попытки заместить провалы во внутренней политике активностью во внешней — все это атрибуты системы, которую сто лет назад назвали «военно-феодалным империализмом».

Эта система носит *полупериферийный характер*, поскольку и по внутренней структуре, и по роли в мировой системе занимает промежуточное положение между тяготеющими к имперскости странами ядра и находящимися в положении неокolonий странами периферии. Россия имеет оставшийся в наследие от СССР и отчасти сохранный образовательный, научный, культурный и военный потенциал центра, но по основным качественным экономическим показателям (сырьевая зависимость, низкая производительность труда, малая продолжительность жизни, очень высокая социальная дифференциация) ближе к экономике Юга, а не Севера.

Все это позволяет сделать вывод: *сложившаяся в РФ к 2017 году система производственных отношений и институтов не может и не сможет обеспечить быстрое социально-ориентированное развитие.*

Необходимы не просто коррекция экономической политики и реформирование экономического блока правительства, о чем постоянно говорится, *необ-*

¹⁾ Эти цифры были озвучены вице-премьером России Ольгой Голодец в рамках Гайдаровского форума [13].

ходима как минимум *глубокая реформа всей системы социально-экономических отношений и институтов* («правил игры»), частично (речь, напомним, идет о *реформах*), перераспределяющая права собственности, общественное богатство и доходы, а также функции управления в пользу общества и потому — будем откровенны — в определенной мере ограничивающая власть правящих в России кругов и ущемляющая их интересы.

Ход дальнейших событий не предопределен: мы либо воспользуемся имеющимися возможностями, либо будем продолжать двигаться по тому пути, который не сулит нам ничего хорошего. Выход из тупика, в который нас всех завели нынешние хозяева мира и России, есть. Это путь не революции, а «всего лишь» *глубоких реформ*, нацеленных на реализацию *стратегии опережающего развития, ограничивающей капитализм и создающей переходные отношения, в которых формируются ростки свободы, справедливости, солидарности и развития.*

Цели и средства такой стратегии авторы этого текста *впервые сформулировали еще в начале 1990-х*, введя понятия «Стратегии опережающего развития» и «Экономики для человека» [2, 3]²⁾, и затем не раз уточняли и реактуализировали (см., напр.: [4])³⁾. Ниже мы представляем

²⁾ Авторы хотели бы отметить, упреждая возможные вопросы читателей к списку литературы, что приводимые в настоящем тексте ссылки авторов на собственные предшествующие работы обусловлены исключительно ограниченностью объема статьи и невозможностью ввиду этого привести подробное обоснование предлагаемых вниманию читателей тезисов. Ссылки на работы и аргументацию других исследователей анализируемых в статье проблем, послужившие основой для разработок авторов, в достаточном количестве приведены в публикациях, упомянутых в списке литературы, в чем читатель может убедиться, обратившись к этим текстам.

³⁾ В 2000-е гг. было проведено более десяти международных конференций, посвященных обсуждению стратегии опережающего развития, все материалы которых были опубликованы в соответствующих коллективных монографиях (см., напр.: [5, 6]). Авторы рады, что у С. Ю. Глазьева в 2010 г. вышла книга, где он также использовал понятие «стратегия опережающего развития» [7], хотя и сожалеем, что он не упомянул о целой серии работ под этим названием, вышедших в течение многих лет.

изложение ближайших задач в варианте, подготовленном специально для Московского экономического форума 2017 года. Подчеркнем: это *именно политико-экономический текст*. В нем мало цифр, нет прогнозных расчетов и конкретных формулировок, которые *непосредственно* могли бы стать основой для новых законов или указов.

Это неслучайно.

Во-первых, мерами по коррекции экономической политики, сменой курса правительства, изменением действий Центрального банка и т. п. проблемы отечественной экономики решить невозможно — это будет что-вроде покраски в зеленый цвет пожухшей травы к приезду генерала. Сколько-нибудь серьезные позитивные подвижки в российской экономике возможны только при условии глубокого реформирования *всей системы производственных отношений* и их форм — институтов («правил игры»). Анализ такой материи — задача в первую очередь политической экономии. Конкретные рекомендации и просчет вариантов — задача последующей работы.

Во-вторых, построение целостной системной программы реформирования всех ключевых отношений и институтов российской экономики с соответствующими прогнозными расчетами — то, что мы определили как вторую, пожалуй, наиболее сложную часть работы, — это проект, реализация которого под силу большому научному коллективу, а не двум профессорам МГУ.

В-третьих, общественные силы, которым принадлежит экономико-политическая власть в современной России — а это, как мы покажем ниже, олигархически-бюрократическая номенклатура — не заинтересованы в реализации предлагаемых нами мер по реформированию системы производственных отношений и институтов в РФ. Поэтому *наш доклад мы адресуем гражданскому обществу страны*, что обусловило и его содержание, и его форму: это скорее *программа*, нежели набор рекомендаций правительству.

Альтернативная повестка дня: новый международный консенсус

Мы не претендуем на «истину в последней инстанции», но твердо знаем, что и на Западе, и на Востоке ныне возникают новые проекты, имеющие глубокие историко-культурные, теоретические и практические основания. Возникают они и в России. И формируем мы их не изолированно, а в диалоге с учеными Запада и Востока, с нашим прошлым и с историей мировых цивилизаций.

Это широкий взгляд на мир, и он традиционен для России, где привыкли мыслить глобально. Мыслить, с учетом достижений наших партнеров по диалогу и не впадать в соблазн самодостаточности, хотя и в нашем Отечестве хватает мракобесов, проповедующих изоляционизм вместо суверенитета, превосходство русского мира вместо диалога культур, власть Государя, а не граждан.

Новая повестка дня исходит из понимания того, что сложившаяся к началу XXI века в мире экономическая система — это далеко не идеальная модель социально-регулируемого, демократически организованного рынка. Мы живем в мире гегемонии глобального капитала, пронизанного глубокими противоречиями и обретающего новый тренд — формирование ряда прото-империй, причем не только в Центре, но и на периферии.

Более того, «восстание периферий» все сильнее становится реальностью. Претензии истэблишмента ряда стран НАТО на контроль над миром, казалось бы, обретенный ими после распада мировой системы социализма, создают все более напряженную обстановку в мире, приводящую к непрерывной череде войн, причем не только в странах Азии и Африки, но и в Европе (совсем недавно — Югославия, сейчас — Украина).

Консерваторы видят альтернативу этой напряженности исключительно в укреплении национальных позиций, прежде всего — в военно-промышленной сфере. Споры нет: суверенитет надо защищать. Но если наша страна не хочет стать объектом ненависти не «элит» иных стран, а большинства народов мира, нам надо

решительно отказаться от идей Александра III, заявлявшего в позапрошлом веке, что у России нет других друзей, кроме армии и флота. Это неправда. Мы все хорошо знаем, что у нашей страны были и могут быть в будущем миллиарды друзей по всему миру. Эти друзья когда-то учились в наших университетах, и вместе с нами считали кумиром не очередную поп-звезду, а Гагарина. И сегодня они хотят равноправного и активного диалога с нашей страной, ее наукой, образованием, культурой. Причем не только в Азии, но и в Европе. *Дружба народов может снова стать лозунгом реальной геополитики.* Подчеркнем — реальных проектов, а не прекрасноречивых мечтаний.

Мы не утописты. И понимаем, что этот курс вряд ли будут приветствовать корпоративный капитал Запада и деятели близкого к нему правого крыла истэблишмента США и ЕС. Но он, несомненно, окажется приемлемым для стремящегося к диалогу *договороспособного крыла гражданского общества* и их союзников.

Мы не должны ни подчиняться навязываемому нам глобальным капиталом принципу «С волками жить — по волчьи выть», ни превращаться в овец, на которых паразитируют волки. Мы должны быть людьми, которые могут приручать волков и стричь овец.

Сказанное — не более, чем образ. Но за ним стоит конкретная инициатива. Страны БРИКС, и, в частности, наша страна, могут стать инициаторами внесения в мировую повестку дня таких фундаментальных принципов, как:

- *критичность* по отношению к выработанным в *своем* (русском, европейском, исламском) мире институтам и ценностям и открытость к диалогу с ценностями и принципами других сообществ;
- *договороспособность*; ориентация на диалог и взаимообогащение «правил игры» всех участников мирового процесса; понимание и уважение исторических путей становления социального демократического государства;
- *отказ от «двойных стандартов»* (и со стороны РФ, и со стороны наших зарубежных партнеров) в экономике

и политике (скажем, предложение Западу пригласить на выборы в США и страны ЕС наблюдателей от РФ, стран Азии и Латинской Америки с целью контроля за невмешательством корпораций в демократический процесс);

- формирование альтернативы «Вашингтонскому консенсусу» на основе принципов обновленного демократического, социально- и экологически ориентированного мирового проекта (о его реперных точках — ниже).

И если российская власть сегодня не может или не хочет предлагать своим гражданам и мировому сообществу новую повестку дня, то ответственность за нарастание конфронтации ложится не только на Вашингтон и Брюссель, но и на Москву.

По ту сторону противостояния консерваторов и либералов: необходима новая повестка дня

Предлагаемая нами повестка дня — курс, который центристы, возможно, сочтут чрезмерно левым, а радикально-левые — излишне реформистским.

Но правые и центр должны понять: России и миру нужна новая — *практически, а не на словах ориентированная на социальные, гуманитарные и экологические ценности и дружбу народов* — повестка дня. Выход из тупика «рыночного фундаментализма» требует, как минимум, существенных реформ, идущих в сторону большей социализации экономики и расширения политических прав «рядовых» граждан.

Радикально левым также следует помнить заветы своих классиков: программа-минимум коммунистов совпадает со стратегией социал-демократов, а демократические социально-ориентированные реформы не мешают, но помогают идти вперед по дороге к «царству свободы». Другое дело, что «старая», образца 1960-х гг., социал-демократическая повестка дня требует перезагрузки, иначе она не будет служить не только программой-минимум коммунистов, но и общественно-востребованной программой социал-демократов, сползших едва ли

не повсеместно на платформу социал-либерализма, платформу бледно-розового декора глобальной гегемонии капитала (подробнее об идеях «либерального социализма», обсуждаемых исследователями уже второй десяток лет, см., напр.: [8]).

Что же до демократических левых, то при всем многообразии их позиций им надо извлечь уроки из прошлого: попытка сидеть на двух стульях, ничего не меняя, ведет к стагнации социал-демократии, а застой, как показал опыт СССР, при всей его кажущейся стабильности, это дорога в пропасть. Символ альтернативы этому тупику стагнации — *велосипед*, интегрирующий индивидуальную свободу передвижения с социальным равенством, — *устойчив только в движении*.

Мы прекрасно отдаем себе отчет, что в конце 1970-х социал-демократия оказалась перед лицом вызовов, на которые она не смогла дать достойный ответ; почти повсеместно она уступила пальму первенства неолиберальной политике. Тем важнее демократическим левым извлечь уроки из проблем прошлого и пойти по обновленному пути, не повторяя ошибок середины прошлого века, и не переходя на позиции правого центра, сохраняя лишь видимость «левого дискурса». Более того, в погоне за идеалом индивидуализма при все большем забвении ценностей коллективизма и солидарности, многие экс-левые Запада стали уступать пространство борьбы за социальную справедливость правым консерваторам.

В России эта ситуация обретает гротескную окраску.

С одной стороны, в нашей стране наиболее последовательно ценности социальной справедливости и защиты прав беднейших и средних слоев населения чем дальше, тем больше поднимают на щит не просто консервативные, но в ряде случаев великодержавно ориентированные лидеры, общественные деятели и интеллектуалы, доходящие подчас до проповеди средневекового мракобесия.

С другой стороны, сторонники демократических прав и свобод, «забытая» о важности защиты не только

гражданских, но и социально-экономических прав большинства граждан, толкают это большинство в объятия консерваторов, дискредитируя демократические, гуманистические ценности.

Власти предержавшие, пользуясь этим противостоянием, осуществляют своего рода «негативную конвергенцию» консерватизма и либерализма, беря все худшее и от тех, и от других.

От либералов они берут не гуманистические ценности, а ориентацию на принципы «рыночного фундаментализма», скрывающие реальную гегемонию олигархов и бюрократии.

От консерваторов они берут не ориентацию на социальную справедливость, а ограничение гражданских прав и свобод.

Мы можем и должны противопоставить этому *не только позитивный синтез некоторых здравых сторон программ консерваторов и либералов, но и принципиальное обновление демократической левой альтернативы середины прошлого века.*

И это будет наша программа-минимум. Нашу программу-максимум — формирование качественно новой общественной системы, открывающей дорогу в «царство свободы» (коммунизм) — в этом тексте мы не обсуждаем.

Мы ставим вопрос: как уйти от брутальности рыночного фундаментализма, не возвращаясь к бюрократическому централизму и не повторяя ошибок социал-демократов второй половины XX века?

Иными словами, не пришло ли время новых проектов?

Сейчас снова настало время даже в рамках реформистских проектов ставить задачи столь же масштабных изменений, как восьмичасовой рабочий день по сравнению с двенадцатичасовым рабочим днем 100 лет назад, бесплатное образование и здравоохранение для всех плюс социально-гарантированный минимум по сравнению с элитными университетами, здоровьем для меньшинства и массовой нищетой 70 лет назад. Иначе мы никогда не найдем *нового* решения, и кризис левого проекта будет продолжаться.

Традиционная постановка вопроса социал-демократией известна: надо создать условия, в которых рынок сделает так, чтобы большинство людей могло зарабатывать, а социальное государство — поддерживать то меньшинство, которое не может зарабатывать, и чтобы при этом как можно меньше людей нуждалось в социальной поддержке. Однако: *рынок и капитал сами по себе всегда порождали, порождают и будут порождать глубокую социальную дифференциацию и неравенство, причем не только доходов, но и богатства.*

Другого рынка и капитала не бывает. А если бывает, то только тогда, когда в рамках социал-демократической модели рынок ограничивают, а собственники капитала возвращают часть присваиваемого ими богатства (всю ренту от находящихся в общественной собственности ресурсов и часть используемой на сверхпотребление прибыли) обществу, которое использует эти средства на цели развития и выравнивания стартовых условий для всех его членов.

Эта модель «старой» социал-демократии была когда-то важным шагом вперед; сегодня она под атакой, но мы утверждаем: мало бороться за ее восстановление, необходимые и новые решения. Прежняя модель сугубо недостаточна.

Парадокс при этом состоит в том, что новую модель почти все ищут исключительно по принципу нового сочетания уже существующих черт уже существующих моделей. Немного больше либерализма и меньше социальности или наоборот. Иными словами, идет поиск изменения количественных пропорций перераспределения созданного богатства, но сам принцип: «создает богатство рынок, а общество может его только перераспределить, в большей или меньшей степени подрывая рыночные стимулы», — остается неизменным.

Мы же уверены: пора поставить вопрос иначе. Пора формировать новое качество, новые принципы соединения рынка и капитала — на одном полюсе; их общественного ограничения и регулирования — на другом. Пора уйти от старой дилеммы «больше справедливости —

меньше эффективности, больше эффективности — меньше справедливости», формируя систему, в которой *справедливость будет стимулом, а не тормозом роста, причем не просто эффективности, а инноваций, обеспечивающих человеческое развитие*. И, что еще важнее, необходимо реформировать отношения, складывающиеся в процессе производства и потребления — развивать общественные и общественно-частные формы организации первого и формировать механизмы хотя бы частичной трансформации второго, создавая формы, альтернативные стандартам «общества потребления».

Система целей

Ключевое отличие предлагаемой Стратегии опережающего развития от большинства ныне предлагаемых модернизационных стратегий состоит в выдвигании принципиально отличных от реализуемых ныне в большинстве стран мира целей развития и переходе к соревнованию с существующими системами по иным, нежели ныне ими реализуемые, критериям прогресса.

Исторической параллелью может служить отказ политического класса раннебуржуазных торгово-промышленных республик от традиционных для позднефеодального общества критериев успешности дворянских «элит», — таких как знатность, роскошь, сохранение традиций и т. п., — и переход к новым критериям прогресса, среди которых тогда на первый план выдвигались рост объемов производства товаров массового спроса и денежной прибыли.

Безусловно, в рамках позднего капитализма доминирующими останутся целевые установки капитала — прибыль и расширение рынков. Однако на общенациональном уровне возможны ограничение и коррекция этих установок.

На уровне обыденного сознания эти коррекции могут быть сформулированы достаточно просто:

- Интересная содержательная работа и взаимоуважение, а не [только] максимизация денежного дохода при минимизации затрат труда и конкуренции всех со всеми;

- Чистая природная среда, социальная стабильность и безопасность, а не [только] рост производства товаров и услуг.
- Рост свободного времени, используемого для духовного и физического развития, а не [только] следование стандартам «общества потребления».
- Вкусная и здоровая пища, удобные и красивые жилище и одежда, а не [только] престижные товары-симулякры, удовлетворяющие искусственно-навязанные потребности.

В переводе на политико-экономический язык эти целевые установки, которые могут дополнять и теснить ценности и нормы позднего капитализма, будут выглядеть следующим образом.

- Приоритетное развитие человеческих качеств, в частности: повышение ИЧП до уровня скандинавских стран; приоритетное развитие творческого потенциала большинства граждан; продление периода гарантированно здоровой жизни до 70 лет и более.
- Превращение России и интегрированных с ней стран и интернациональных сетей в одного из культурных лидеров человечества.
- Обеспечение социально-справедливых оснований творческой и трудовой мотивации, включая фактическое равенство стартовых возможностей для каждого (получение образования, предоставление рабочего места, предоставляющего использование творческого потенциала и т. п.), основанную преимущественно на трудовом вкладе социальную дифференциацию (децильный коэффициент на уровне 6–7 раз).
- Постепенное внедрение стандартов ноосферного (основанного на ответственности общества за рекреацию и развитие биосферы) типа развития. В частности, выход на экологические параметры не хуже стран «ядра» с социал-демократической моделью позднего капитализма; измерение развития, в том числе по показателю чистого адаптированного (с учетом загрязнения и деградации природного потенциала) валового продукта.

Индекса человеческого потенциала? (лучше раскрыть, есть еще индивидуальное частное предприятие)

- Рост свободного времени (времени, в котором осуществляется развитие человеческих качеств) при сокращении времени репродуктивного труда (труда, как средства обеспечения жизни), трансакций (типичный пример — «шопинг»), «досуга» (нерабочего времени, не обеспечивающего развитие человеческих качеств) и т. п. Использование параметра «свободное время общества» как одного из ключевых измерителей качества развития.
- Формирование принципиально новых технологий и структуры экономики, ориентированных на развитие человеческих качеств, социальную и природную рекреацию, а не рост вешного богатства, трансакций, симулякров.

Цели промежуточных этапов определяются исходя из конкретной социально-политической ситуации. В данном тексте эта проблема не раскрывается, поскольку пока отсутствуют реальные условия для ее постановки.

Традиционно рассматриваемые в качестве целей развития рыночные параметры роста (объем ВВП, конкурентоспособность на мировых рынках и т. п.) в рамках данного проекта трактуются как одно из возможных средств обеспечения развития.

Приоритет развития — креатосфера, в частности:

- Общедоступное образование через всю жизнь (от яслей и детского сада через школу, университетские комплексы, систематическое повышение квалификации до образовательных комплексов для пенсионеров). Выделение на развитие этой сферы не менее 10 % ВВП.
- Сферы, обеспечивающие здоровье через всю жизнь (общедоступная медицина, спорт...) — не менее 10 % ВВП.
- Наука, искусство, другие сферы создания ценностей, идей, технологий и т. п. результатов и ресурсов развития новой экономики — не менее 5 % ВВП.
- Рекреация природы и общества — не менее 5 % ВВП.

По мере достижения указанных выше структурных сдвигов будет происходить сдвиг в сторону занятости в данных сферах не менее 50–60 % от общего числа работающих при занятости в традиционных отраслях материального производства (сельское хозяйство, промышленность, транспорт, строительство) 20–25 % (уровень, уже достигнутый, в частности, многими странами Западной Европы, объемы производства материальных благ в которых не меньше, чем объемы потребления этих благ), отраслях обслуживания утилитарных потребностей (торговля, питание, туризм...) — до 10–15 % (несколько ниже уровня развитых стран Западной Европы), отраслях транзакционного сектора (государственное и корпоративное управление, финансы и иное посредничество) — 10–15 % (в 2–3 раза ниже уровня развитых стран).

В качестве комментария заметим: в развитых странах для обеспечения удовлетворения материальных потребностей даже на сегодняшнем технологическом уровне достаточно 20–30 % занятых. Большая часть занятых сферы услуг выполняет паразитические функции, которые могут быть сокращены при параллельном росте занятых в отраслях креатосферы (подробнее см.: [9]).

Главные аргументы в пользу приоритетного развития креатосферы — (1) это сферы общедоступной творческой деятельности Педагога, Врача, Художника, Ученого, Садовника, которые непосредственно развивают человеческие качества и работника, и потребителя результатов их деятельности, т. е. прямо реализуют главную цель стратегии; (2) они формируют (создают) творческие способности работника, т. е. главное средство роста эффективности новой экономики. Таково тезисное обоснование правомерности выдвижения в качестве ключевых предложенных выше целей развития.

Средства реализации стратегии опережающего развития

Подчеркнем: основные предлагаемые выше механизмы реализации стратегии (а) не могут быть внедрены одномоментно, декретом; они должны *выраши-*

ваться, постепенно создаваясь, но неуклонно претворяясь в жизнь на базе качественно новых институционально-политических предпосылок; (б) они будут «работать» в условиях постоянно воспроизводимого *противоречия* между господствующими в условиях любой модели позднего капитализма отношениями тотального рынка и гегемонии корпоративного капитала, с одной стороны, отношениями их частичного ограничения и социализации — с другой; наконец, (в) они будут относительно эффективными переходными механизмами только в том случае, если будет формироваться *вся система* названных выше средств.

При всех заявленных выше наших разногласиях со сторонниками неолиберальных моделей трансформации отечественной экономики, есть пункт, в котором мы с ними отчасти солидарны: условием и социал-либерального, и социал-демократического реформирования в России является, во-первых, демонтаж отношений и институтов, включающих значимые компоненты позднего феодализма (приоритет рентных доходов, патронаж, вассалитет, «ручное управление», теневые рынок и государственное регулирование, массовая коррупция и т. п.), и, во-вторых, создание и гарантия устойчивых легальных институтов («правил игры»), активно поддерживаемых большинством населения и гарантирующих возможность долгосрочных экономических действий для всех акторов экономики.

Различия с неолиберальными теоретиками у авторов доклада есть, однако, и в этом пункте. Мы доказываем, что сами по себе политические демократические реформы столь же необходимы, сколь и недостаточны: без решения социальных проблем не будет — используем либеральный язык — общественного консенсуса вокруг «правил игры», а решение этих проблем в России не может быть достигнуто на пути неолиберальных реформ. Еще более важно то, что мы предлагаем существенно иные, нежели неолиберальные, «правила игры» в экономике.

Наиболее важной и, одновременно, наиболее сложной задачей в данном случае является формирование *системы ин-*

ститутов, представляющих интересы общества.

Подчеркнем: в условиях даже социальной модели позднего капитализма государство по преимуществу представляет интересы корпоративного капитала и самого себя как особого института и, соответственно, социального слоя — бюрократии.

Однако есть и хорошо известные направления реформирования этой ситуации. Это:

- проведение системных социально-ориентированных экономических реформ, создающих предпосылки относительной независимости граждан от капитала (о них ниже);
- последовательная реализация всех общедемократических прав и свобод, зафиксированных в документах ООН;
- повышение экономической роли различных институтов самоорганизации граждан (от «старых» профсоюзов до «новых» социальных движений);
- развитие форм прямой демократии (в том числе — на основе использования Интернет-технологий) и «демократии корней травы»;
- активное участие левых политических организаций и движений в выработке и принятии социально-экономических решений на основе использования широкого спектра конституционных форм (вплоть до гражданского неповиновения);
- активное ограничение влияния капитала на политические процессы;
- делегирование всех вопросов, прямо не затрагивающих общенациональные интересы, на региональный уровень и решение этих проблем на основах самоуправления граждан, а не сепаратизма местных чиновников и т. п.

Эти и многие другие хорошо известные меры способны существенно повысить роль общества в выполнении тех социально-экономических задач, которые обычно отводятся исключительно государству. *Переход от государственно-бюрократического к общественно-государственному регулированию экономики, от бюрократического государства*

к «обществу-государству» как актору, осуществляющему функции государства в экономике (включая функции собственника), есть важнейшее условие успешного преодоления «провалов государства» и реализации всех остальных задач по социально-ориентированному реформированию российского олигархически-бюрократического капитализма.

По мере трансформации государства-бюрократа в общество-государство станет возможным проведение других экономических реформ — в области отношений координации (социализация рынка и государственного регулирования), собственности, распределения и др. Дефеодализация экономики — это первый шаг. Он столь же необходим, сколь и недостаточен. Задачей является развитие социально-ограниченного рынка.

Выделим три важнейших шага в этом направлении.

Первый — ограничение доминирования и манипулирования со стороны корпоративного капитала.

Хорошо известно, что уже более столетия так называемый свободный рынокступил место отношениям, в которых господствует так называемая «несовершенная» конкуренция. Как правило, ее рассматривают только с точки зрения влияния на рынок фирм, контролирующих значительную часть объема продаж и/или закупок (монополия, олигополия и т. п.). Но хорошо известно, что проблема далеко не только в этом: легальные и нелегальные объединения корпораций, соглашения о разделах рынка, сращивание с финансовым капиталом и государством — все это хорошо известные механизмы, при помощи которых корпоративный капитал манипулирует рынком и его акторами.

Избавиться от этого доминирования и манипулирования в условиях современного высоко обобществленного производства можно только при условии продвижения по ту сторону рынка и капитала. Однако ограничить это влияние, с одной стороны, содействуя механизмам рыночной конкуренции в части стимулирования инноваций, снижения издержек и повышения качества, а с другой — ограничивая эти механизмы определен-

ными рамками и ставя под общественный контроль, отчасти можно и должно. Цель этого ограничения (используем язык неоклассики) — хотя бы частичное снижение неравенства «рыночной власти» и «переговорной силы». На обычном языке это означает, повторим, ограничение возможностей доминирования и манипулирования со стороны корпоративного капитала.

Что касается первой стороны, то на этом пути может быть предложен ряд мер, существенно дополняющих антимонопольное регулирование. Важно подчеркнуть, что все они оказываются невыгодны корпоративному капиталу, но полезны для остальных производителей и потребителей.

Среди этих мер выделим только две.

Первая — повышение прозрачности деятельности корпораций хотя бы до уровня, существующего в рамках социал-демократической модели позднего капитализма, и развитие форм общественного (со стороны институтов гражданского общества — объединения потребителей, экологов, местного самоуправления, ассоциаций АТТАК и др.) контроля за их деятельностью.

Вторая — еще более радикальная — ограничение, а в перспективе — запрет — коммерческой рекламы. Причина проста: *реклама и подобные ей методы есть ни что иное, как механизмы манипулирования потребителем, опирающиеся на рыночную власть крупнейших корпораций и подрывающие как независимость потребителя, так и свободу конкуренции.* Замена рекламы нейтральной и формируемой под контролем союзов потребителей информацией о продаваемых товарах и услугах защитит от нее, во-первых, свободу рынка, а во-вторых — креатосферу.

В первом случае мы обеспечим подлинную симметрию информации: место рекламы может занять удобная для потребителя и подготовленная организациями потребителей и экспертами объективная информация об основных качествах продуктов и услуг, свободно размещаемая в Интернете, на этикетке товара, в справочниках и т. п. (борьба с нелегальной рекламой может вестись теми же

методами, с которыми сегодня ведется борьба с недобросовестной рекламой). Это, кстати, лишит существенной части финансирования со стороны крупного капитала и большинство СМИ (газет, журналов, теле-, радио- и Интернет-изданий), которым придется перейти на источники, обеспечиваемые обычной продажей продукции этих СМИ и/или краудфандингом, что помимо прочего позволит несколько более точно оценивать их полезность для потребителя. Впрочем, это не избавит их от зависимости от капитала полностью, так как богатый потребитель будет финансировать их активнее и в больших масштабах.

Во втором случае мы очистим пространство культуры и пространство нашей жизни (от городских улиц до теле- и радиоэфиров) от манипулятивных воздействий корпоративного капитала.

Второй шаг — общественная поддержка и стимулирование производства и распространения благ и услуг, требующих от потребителя творческих усилий для их освоения. Говоря строже, речь идет о переориентации общественных потребностей с потребления на распределение в процессе творческой деятельности. Это общественное регулирование в конечном итоге нацелено на дискредитацию и выдавливание стандартов «общества потребления», которое к тому же в последние десятилетия все более превращается в общество перепотребления (причем чем дальше, тем больше даже не полезных благ, а их знаков, символов, т.е. симулякров) для одних и изматывающей погони за возможностью, наконец, стать «нормальным» потребителем, имеющим достаточно денег для того, чтобы проводить выходные в мегамоллах — для других.

Предпосылка этого — решение проблемы бедности, о чем ниже.

Здесь же речь идет не о пропаганде пресловутого «равенства в нишете», а о косвенной общественной поддержке приоритетного развития более высокого, нежели утилитарные, класса потребностей, во-первых, и о выдавливании симулятивных потребностей в симулятивных благам.

Направления и методы такого регулирования еще предстоит разработать, ибо прямо такая задача перед общественным регулированием пока что, насколько нам известно, не ставилась.

Можно предположить, что среди основных целей такого регулирования будет, во-первых, приоритетное развитие общественного сектора креатосферы (наука, образование, высокая и вместе с тем общедоступная культура, здравоохранение и спорт и т.п.), создающего преимущественно не потребляемые, а распределяемые общественные блага.

Во-вторых, прямое и косвенное (через рыночные механизмы — налоги и др.) ограничение производства бесполезных благ и симулякров, т.е. всего того, что не содействует развитию физических и культурных качеств человека, эко-социо-гуманитарно-ориентированному прогрессу производства и потребления.

В-третьих, активная ориентация на эти цели деятельности институтов гражданского общества и государства (включая СМИ), а также поддерживающих эти императивы художников, интеллектуалов и духовных лидеров, что позволит постепенно сформировать в обществе хотя бы в некоторой степени новый тренд — не престижности, а *постыдности потребительно-ориентированного образа жизни*. Немало этому будет содействовать и предложенный выше запрет коммерческой рекламы.

Авторы вполне отдадут себе отчет, что предложенные выше реформы сегодня выглядят абсолютной утопией. Но еще 50 лет назад введение в пространство общественного регулирования и личной жизни экологических императивов казалось не меньшей утопией, однако несколько десятилетий активной деятельности экологических движений и организаций, поддержанных левыми политическими силами, вкупе с обострением объективных проблем *частично* изменили ситуацию в *некоторых* странах. О чем-то подобном, а не о последовательном и полном решении проблемы, требующем качественного изменения общественного строя, мы ведем речь и в данном случае.

Как и в случае с экологией (радикальный экологизм, как известно, грозит остановкой технологического развития), борьба с потребительством требует соблюдения *мер* (ограничение потребительства не должно приводить к ухудшению качества жизни и превращаться в навязывание аскетизма). Не менее важно то, что она должна осуществляться не бюрократически, а на основе социально-активной деятельности гражданского общества (антипотребительский тренд уже не одно десятилетие присутствует в деятельности гражданского общества многих стран мира и международных сетей).

В целом *методы решения проблемы выдавливания потребительства («грязного», бесполезного потребления) могут быть во многом аналогичны методам выдавливания экологического грязного производства*. Еще раз оговоримся: в рамках капиталистической системы средства и результаты этой активности будут половинчаты и противоречивы, но это лучше, чем ничего.

Третий шаг — существенные социал-демократические ограничения механизмов рыночного саморегулирования. Отправной точкой здесь может стать хотя бы использование механизмов, большая часть которых уже апробирована на практике в самых разных общественных системах: СССР периода НЭПа, Австрии и Скандинавии последних 50 лет, Китае XXI века и др.

Их главная задача — *создание наряду со сферами рыночной конкуренции экономических пространств, в которых отношения рыночного саморегулирования не действуют или существенно ограничены социальными рамками*. В частности, речь идет о:

- трехстороннем регулировании отношений на рынке рабочей силы (при участии независимых профсоюзов, государства и ассоциаций собственников капитала);
- социальных, экологических и гуманитарных нормативах, ограничивающих рынок; круг этих нормативов широк и хорошо известен: продолжительность и условия труда, санитарные

нормы, нормы качества для жизненно-важных товаров и услуг (продукты питания, медикаменты, товары для детей и др.), предельно-допустимые нормы загрязнения среды, нормы безопасности и др.;

- регулировании цен на социально-значимые товары и услуги (ЖКХ, общественный транспорт и ряд других);
- общественном (со стороны органов местного самоуправления, союзов потребителей, экологических и т. п. организаций) контроле за деятельностью акторов рынка;
- формировании пространств, в которых при производстве и использовании [общественных] благ используются только формы стоимостного учета, но не механизмы рыночного саморегулирования.

Последняя задача в этом ряду кажется наиболее спорной и далекой от реалий позднего капитализма, но это не так. Практики позднего капитализма предполагают наличие *вне-рыночного сектора экономики*, который в значительной степени (но не полностью) совпадает с общественным. В рамках предлагаемых нами реформ он должен играть более значимую, нежели сегодня, роль.

Речь идет о широком спектре деятельности, которая осуществляется исходя не из рыночной конъюнктуры, а общественных потребностей, регулируется непосредственно-общественными нормативами (плановое ценообразование) и передается потребителю, как правило, на безвозмездной основе (бесплатно). Мы предлагаем постепенное, но неуклонное продвижение к сосредоточению в этом секторе (секторе производства и распределения общественных благ):

- использования принадлежащих обществу в целом ресурсов — добыча полезных ископаемых, использование находящихся в общенародной собственности природных и культурных ценностей (от природных заповедников до музеев и библиотек) и др.;
- образования (включая воспитание и просвещение, а не только обучение) для всех и через всю жизнь

(программа реализации в стране общедоступного образования — «Образование для всех» в течение многих лет разрабатывается под руководством депутата Государственной Думы О. Н. Смолина [10]);

- здравоохранения и условий формирования здорового образа жизни (общедоступный спорт и т. п.);
- некоммерческого искусства;
- рекреации общества (социальная работа) и природы (природоохранная деятельность).

Учитывая, что приоритетом развития социальной модели позднего капитализма становится креатосфера (сфера творческой деятельности, создающая культурные ценности), наиболее важным становится вопрос о превращении ее в пространство производства общественных благ (общественный сектор). Для этого есть объективные предпосылки — в этом пространстве создаются блага, обладающие свойствами общественных: они неограничены, непотребляемы, издержки на их тиражирование минимальны. В принципе, они могут распространяться в режиме «собственность каждого на все», реализуя правило: *«все, что можно раздавать, не теряя, не должно продаваться»*.

Однако, поскольку в рамках позднего капитализма, даже в случае перехода к его социальной модели, полный отказ от частной собственности на интеллектуальные продукты невозможен, постольку мы считаем целесообразным осуществить следующие частичные реформы:

- (1) четко разграничить частное и общественное подпространства креативной экономики (образование, искусство и т. п.);
- (2) ввести *особый режим доступа коммерческих организаций к использованию общедоступных благ креатосферы*. Этот режим может предполагать в одних случаях — полный запрет, в других — ограничение, в-третьих — платный характер использования этих благ в коммерческих целях.

Суть нашего предложения состоит в проведении реформ, нацеленных на создание системы прав, юридически

фиксирующих *режим открытого доступа к максимально широкому кругу общественных креативных благ* (культурного богатства, созданного человечеством) с целью исключения их использования коммерческим сектором или использования исключительно на платной основе с последующим направлением интеллектуальной ренты на цели общественного развития: *использование общественных креативных благ для производства частных благ запрещено или платно* (подробнее см.: [11]).

Эти изменения позволяют, *во-первых*, хотя бы частично «очистить» науку, искусство и другие сферы творчества от коммерческих форм. Музыка Моцарта и Чайковского перестанет звучать как аккомпанемент для рекламы зубной пасты или пива, а налоги граждан, за счет которых финансируются государственные НИОКР, не будут использоваться косвенным путем для увеличения прибыли корпораций. *Во-вторых*, это заставит бизнес перераспределить ресурсы в пользу фундаментальных инновационных разработок, поддержки искусства и образования с целью получения своих, частных (на их деньги созданных и им принадлежащих) креативных благ. *В-третьих*, введение режима платности общественных креативных благ для коммерческого сектора позволит существенно увеличить доходы общественного сектора креатосферы.

Проведение всех этих изменений будет эффективно только при условии их программируемой реализации, поэтому на повестке дня в первую очередь оказываются вопросы планирования в рамках остающейся в целом рыночной социальной модели позднего капитализма.

Первостепенной важности задачей в области регулирования экономики в рамках стратегии опережающего развития должно стать не только повышение роли государства (*нынешнее государство, получив дополнительную власть, лишь еще больше бюрократизирует экономику*), но и — что особенно важно, как мы отметили выше, — (1) *осуществление трансформации государства-бюкрата в общество-государство* и (2) *выдавливание регулирующего воздействия*

кланово-корпоративных, бюрократически-олигархических структур, т. е. качественное изменение субъекта регулирования. Но эту тему мы раскрыли в самом начале 3-го раздела и потому более возвращаться к ней не будем.

Авторы предлагают реформы, которые способствуют формированию наряду с рынком отношений сознательного регулирования пропорций и других параметров процесса производства (на языке классической политэкономии — воспроизводства), что, в свою очередь, частично выведет их из-под власти отношений рыночно-капиталистического саморегулирования. Подчеркнем: праволиберальные теоретики считают эти институты не просто излишними, но и вредными и разрушительными для экономики. Более того, некоторые из этих шагов не примут и нео- (не пост-) кейнсианцы, и теоретики социал-демократии, ибо мы предлагаем *уйти от фундаментального постулата, развиваемого и неолибералами, и социал-демократией на протяжении более полувека: производство должно быть частным, а его параметры — формироваться «невидимой рукой» рынка; дело государства — лишь некоторое перераспределение ресурсов с целью обеспечить большую социальную справедливость.*

Авторы, тем самым, предлагают пойти дальше по сравнению не только с неолиберальной моделью регулирования как системой «поддержания рынка», но и с регуляционистской моделью «управления рынком». Наша модель — выделение в экономике двух подпространств координации. Одно — регулируемо-рыночное. Второе — плано-рыночное.

Специфика первого в том, что там царят законы рынка, которые лишь «поддерживаются» и несколько ограничиваются обществом. Последнего — в том, что там сознательно регулируется не рынок, а социально-экономическое развитие. Различие существенное: второе подпространство имеет (1) другие, нежели чисто рыночные, цели и критерии прогресса; (2) иных — преимущественно не рыночных по своей природе и мотивации — субъектов регулирования; (3) во многом иные объекты воздействия — технологи-

ческие, производственные, социальные, а не только рыночные параметры.

Что касается собственно селективного планирования, как одного из двух ключевых способов координации в этом подпространстве, то его основными слагаемыми могут стать, *во-первых*, системы народнохозяйственного средне- и долгосрочного прогнозирования, уже существующие в нашей экономике. Оно требует совершенствования и развития, но это второй вопрос.

Во-вторых, и это гораздо более сложный шаг, — планирование целей — определение приоритетов социально-экономического развития национальной хозяйственной системы, или, несколько огрубляя, «контрольных цифр», достижение которых адекватно реализации сформулированным выше стратегическим императивам.

Последующие шаги также хорошо известны. По примеру Франции это могло бы быть законодательное утверждение выработанного проекта «контрольных цифр» Федеральным собранием и президентом (подробнее см.: [12]).

Как бы заранее предвосхищая упрек в возврате к «сталинизму», подчеркнем: данные «цифры», являясь законом, не являются обязательными для частных производителей. Но они законодательно фиксируют интересы общества (и обязательств государства), которое всеми доступными ему легитимными методами будет содействовать их достижению в предстоящем среднесрочном (в перспективе — и долгосрочном) периоде.

В-третьих, планирование и утверждение на определенный период «правил игры» в подпространствах, охватываемых селективным планированием. Цель этой важнейшей процедуры проста: превращение существующих разрозненных институтов косвенного воздействия различных государственных органов на экономику (налоговых, кредитных и т. п.) в систему средств реализации планов — взаимосогласованных институтов селективного регулирования социально-экономического развития в плано-рыночном подпространстве национальной экономики (такая настройка данной системы институтов отчасти

совпадает с тем, что сегодня принято называть «*промышленной политикой*»).

Существенно, что подпространство плановой системы, «по определению» включая ряд базовых государственных объектов, по отношению к частному бизнесу выступает как *открытая сеть*, присоединение к которой есть сугубо *добровольное* дело этих акторов. Они сами выбирают между стабильностью, гарантиями, престижем, низкими налогами, дешевыми кредитами, но относительно невысокой прибылью — в случае присоединения к сети — и высоким риском плюс высокими налогами и т.п., но вероятностью быстро получить большую прибыль (или убытки) — в случае ориентации на рыночное подпространство.

А теперь об основных «*правилах игры*» в подпространстве *планово-рыночного* развития (по большей части они хорошо известны). Это:

- варьирование налогов; величины, ставки и условий кредитования; внешне-экономических условий деятельности; предоставления других преференций для различных сфер экономики в зависимости от того, в какой мере их деятельность отвечает задачам реализации общенародных приоритетов;
- государственный заказ на производство благ и услуг (прежде всего общественных), трансформируемый в «твердое ядро» плана: после заключения контракта производитель (как и при любой рыночной трансакции) *обязан* его выполнить, либо вернуть стоимость заказа плюс заплатить штрафные санкции и т.п.; в этой своей части план подобен директивному, и это опыт, известный всем странам мира;
- система норм и нормативов качества производства; их задача — не только недопущение производства вредной продукции, но содействие «выдавливанию» экологически грязных, технологически отсталых, социально неэффективных (например, использующих преимущественно ручной неквалифицированный труд), уничтожающих национальное богатство (например, экспорт леса-кругляка), нарушающих

международно-признанные права работников и т.п. видов бизнеса;

- система правил ценообразования (вплоть до лимитов цен) для тех сфер экономики, которые прямо определяют доступность для населения жизненно важных товаров и услуг (базовые продукты питания, основные лекарственные препараты, услуги ЖКХ);
- развитие зон, закрытых для частного бизнеса (государственных монополий);
- идейно-политическая и культурная поддержка ключевых сфер развития экономики при помощи находящихся в руках государства институтов искусства, образования, природоохранной деятельности и другие хорошо известные меры селективного регулирования.

Подчеркнем: эта система *косвенных* регуляторов нами не придумана; они все в большей или меньшей степени присутствуют в мировой практике и использовались в нашей стране в период НЭПа.

Более того, рассматриваемые нами отношения неслучайно названы *селективным* планированием. Оно может охватывать очень незначительную часть экономики, а может распространяться практически на все ее сферы, — мы обсуждаем *не масштаб государственного воздействия, а задачи его переструктурирования из совокупности теневых (или даже открытых) волюнтаристских вмешательств в единую систему регуляторов, реализующих реальные интересы общества хотя бы в некоторой части экономики.*

В-четвертых, важным блоком селективного планирования должна стать система институтов, устанавливающих «*правила игры*» для производства в общественном секторе экономики. Большая часть этого сектора должна работать, ориентируясь, прежде всего, не на рыночные критерии, а на реализацию общенародных интересов (это касается в первую очередь общественного сектора в таких сферах, как здравоохранение, образование и др.) по модели не-прибыльных организаций. Логика здесь предельно проста: *предприятия, которые нам принадлежат, должны делать то, что нам (гражданам) нужно,*

так, как нам нужно, и в установленный нами срок. То, что должно производиться, исходя из конъюнктуры рынка, осуществляется в рамках частного или частного-государственного секторов экономики.

В этой своей части план будет «все-го лишь» агрегировать осуществляемые на протяжении данного периода *общественные заказы* (только основные, или большую часть, или все — это мы, опять же, не обсуждаем) и *общественные инвестиции*.

* * *

Представленные в данном тексте основные положения стратегии опережающего развития России являются программой, задающей общее направление для углубления и детальной проработки основных составляющих реформирования системы социально-экономических отношений и институтов, ориентированного на эко-социо-гуманитарные приоритеты.

Литература

1. Олейник А. Н. Бизнес по понятиям: об институциональной модели российского капитализма // Вопросы экономики. 2001. № 5. С. 4–25.
2. Экономика для человека (Антикризисная программа Демократических левых). М.: Экономическая демократия, 1992.
3. Бузгалин А. В., Колганов А. И. Стратегия опережающего развития // Свободная мысль. 1996. № 9. С. 76–88.
4. Колганов А. И., Бузгалин А. В. В поисках будущего России: экономика для человека, или десять тезисов к разработке стратегии опережающего развития-III // Философия хозяйства. 2011. № 4. С. 60–65.
5. Человеческий потенциал модернизации России (Стратегия опережающего развития — 2006): Доклады и выступления на Международной научной конференции, 20–21 апреля 2006 г. / Под общ. ред. А. В. Бузгалина, А. И. Колганова. М.: Ленанд/URSS, 2006.
6. Стратегия опережающего развития — III. Т. 2. Спектры российских модернизаций / Под общ. ред. М. И. Воейкова и Р. Крумма. М.: Культурная революция, 2011.
7. Глазьев С. Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. М.: Экономика, 2010.
8. Западная социал-демократия: поиск обновления в условиях кризиса. М.: ИФ РАН, 1998.
9. Колганов А. И., Бузгалин А. В. Реиндустриализация как ностальгия? Теоретический дискурс // Социологические исследования. 2014. № 1. С. 80–94.
10. Смолин О. Н. Образование — для всех: Философия. Экономика. Политика. Законодательство. 2-е изд. перераб. и доп. М.: ИКП «Академ-книга», 2014.
11. Бузгалин А. В. Креативная экономика: частная интеллектуальная собственность или собственность каждого на все? // Социологические исследования. 2017. № 7. С. 43–53.
12. Андрушкевич О. А. Индикативное планирование в экономиках разного типа // Капитал страны: федеральное интернет-издание. 23.01.2012. <http://www.kapital-rus.ru/articles/article/199716/#a1>
13. Голодец: Почти 5 млн человек в России получают зарплату ниже МРОТа // Ведомости. 12.01.2017. <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2017/01/12/672704-mrot>

References

1. Oleynik A. N. Business concepts: institutional model of Russian capitalism // Voprosy ekonomiki. 2001. № 5. P. 4–25. (in Russian)
2. Ekonomika dlya cheloveka (Antikrizisnaya programma Demokraticheskikh levyyh). M.: Ekonomicheskaya demokratiya, 1992. (in Russian)
3. Buzgalin A. V., Kolganov A. I. The Strategy of priority development // Svobodnaya mysl'. 1996. № 9. P. 76–88. (in Russian)

4. *Kolganov A. I., Buzgalin A. V.* In search of the future of Russia: Economics for humans, or ten abstracts to develop a strategy of advanced development-III // *Filosofiya hozyaistva*. 2011. №4. P.60–65. (in Russian)
5. The human potential for modernization of Russia (the Strategy of advanced development — 2006): Reports and speeches at the International scientific conference, 20–21 April 2006 / Ed. by A. V. Buzgalin, A. I. Kolganov. M.: Lenand/URSS, 2006. (in Russian)
6. Strategy of advanced development — III. V. 2. Spectra of Russian modernization / Ed. by M. I. Voeikov, R. Krumm. M.: Kul'turnaya revolyuciya, 2011. (in Russian)
7. *Glazyev S. Y.* Strategy of priority development of Russia in conditions of global crisis. M.: Economy, 2010. (in Russian)
8. Western social democracy: the search for updates in a crisis. M.: IPhRAS, 1998. (in Russian)
9. *Kolganov A. I., Buzgalin A. V.* Reindustrialization as nostalgia? Theoretical discourse // *Sociologicheskie issledovaniya*. 2014. № 1. P. 80–94. (in Russian)
10. *Smolin O. N.* Education for all: Philosophy. Economy. Policy. Law. 2nd ed. M.: IKP "Akademkniga", 2014. (in Russian)
11. *Buzgalin A. V.* Creative economy: private property or intellectual property at all? // *Sociologicheskie issledovaniya*. 2017. №7. P. 43–53. (in Russian)
12. *Andruskevich, O. A.* Indicative planning in the economies of different type // *Kapital strany: Federal Internet edition*. 23.01.2012. <http://www.kapital-rus.ru/articles/article/199716/#a1> (in Russian)
13. Golodec: Pochti 5 mln chelovek v Rossii poluchayut zarplatu nizhe MROTa // *Vedomosti*. 12.01.2017. <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2017/01/12/672704-mrot> (in Russian)

Дж. М. Кейнс и новое индустриальное общество второго поколения

Об авторе

Сергей Бодрунов

*доктор экономических наук, профессор, президент
Вольного экономического общества России, директор*

*Институт нового индустриального развития им. С. Ю. Витте
197101, Санкт-Петербург, ул. Большая Монетная, 16
inir@inir.ru*

Ключевые слова

рыночная экономика, кейнсианство, новое индустриальное общество второго поколения (НИО.2), капитализм, государственное регулирование, ресурсы развития

Основные тезисы

- Кейнсианство совершило революцию в экономической теории, доказав, что рыночная экономика принципиально неустойчива.
- В обществе будущего социальный, человеческий фактор будет обладать неизменным приоритетом; формирование НИО.2 неразрывно связано с опережающим развитием не только технологий, но также — науки, образования, культуры.
- Проблема противостояния частных и общественных интересов приобретает новое звучание: теперь она строится не на имущественных, а на информационных взаимосвязях, которые носят нематериальный характер, хотя и используются для развития материального производства и его функционирования.

2016 год для экономической науки, особенно для тех ее представителей, которые с уважением относятся к творчеству одного из крупнейших теоретиков в области экономики — Дж. М. Кейнса — явился знаковым. Ровно 80 лет исполнилось с момента выхода первого издания «Общей теории занятости, процента и денег» [1], книги, которая сформировала новый взгляд на экономическую науку и на теоретические основы управления экономической системой на макроуров-

не. Одновременно с этим в 2016 году отмечался и печальный юбилей — 70 лет назад, 21 апреля 1946 г., в возрасте 62 лет, Кейнс ушел из жизни...

2016 год стал знаковым и для автора этих строк. Вышло первое издание книги, посвященной анализу нового индустриального общества второго поколения — НИО.2 [2], книги, которая стала результатом многолетних размышлений и творческих исканий автора, обобщением авторских исследований в сфере

экономики, управления, динамики развития технологий, в социологии и многих других смежных областях.

1. Авторская позиция созвучна во многом взглядам Кейнса; это созвучие, в первую очередь, состоит в понимании необходимости активизации государственного участия в стимулировании экономического развития, поддержания баланса в экономической системе, «подталкивания» субъектов хозяйствования к принятию решений, несущих выгоду не только им самим, но и обществу в целом. В этом смысле экономическое мировоззрение Кейнса, густо приправленное психологическими, социологическими, технократическими, политическими и иными — строго говоря, неэкономическими — элементами, близко автору. В то же время, следуя методологии, которой придерживался Дж. М. Кейнс, автор, полагая, что истинное научное знание должно опираться на комплексный подход, ставит целью данных заметок, безусловно, не столько провести некий анализ творческого наследия Дж. М. Кейнса в связи с указанными в ее начале знаменательными датами (это сделано ранее многими и многократно), сколько дать авторское видение некоторых взглядов и суждений Кейнса с позиций концепции НИО.2.

Ценность кейнсианства, о которой не следует забывать сегодня, особенно в политико-правовых условиях современной Российской Федерации, состоит в том, что оно совершило революцию в экономической теории, доказав, что рыночная экономика принципиально неустойчива. Капитализм развивается от кризиса к кризису (чтобы подтвердить этот тезис, достаточно оглянуться и оценить с этой точки зрения непродолжительную историю развития экономики новой России, с начала 1990-х гг. до наших дней). Лишь активное государственное вмешательство, регулирование со стороны государства способно решить эту проблему. И это объясняется Кейнсом, в том числе с позиций психологических, субъективистских.

Действительно, суть взглядов Кейнса — в осуществлении регулирования занятости, производства и совокупно-

го спроса. Но кто является «сильным» субъектом, способным ставить и достигать целей в этих областях? Безусловно, не частнопредпринимательские организации, ожесточенно конкурирующие друг с другом (при этом заметим — во времена Кейнса еще, вообще говоря, не существовало мощных транснациональных корпораций). И не разрозненные рабочие, даже объединяющие свои усилия в профсоюзах и прочих организациях. Лишь одному субъекту под силу не только комплексно оценить все проблемы в указанных областях, но и предложить пути их решения. И — что еще более важно — иметь ресурсы для реализации этих решений в практической экономической политике.

Уход государства из экономики, которым ознаменовались российские реформы, привел к плачевным результатам для занятости, производства и совокупного спроса. Вспомним хотя бы проблему деиндустриализации российской экономики, о чем автор этих заметок высказывался неоднократно. При сохранении подобного курса успешное вхождение России в НИО.2 также выглядит как утопия. Необходима активизация государственного регулирования. Причем в этом нет никакой «угрозы демократическим завоеваниям», о чем любят рассуждать некоторые либерально ориентированные экономисты. Кейнс был убежденным сторонником капитализма, и все его идеи были направлены на то, чтобы за счет конструирования эффективных механизмов управления и координации на макроуровне помочь рынку преодолеть проблемы, «вдохнуть новую жизнь» в капиталистическую экономику. В этой связи, как нам представляется, реализация концепции перехода к НИО.2 вполне может быть построена с использованием «кейнсианского инструментария».

Кейнсианские рецепты, показавшие свою высокую эффективность в середине XX века, по нашему мнению, в принципиальном плане востребованы и сегодня. Ведь экономика Кейнса — это экономика кризиса, неполной занятости, диспропорций. Разве эти эпитеты не используются экономистами самых разных направлений для характеристики современной эконо-

о ком речь? о государстве?

мики России? Но если «диагноз» поставлен, то что мешает начать «лечение»? Тем более, что неустаревшие рецепты предложены Кейнсом уже 80 лет назад. И не только предложены, но и апробированы, и показали свою эффективность. Поэтому наша принципиальная позиция состоит в том, что для осуществления успешного развития России в направлении формирования НИО.2 требуется активное использование в государственной экономической политике кейнсианских рекомендаций. И, например, первые успехи в реализации промышленной политики, заметные, несмотря на недолгий срок, прошедший с момента принятия соответствующего федерального закона [3], доказывают правильность такой позиции.

2. Продолжая заочную дискуссию с экономистами-либералами, опасаясь возрождения государства «социалистического типа», порожденного 100 лет назад русской революцией, которое подавит предпринимательскую инициативу, следует особо остановиться на отношении Кейнса к событиям начала XX века, кардинально изменившим мировую историю. Кейнс неоднократно (трижды) бывал в Советской России и оставил по итогам своих посещений обширные заметки. Являясь проницательным мыслителем, он не отрицал наличия в советской модели управления определенных разумных начал, но не абсолютизировал их, оставаясь преданным адептом рыночной системы. В то же время он не отрицал возможности и даже необходимости заимствования (без всякой политизации и боязни обвинений в «концептуальной непоследовательности») некоторых моделей управления, реализованных в СССР. Главная цель, которую он преследовал в этом случае — *эффективность экономического развития*. А если достигается она с использованием разнородных инструментов, то это не главное, главное, что экономическая система эффективно развивается. Не грех здесь вспомнить Дэн Сяопина с его «неважно, какого цвета кошка, главное — чтобы она ловила мышей»...

3. Проводя параллель с современной ситуацией, отметим, что Кейнс, высоко

оценивая результаты советской индустриализации [4], в то же время весьма осторожно высказывался относительно «цены индустриализации», *социальных издержек*, на которые пришлось пойти ради ее осуществления. Он, в частности, отмечал, что «росту промышленного производства сильно способствуют большие жертвы... без ясного отчета в том, выгоден ли он... нынешнему поколению рабочих». Разделяя этот гуманистический посыл Кейнса, подчеркнем, что переход к НИО.2 должен осуществляться не через предельную мобилизацию всех и всяческих ресурсов, напряжение всей страны, в ущерб другим задачам, а путем «синхронного» — с трендами «цивилизационного движения» — изменения промышленности, развития науки, образования и культуры: целью построения НИО.2 является не реиндустриализация ради реиндустриализации, а формирование сбалансированного общества, основанного на развитом индустриальном секторе экономики, где обеспечено высокое и все время повышающееся качество жизни населения.

4. Можно провести и еще одну важную, на наш взгляд, параллель между временем, когда создавалась книга Кейнса, и современностью. Мировая экономика и тогда, и сейчас пребывает в состоянии *системного кризиса*, который в прошлый раз завершился мировой войной. Растущее военно-политическое напряжение чувствуется и сегодня. И хотя мы искренне надеемся, что оно будет преодолено без широкомасштабного использования военного насилия, отметим, что в свое время, тем не менее, своевременно проведенная советская индустриализация позволила не только поднять уровень жизни населения, но и сформировать наш мощный военно-экономический потенциал. Его реализация во второй раз позволила повернуть в XX веке ход мировой истории — СССР не только сумел устоять перед натиском фашизма, объединившего всю экономическую и военную мощь континентальной Европы, но и попросту спасти многовековую европейскую цивилизацию. Поэтому нельзя сбрасывать со счетов *влияние индустриального*

развития, его темпов и качества, на национальную и международную безопасность, что актуализирует необходимость интенсификации перехода к НИО.2.

5. Но вернемся собственно к взглядам Кейнса. Он отмечал: «Наиболее значимым пороком экономического общества, в котором мы живем, является неспособность обеспечить полную занятость, а также произвольное и несправедливое распределение богатства и доходов» [1]. Не возникает ощущения, что эта фраза касается не Британии 1930-х гг., а современной России? Для кейнсианства характерен акцент на социальной политике, социальной приемлемости результатов экономического развития. Эта же идея лежит в основе авторской концепции НИО.2, поскольку переход к новому этапу развития экономики, как нам представляется, невозможен без активизации творческого потенциала работников, расширения информированности и повышения уровня образованности и культуры населения.

Особое внимание Кейнс обращал на разрыв в уровнях дохода и богатства. В современных условиях эта проблема приобретает новое звучание, и на это и мы обращаем внимание в концепции НИО.2.

В современных условиях, за счет расширения информатизации всех составляющих жизни социума, неравенство приобрело более сложный характер, выйдя за пределы собственно экономических, материальных и финансовых взаимосвязей. Оно стало информационным, институциональным, культурным и т. д. Именно преодоление дифференциации в знаниях, в информированности, что является одним из неотъемлемых элементов конструкции НИО.2, является, по нашему мнению, первым шагом в ликвидации вопиющей дифференциации в обладании физическими ценностями и деньгами, присущей современному обществу.

Отметим, что прогрессирующий разрыв в распределении доходов и богатства характерен не только для России, но и для большинства стран с рыночной экономикой — как развитых, так и развивающихся. Это — закономерное

следствие социал-дарвинизма, лежащего в основе «рациональности» поведения неоклассического homo economicus. Следует отметить, что Кейнс (в частности, в своей работе «The End of Laissez Faire» [5]) решительно выступал *против такого применения «биологической» концепции к социальной действительности*. Именно это является, по его мнению, одной из ключевых причин необходимости государственного вмешательства в экономические процессы. С этими выводами нельзя не согласиться. Добавил бы лишь — вмешательства, направленного на изменение «биопарадигмы» экономического развития! Мало того, являясь приверженцами классической гуманистической концепции общественного прогресса, берущей свое начало во взглядах теоретиков эпохи Возрождения, автор убежден, что в обществе будущего (в ближайшей перспективе — это НИО.2, что касается более отдаленных горизонтов, то речь может идти о нооиндустриальном развитии, о чем автор докладывал на Санкт-Петербургском экономическом Конгрессе в марте 2017 г.) *социальный, человеческий фактор будет обладать неизменным приоритетом; формирование НИО.2 неразрывно связано с опережающим развитием не только технологий, но также — науки, образования, культуры*.

6. Стоит взглянуть на еще один аспект — *отношение кейнсианского представления к производству, к соотношению финансового и реального секторов экономики*. Несмотря на то, что его основная работа носит название, в котором не упоминается «производство», но лишь «деньги», это — не более, чем формулировка, которая, по нашему мнению, не отражает глубинной сути его исследований. В своих работах, а также в преподавательской деятельности, Кейнс (особенно на позднем этапе, когда его взгляды в достаточной степени «выкристаллизовались») подчеркивал *преимущество производства перед финансовой сферой*, хотя и не умалял важности последней, рассматривая ее, тем не менее, как инструментальную сферу, способствующую регулированию производства и занятости. Эти идеи принципиально созвучны концепции НИО.2,

входя в очевидное противоречие с активно развивающимися теориями финансовой экономики, построенными на учете институционального несовершенства регулирования хозяйственной деятельности на национальном и международном уровне.

7. Такое отношение к финансовой сфере не может не касаться оценки *роли предпринимательского фактора и инвестиций* в развитии экономической системы. Характеризуя предпринимательство, Кейнс разделял позицию относительно важности фигуры предпринимателя в экономической системе; он абсолютно справедливо полагал, что достичь значимых результатов без активного предпринимательского духа, усилиями лишь государства, невозможно. И мы в этом солидарны с Кейнсом; формирование НИО.2 невозможно лишь инструментами госполитики, сколь бы совершенными и приближенными к идеалу они ни были — безусловно, в этом процессе активную роль должен сыграть предприниматель. Его задача — реализовать свое стремление к новаторству общественно значимым и полезным способом; следует поощрять его инвестиционную активность, способствовать ей. При этом, возвращаясь к проблеме противопоставления финансового и реального сектора экономики, автор, вслед за Кейнсом, считает, что для формирования НИО.2 нужны «эффективные инвестиции», которые будут создавать новые рабочие места, новое качество знаний, емкой экономики, и мультиплицировать такого рода качественный экономический рост, а вовсе не обеспечивать высокий возврат на вложенный финансовый капитал.

Между тем современные теоретики зачастую далеки от такого кейнсианского понимания инвестиций. Под ними все чаще понимаются финансовые спекулятивные операции, которые, действительно, способны принести значительный доход инвестору. Слово «инвестор» стало нарицательным, синонимом слова «спекулянт». Однако с позиций макроэкономики при спекулятивных «инвестициях», как известно, не происходит создания никакого нового богатства, не производится ново-

го продукта, происходит лишь перераспределение уже имеющегося, причём — предельно несправедливое. С позиций общества, где и без того (как автор отмечал выше) высока имущественная дифференциация, такие инвестиции не являются приемлемыми и полезными, они лишь наращивают диспропорции, вымывают средства из реального сектора экономики, и, в конечном итоге, приводят к кризису.

В этой связи Кейнс отмечал: «Общество... не может создать условия для будущего потребления с помощью одних лишь финансовых операций, оно может сделать это только путем *расширения физического объема текущего производства*» [1]. Именно на необходимости этого расширения физического объема производства, с учетом его нового, «знаниемемкого» качества, настаивает и автор этих заметок, предлагая концепцию НИО.2. Суть перехода к этой новой модели состоит в развитии материального производства и кластера обслуживающих и поддерживающих его видов деятельности. Инвестиции, имеющие такую ориентацию и поддерживаемые государством, способны не только дать инвестору гарантированный и высокий доход, но и приводят к запуску механизмов социально-ориентированного экономического развития, роста уровня и качества жизни населения.

8. В этой связи стоит напомнить, что капитализм начал активно развиваться с XIX века как, прежде всего, *промышленный*. Однако процессы концентрации капитала и технологического развития привели к централизации управления капиталом, и в итоге — в XX веке мы наблюдаем господство финансового капитала. Но следует иметь в виду, что трансформация рыночного хозяйства происходила в то время на основе качественно практически неизменного технологического уклада и «соответственной» производственной деятельности. Несмотря на то, что разрабатывались и внедрялись все новые машины и производственно-технологические автоматы, для осуществления эффективного производства требовались значительные его масштабы. Это и находило отражение в росте значимости ин-

вестиций для успешного экономического развития. Сформировалось *классическое противоречие между трудом и капиталом*, или между живым и овеществленным трудом; теоретический вклад в его разрешение внес, в числе других, и Кейнс.

Сегодня это противоречие никуда не исчезло, оно существует по-прежнему. Однако сейчас, при нынешних тенденциях смены технологических укладов, в условиях перехода к НИО.2, оно приобрело *новое сущностное наполнение*. Начиная со второй половины XX века, появился новый вид труда — *труд знаниеемкий*. Его развитие дополняет имеющееся противоречие, делает его многосторонним. Все чаще успех в современном бизнесе определяется не численностью работников и не объемом инвестиций в производственные фонды, а знаниевооруженностью труда, уровнем интеллектуального и креативного потенциала работников. Это качественно меняет ситуацию, заставляет учитывать эти факторы при выборе не только стратегии инвестирования на микроуровне, но и вариантов экономической политики в целом.

Это *структурное изменение экономики*, как нам представляется, неизбежно вновь изменит модель капитализма, «качнув маятник» от господства *финансового капитала к производственному (промышленному)* — не к «традиционному» промышленному капиталу XIX–XX веков, а к *инновационно- и знаниеориентированному производственному капиталу XXI века*, который будет играть основную роль в НИО.2. В этом мы видим преемственность эволюционной линии развития рыночного хозяйства, в которой НИО.2 выступает в качестве очередного закономерного этапа. Причем — за счет того, что знания могут тиражироваться с незначительными издержками, а их использование в производстве не приводит к их физическому износу, знаниеемкое производство будет обладать большей экономической эффективностью по сравнению с современным. Это обеспечит его распространение и, в конечном итоге, неизбежное доминирование и «вытеснение» производства «традиционного» ныне типа.

9. Есть еще один важный момент, на котором хотелось бы заострить внимание. Он касается расширения спектра *синергетических эффектов, присущих знаниеемкой экономике*. Здесь можно провести *параллель с открытым кейнсианцами эффектом экономического мультипликатора*. Но для него присуща убывающая отдача по мере распространения финансового инвестиционного импульса по цепочке взаимосвязанных видов хозяйственной деятельности. Для «знаниевого импульса», который может практически без потерь передаваться между отраслями, эффект мультипликации может оказаться значительно выше. Более того, новые знания (технологические, маркетинговые, предпринимательские и др.) в НИО.2 отличаются более не только «универсалистским», но — «синергирующим» характером. В результате следует ожидать *качественного изменения мультипликационного эффекта*. Речь может идти о «новом знаниевом мультипликаторе» (НЗМ). Эффект, описываемый НЗМ, способен затрагивать не только взаимосвязанные, но вообще все отрасли и виды хозяйственной деятельности, создавая синергетический эффект, обеспечивающий отмеченный нами ранее [2] эффект «*ускорения ускорения*» *технологического развития*.

С учетом той роли, которую в НИО.2 играют знания — они превращаются в *главный ресурс развития!* Известная фраза «кто владеет информацией, тот владеет миром» в этих условиях приобретает новое (возможно даже — и зловещее!) звучание. Следует ожидать (и некоторые признаки этого мы наблюдаем уже сегодня, в том числе в практике ряда стран) усиления конкуренции за обладание знаниями, за контроль за их распространением, а также дозированным использованием. Суть этой борьбы — в борьбе старого и нового хозяйственного укладов. Поборники (выгодоприобретатели) традиционной, существующей сегодня модели, в стремлении к самосохранению будут осуществлять попытки синтеза технических и институциональных решений по квантификации информации, что позволит превратить ее в частное бла-

го, конкурентное в потреблении, оплату за которое легко взимать (развитие института «интеллектуальной собственности» и т.п.).

Но — в этом автор солидарен с С. Амином [6] — сделать такую систему контроля за знаниями, в силу их природы, всеохватной и перманентно эффективной попросту невозможно.

Однако — переход к НИО.2 будет длительным и болезненным [2]. Несмотря на то, что это — очередная, закономерная ступень социально-экономической эволюции, господствующие в мировой экономике группы интересов будут всячески *препятствовать трансформации экономической модели.*

10. В связи с изложенным по-новому следует взглянуть на суждения Кейнса относительно *соотношения сбережения и потребления*, которое он рассматривал в качестве одной из важнейших макроэкономических пропорций, особенно в свете того, что сбережения служат источником инвестиций. Трансформация современной экономики в НИО.2 изменяет ситуацию. *Проблема противостояния частных и общественных интересов приобретает новое звучание.* Теперь она строится не на имущественных, а на *информационных взаимосвязях*, которые носят нематериальный характер, хотя и используются для развития материального производства и его функционирования. И попытки ограничить распространение знаний (а на такую возможность мы указывали выше) неизбежно приведут к явлению, описанному в кейнсианстве как «парадокс бережливости», т.е. к *снижению общего благосостояния.*

11. Вследствие таких трансформаций в НИО.2 оказывается возможным реализовать идеалистические устремления Кейнса, который пытался через *государственное ограничение частного интереса*, точнее — через направление его в нужное русло, приблизить общество к росту благосостояния. В условиях изменения относительной ценности факторов производства можно ожидать, что с позиций психологического подхода, приверженцем которого в экономике был Кейнс, наилучшим вознаграждением будет яв-

ляться уже не некая сумма денег, а информация.

Мы, безусловно, не утверждаем, что в НИО.2 сходу «отомрут» деньги. Во-все нет. Но, рассуждая о сравнительных характеристиках различных ценностей, укажем, что в НИО.2, как мы предполагаем, ценность знаний и информации (как изначальной формы знаний) будет иметь непрерывную тенденцию к повышению. Следовательно, одним из *инстинктов предпринимателя* (а Кейнс использует именно такой термин — «инстинкт», подчеркивая элемент «биологичности» этого явления) станет не хищничество, связанное с получением денежного дохода и подчинением себе подобных, а общественной признание.

12. Важно отметить и еще одно обстоятельство, безусловно важное в современной российской ситуации. Как мы указывали выше, *кейнсианский мультипликатор в НИО.2 ожидает качественное изменение.* Но, как известно, мультипликация экономического роста может иметь как положительный (именно об этом мы писали выше), так и отрицательный знак. И сокращение инвестиций в кейнсианской модели экономики приводит сначала к формированию предпосылок, а затем и к реальному спаду производства. Верность этих выкладок мы имели возможность наблюдать в России в 1990-е гг.

НЗМ, присущий НИО.2, при всех его *качественных отличиях*, в этой части действует абсолютно аналогичным образом. Это означает, что «экономия» на знаниях (путем сворачивания программ господдержки науки и образования) приводит к отрицательному синергизму в экономическом развитии, сначала — замедляя темпы роста, а затем — и разрушая экономику. Практические выводы из этих рассуждений, по нашему мнению, очевидны и не требуют комментариев.

13. Дадим еще один штрих, с кейнсианских позиций, к «портрету» современной российской экономической политики, под углом зрения перехода к НИО.2. Необходимо сделать несколько замечаний относительно подхода, связанного с формированием наших национальных резервных фондов, в которых аккумуля-

лируются (говоря проще — изымаются из экономики) «излишние» доходы от экспорта энергоносителей.

Первое замечание касается некоей «странности» указанной постановки вопроса: на государственном уровне признается, что у нас есть *ненужное производство*, доход от которого не идет на возмещение понесенных расходов (как непосредственных участников этой деятельности, так и общества в целом), а изымается и замораживается. Не следует ли в этом случае прекратить это производство? Если оно, в экономическом смысле, строго говоря, производством и не является, так как не имеет результата?

И второе. На фоне кризисного состояния сфер науки, образования и культуры в современной России, нехватки средств на их финансирование (не только развития, но и просто функционирования), государство имеющиеся у него ресурсы для этого не использует. Но этим задерживается переход к НИО.2, т. е. напрямую подрывается национальная конкурентоспособность. Разумен ли такой шаг? Соответствует ли он национальным интересам?

Эти вопросы *ресурсного обеспечения* нам представляются принципиально важными. Напомним, советская индустриализация (1928–1940 гг.) была осуществлена в сравнительно сжатые сроки, и именно это вывело СССР в разряд мировых держав. Переход к НИО.2, очевидно, также, с учетом начавшегося глобального перехода мировой экономики к новому технологическому укладу, возможно осуществить в сжатые сроки. Вопрос — *в расстановке приоритетов и ресурсном обеспечении* реализации соответствующих мероприятий. Именно в решении этих задач (приоритезация и перераспределение ресурсов) состоит, по нашему мнению, *роль государства сегодня*. И эта позиция полностью коррелирует со взглядами Кейнса, высказанными 80 лет назад. Мало того, корректность этих взглядов подтверждена опытом успешных индустриализаций, проведенных в ряде азиатских стран в XX веке, ранее воспринимавшихся как «отсталые» [7].

14. И еще один тезис автор считает необходимым озвучить, рискуя навлечь на себя жесткую критику экономистов либерального направления и исповедующих аналогичные взгляды представителей общественности. Он касается *моральных, нравственных аспектов экономического развития*. Заметим, что апологет капитализма Дж. М. Кейнс по этому поводу пишет: «Когда экономическому прогрессу не ставятся моральные ограничения, это означает, что ни на минуту мы не должны жертвовать моральными ценностями ради материальных благ» [4]. Мы готовы подписаться под каждым словом в этой фразе!

Безусловно, переход к НИО.2 требует изменений в системе ценностей. Мы понимаем, что в стране, которая 70 лет декларировала попытки воспитания «человека нового типа», это звучит несколько необычно. Но, тем не менее, новая экономика, новая общественная среда, присущие НИО.2, *будут неизбежно приводить к трансформации индивидуальных, коллективных и общественных ценностей*. Процесс этот будет болезненным и нелинейным. Вспомним для примера, какое количество людей в нашей стране до сих пор ностальгируют по советскому периоду развития, несмотря на то, что с момента его окончания прошел срок жизни полутора поколений. Автор, конечно, отнюдь не призывает начать целенаправленную работу по формированию «человека типа НИО.2»! Но — *развивать культуру, формировать предпосылки* (в том числе — технологические) того, чтобы общество безболезненно, конструктивно и быстро осознало неизбежность грядущих изменений, — их суть, и — *принять их, абсолютно необходимо*. Это — один из ключевых элементов обеспечения высокого качества жизни и сейчас, на этапе формирования, и — на этапе развития НИО.2. И в подтверждение этого тезиса приведем еще одну характерную цитату из Кейнса, где он, как кажется, напрямую из года 1925-го обращается к нам сегодняшним: «Россия никогда не будет представлять для нас серьезного интереса, если она не станет моральной силой» [4].

Литература

1. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. М.: Прогресс, 1978. С. 494.
2. Бодрунов С. Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. СПб.: ИНИР им. С. Ю. Витте. С. 328.
3. Федеральный закон от 31 декабря 2014 г. № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
4. Кейнс Дж. М. Впечатления о Советской России. Должно ли государство управлять экономикой? М.: Алгоритм, 2015. С. 224.
5. Кейнс Дж. М. Конец Laissez Faire. Истоки. Вып. 3. М.: ГУ-ВШЭ, 2001. С. 261.
6. Новое индустриальное общество: истоки, реальность, грядущее / Под общ. ред. С. Д. Бодрунова. Сб. науч. трудов. СПб.: ИНИР им. С. Ю. Витте, 2017. С. 606.
7. Цаголов Г. Н. Тайны малого дракона. Куда идет Вьетнам? Чему у него поучиться? М.: Экономика, 2013. С. 44.

References

1. Keynes J. M. The General theory of employment, interest and money. Moscow: Progress, 1978. S. 494. (in Russian)
2. Bodrunov S. D. Forthcoming. The new industrial society: reloaded. Ed. 2nd, revised and enlarged. SPb.: INIR them. Witte. P. 328. (in Russian)
3. Federal law dated 31 December 2014 № 488-FZ "On industrial policy in the Russian Federation-// ATP ConsultantPlus. (in Russian)
4. Keynes J. M. Impressions of Soviet Russia. Whether the government should manage the economy? M.: Algoritm, 2015. S. 224. (in Russian)
5. Keynes J. M. The End Of Laissez Faire. Origins. Vol. 3. M.: GU-VSHE, 2001. P. 261. (in Russian)
6. The new industrial society: the origins, reality, future / Ed. by S. D. Bodrunov. SB. scientific. works. SPb.: INIR them. Witte, 2017. S. 606. (in Russian)
7. Tsagolov, G. N. Secrets of a small dragon. Where is Vietnam? Something to learn from him? M.: Economics, 2013. P. 44. (in Russian)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

Мировые тренды производительности труда и потребления: эмпирический анализ

Об авторе

Борис Лавровский

*доктор экономических наук,
профессор, ведущий научный сотрудник*

*Институт экономики и организации
промышленного производства СО РАН
630090, г. Новосибирск, пр-т Академика Лаврентьева, 17
boris.lavrovski@gmail.com*

Ключевые слова

производительность труда, уровень потребления, конвергенция, дивергенция, мировые тренды, Россия

Основные тезисы

- Сложившееся к середине 60-х годов прошлого века исключительно высокое различие в показателях производительности труда и душевых расходов на конечное потребление по странам мира в тенденции преодолевается и особенно интенсивно с начала 1990-х годов.
- Процесс межстранового сближения не носит всеобъемлющего системного характера, без учета Китая процесс конвергенции не виден или почти не виден.
- Цена, которую платит Россия за исключительно высокие темпы роста душевых расходов домашних хозяйств в нулевые годы, преимущественные относительно динамики производительности, состоит в существенном ослаблении потенциала накопления (ресурсов развития).

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 16–12–54001 (НСО) «Российское могущество прирастать будет Сибирию и Ледовитым океаном»).

Введение

Исследование глобальных трендов производительности, важное само по себе, приобретает дополнительное значение, серьезное социальное и политическое звучание в связи с динамикой уровня жизни населения. Применительно к рассматриваемым показателям ставится задача оценить протекающие глобальные процессы конвергенции-дивергенции, межстранового расслоения или сближения, роль Китая, а также место России в рассматриваемых процессах.

Разумеется, поставленные вопросы являются далеко не новыми. Более того, существует огромное количество литературы, в том числе эмпирической, которая даже получила отдельное название «convergence literature». Более или менее подробные обзоры этих исследований можно найти в работах [1–4] и др.

Между тем в эмпирической литературе не сложилось сколько-нибудь однозначного представления по поводу динамики межстрановых и межрегиональных различий, напротив, обнаруживается большое их разнообразие [5]. Надежду обнаружить сколько-нибудь достоверные тенденции, новые закономерности или подтвердить уже известные в литературе мы связываем с использованием унифицированной международной статистики, в частности — показателей производительности труда вместо обычно используемого душевого ВВП.

Для решения поставленных задач требовалось определить возможно большее число стран, обеспеченных в долговременной ретроспективе данными о производительности труда и показателях качества жизни, и совокупная доля которых в мировой экономике достаточно высока. Для определенности в дальнейшем будем говорить не о качестве жизни населения, а только об уровне потребления, который будем измерять показателем душевых расходов домохозяйств на конечное потребление.

Таких стран, включая Россию, начиная с 1990 года, по данным Университета Гронингена [6] оказалось 107; их совокупный ВВП (ППС) в 2010 году

по отношению к общемировому составляет 96,2 %, численность населения — 94,0 %. Множество этих стран обозначим Q-107. Не будет большой ошибкой при сопоставлении, например, удельных показателей в России (производительность труда и др.) с соответствующими сводными (средними) данными по Q-107 называть последние мировыми.

В расчетах используются также данные Мирового банка, касающиеся расходов домохозяйств на конечное потребление [7].

Сопоставление показателей производительности труда в мире и России

Известные события 1990-х годов в России привели к тому, что ее ВВП (ППС) по отношению к соответствующему мировому показателю в текущих ценах по данным Мирового банка сократился с 4,2 % в 1990 г. до 1,9 % к 1998 г. В дальнейшем доля РФ систематически повышается и достигла 3,5 % в 2008 г. (3,3 % в 2010 г.).

По данным Университета Гронингена производительность труда, измеряемая годовым объемом ВВП (ППС) в расчете на одного занятого, превышала в РФ в 1990 году мировой показатель примерно на 54 % (в текущих ценах). К 1998 году превышение сменилось уже заметным отставанием (14 %). В последующем наблюдается преимущественный рост производительности в России по отношению к мировому показателю до 2008 года включительно. В результате показатель производительности труда в РФ превысил мировой уровень в 2008 г. примерно на 49 %, в 2010 г. — на 36 %.

Кроме мировых показателей, представляет интерес сопоставление уровня и динамики производительности труда в РФ с бывшими советскими республиками, а также странами бывшего СЭВ — Совета экономической взаимопомощи (табл. 1).¹ Связано это с тем обстоятельством, что страны в упомянутых двух группах были в свое время тесно кооперированы и выросли, в сущности, из одной «социалистической шинели».

Как видно, мера превышения российской производительности над мировой

¹Просьба указать источники всех таблиц и рисунков

Таблица 1

Показатель производительности труда в России по отношению к аналогичному показателю различных групп стран (текущие цены), %

Источник:

Группа	1990	1995	1998	2000	2005	2008	2010
Q-107	153,5	97,9	85,9	103,5	125,1	148,8	136,1
Страны бывшего СЭВ (без ГДР, Кубы и Монголии)*	134,9	115,5	107,3	117,6	122,9	131,3	127,7
Бывшие советские республики**	—	135,1	131,8	135,1	131,7	130,0	128,5

* Болгария, Венгрия, Вьетнам, Куба, Монголия, Польша, Россия, Румыния, Чешская Республика, Словакия.

** Азербайджан, Армения, Белоруссия, Грузия, Казахстан, Киргизия, Латвия, Литва, Молдова, Россия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, Украина, Эстония.

Так все же с Кубой и Монголией или без них?

и двумя региональными группами, состоявшаяся в 1990 году, к 2008 году и тем более к 2010 году не только не превзойдена, но даже не достигнута. Во всех рассмотренных случаях производительность труда в РФ в 2010 году остается

более высокой, чем мировой, а также групповой показатель, но ее динамика за эти двадцать лет ниже. Наибольшие потери в этом смысле выявляются из сопоставления как раз с мировым уровнем.

Таблица 2

Характеристики показателей производительности труда в России и у ближайших соседей (соперников)

Источник:

Страна	Индекс роста производительности труда в пост. ценах в 2010 г., 1990 г. — 100 %	Производительность труда (в текущих ценах)					
		долл./занят.					в России по отношению к отдельным странам в 2010 г., %
		1990	1995	2000	2005	2010	
Аргентина	180,2	13 163	18 875	22 838	26 743	39 435	89,0
Венгрия	170,4	18 116	24 026	27 696	39 873	45 789	76,6
Кувейт	63,9	26 767	21 773	24 171	45 933	45 145	77,7
Малайзия	197,8	10 638	17 606	19 775	27 097	35 549	98,7
Польша	225,0	13 540	19 092	26 311	36 299	46 001	76,3
Португалия	134,3	23 123	29 733	35 550	41 332	49 110	71,4
Россия	117,1	18 110	13 702	17 311	26 111	35 081	100,0
Турция	179,9	14 550	17 210	21 666	33 681	39 047	89,8
Чили	178,4	11 019	17 685	20 548	28 102	38 115	92,0
Эстония	227,8	11 870	12 874	21 687	35 214	44 759	78,4

Попытка по старой советской памяти сопоставлять уровень производительности труда в России с мировыми грандами, в частности с США, в современных условиях выглядит не вполне уместной. Актуальные задачи, касающиеся производительности труда, оставаясь в рамках здравого смысла, состоят в том, чтобы «догнать и перегнать» ближайших соседей (соперников), перечисленных в табл. 2.

Перспектива соревнования с этими странами не вызывает энтузиазма. В самом деле, в 1990 году производительность труда в России была выше, чем в семи странах из девяти, уступая только двум (Кувейту и Португалии), в 2010 г. стала ниже, чем во всех девяти странах. Иначе говоря, большинство «соседей» за период 1991–2010 гг. продемонстрировали преимущественный рост производительности по отношению к России со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Выбор любого другого периода для сопоставления динамики производительности выглядит искусственным. И в 1990-е, и в нулевые годы развитие в России отличалось, как известно, крайне специфическими особенностями, в одном случае негативными, в другом позитивными.

Преимущество одних стран над другими, касающееся динамики производительности, приводит, естественно, с не-

которого момента времени к изменению «табеля о рангах». Речь идет о структурных сдвигах, перемене относительного положения стран в связи с уровнем производительности труда (табл. 3).

Что касается России, то ее ранг производительности среди стран G-107 при всех драматических изменениях остается в пределах одного качества, а именно между 45 и 60 местом (рис. 1).

Динамика производительности и потребления

При сопоставлении показателей динамики производительности труда и душевых расходов на потребление за период 1990–2010 гг. из множества Q-107 были исключены некоторые страны в связи с отсутствием в базе данных Всемирного банка необходимой информации. Соответственно рассматривается множество Q-74, включающее 74 страны. Доля этих стран в общемировом ВВП в 2010 г. по данным Всемирного банка составила 87,1 % (в текущих ценах).

В целом множество стран Q-74 за рассматриваемое двадцатилетие характеризуется приблизительно одним и тем же темпом роста производительности и душевых расходов на потребление — 144 %. В большинстве стран динамика потребления выше динамики производительности.

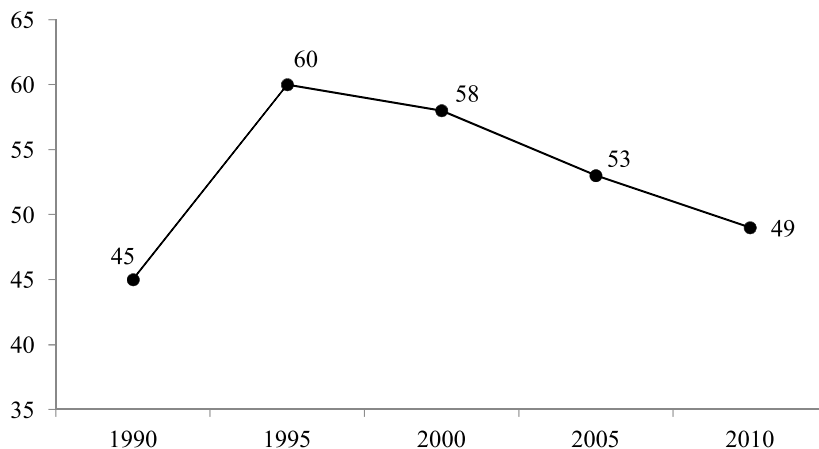

Рис. 1. Место России по уровню производительности труда (Q-107)

Источник:

Таблица 3

Ранги стран по уровню производительности труда, текущие цены (Q-107)*

Источник:

Страны	1990	1995	2000	2005	2010	Страны	1990	1995	2000	2005	2010
ОАЭ**	1	1	1	3	20	Польша	53	47	42	43	41
Люксембург	2	2	2	1	1	Эстония	57	61	49	44	44
Катар**	21	26	3	2	6	Уругвай	56	50	45	54	54
Исландия	4	6	15	12	23	Гватемала	58	59	59	62	64
Норвегия	11	9	4	4	2	Чили	63	51	53	49	47
Бельгия	3	3	6	7	7	Колумбия	60	58	62	64	63
Соединенные Штаты	6	4	5	5	3	Ирак	59	81	61	68	66
Кувейт	33	42	44	37	43	Малайзия	65	52	54	50	48
Барбадос	5	19	19	26	30	Доминиканская Респ.	62	56	55	58	53
Франция	7	7	11	11	10	Эквадор	64	66	67	69	70
Италия	8	5	9	15	17	Болгария	66	63	63	60	59
Нидерланды	10	12	12	14	13	Тунис	68	68	66	65	65
Австрия	9	8	8	10	9	Бразилия	67	62	64	66	69
Канада	14	15	13	13	12	Иордания	55	65	69	70	68
Швейцария	12	16	23	22	22	Румыния	70	70	70	59	56
Испания	15	13	21	23	21	Перу	69	64	65	63	60
Австралия	17	17	14	9	4	Сирийская Арабск. Р.	71	72	74	73	75
Ирландия	13	11	7	6	5	Албания	72	74	73	71	67
Германия	16	14	18	21	18	Египет	74	71	72	74	73
Япония	18	23	25	24	25	Таиланд	73	67	71	72	72
Дания	22	22	22	19	19	Боливия	76	73	76	76	77
Соедин. Корол-во	24	24	17	16	14	Йемен	75	77	75	77	79
Швеция	19	21	20	18	15	Марокко	77	80	81	78	78
Финляндия	20	18	16	17	16	Филиппины	78	79	79	81	81
Израиль	25	25	26	29	26	Шри-Ланка	80	75	77	75	76
Бахрейн	30	33	34	27	36	Пакистан	79	76	78	79	84
Гонконг	23	20	24	20	11	Индонезия	81	78	80	80	82
Сингапур	26	10	10	8	8	Узбекистан	82	85	85	86	86
Оман	36	39	36	32	28	Камерун	83	83	86	88	89

Продолжение таблицы 3

Страны	1990	1995	2000	2005	2010	Страны	1990	1995	2000	2005	2010
Греция	28	29	29	28	27	Кот д'Ивуар	88	87	93	91	94
Новая Зеландия	27	28	31	31	29	Индия	85	82	82	83	80
Кипр	29	30	30	33	31	Нигерия	89	90	87	87	92
Хорватия	34	40	41	40	39	Судан	84	84	84	84	85
Тринидад и Тобаго	31	35	37	34	37	Ангола	86	88	90	85	83
Мальта	35	31	28	30	32	Гана	87	89	88	90	91
Тайвань (Китай)	32	27	27	25	24	Сенегал	90	91	91	93	95
Португалия	39	34	35	39	40	Кения	91	96	96	97	97
Словения	38	36	33	35	34	Бангладеш	92	92	92	92	93
Чешская Республика	37	37	38	38	38	Замбия	93	95	94	95	87
Корея, Республика	40	32	32	36	33	Мали	94	94	95	94	96
Мексика	41	43	43	46	50	Китай	95	86	83	82	74
Россия	45	60	58	53	49	Вьетнам	96	93	89	89	88
Сент-Люсия	42	44	48	47	57	Мадагаскар	98	100	99	102	104
Респ. Македония	46	49	47	48	52	Нигер	97	98	101	101	102
Венесуэла	47	55	57	52	51	Камбоджа	99	97	97	96	90
Венгрия	44	38	40	42	42	Танзания	100	103	102	99	99
Словакия	43	41	39	41	35	Конго	104	106	107	107	107
Иран	52	54	56	56	58	Буркина-Фасо	101	101	100	100	100
Ямайка	48	46	51	57	61	Малави	102	102	103	104	101
Коста-Рика	49	45	52	55	55	Уганда	103	99	98	98	98
ЮАР	50	57	60	61	62	Зимбабве	105	104	106	106	106
Турция	51	53	50	45	46	Эфиопия	106	105	105	105	105
Аргентина	54	48	46	51	45	Мозамбик	107	107	104	103	103
Алжир	61	69	68	67	71						

* Ранг 1 присваивается стране с наибольшим уровнем производительности.

** Качественные изменения (скачки) рангов в ОАЭ и Катаре связаны, по-видимому, с динамикой трудовых мигрантов.

Только в 30 случаях наблюдается преимущественный или сопоставимый с динамикой потребления рост производительности.

Как правило, мера превышения роста потребления над ростом производительности является достаточно умеренной. Только в 10 странах на 1 % роста производительности приходится более 1,25 % роста потребления.

В этом смысле Россия является абсолютным мировым лидером. Здесь на 1 % роста производительности приходится 1,85 % роста потребления. Ближайшими «преследователями» являются Тунис (1,46 %), Чили (1,43 %), ЮАР (1,38 %).

Столь серьезное превосходство динамики расходов на потребление над динамикой производительности труда в РФ сопровождалось высоким ростом душевых расходов на потребление: индекс роста в 2010 г. по отношению к 1990 году составил 217 %. По этому показателю Россия стала одним из мировых лидеров.

По уровню душевых расходов на потребление Россия последовательно переместилась с 44 места в 1995 г. на 31 место в 2010 г. Это очень сильная позитивная динамика, вполне сопоставимая со «спуртом» Норвегии и Гонконга, которые за 20 лет вырвались в мировые лидеры, переместившись с конца второй десятки в середину первой десятки. В результате Россия в 2010 году занимает примерно то же самую стартовую позицию в порядковой шкале, какую занимали Норвегия и Гонконг в 1990 г.

Вместе с тем ряд стран в течение рассматриваемого периода показал более высокие результаты, чем РФ, например, Китай (индекс роста 395 %), Чили (255 %), Польша (236 %), Шри-Ланка (229 %), Индия (222 %). При этом Китай обеспечивает фантастический рост расходов на потребление как раз за счет преимущественного роста производительности.

Душевые расходы на потребление в России еще в 2000 году составляли менее 70 % среднего уровня, к 2010 году превысили среднюю оценку почти в полтора раза. Правда, даже не до мировых грандов, а, скажем, до Португалии еще далеко.

Представляет определенный интерес вопрос о соотношении по странам числа людей «с сошкой и с ложкой», балансе производительности и потребления. Точнее: какому числу людей достигнутый уровень производительности обеспечивает сложившиеся расходы на потребление. Оказалось, что годовой продукт одного работника в целом по Q-67 обеспечивает расходы на потребление примерно 4 чел. на протяжении 1990–2010 гг. без особых колебаний.

Это соотношение по странам, естественно, различное, но в основном между 3,0 и 5,0 человек. В одних странах динамика производительности оказывается в состоянии обеспечить расходы на потребление все большего числа людей, в других — все меньшего, но эти изменения лежат в весьма узких границах. Иначе говоря, между уровнем производительности работников и социальными притязаниями населения существует достаточно жесткая зависимость.

С увеличением производительности растут и социальные потребности. В свою очередь, источники или резервы роста производительности связаны, во-первых, с (потенциальной) возможностью работника обеспечить потребление определенного числа людей, во-вторых, с числом людей, реально приходящихся на одного работника. Предположим, что объем произведенного работником продукта в единицу времени способен обеспечить потребление пяти человек (при сложившихся социальных потребностях). В действительности структура населения такова, что на одного работника приходится три человека. Тогда разница (5–3=2) может интерпретироваться как потенциал накопления, источник увеличения производительности труда. Причем при оценке резервов роста производительности значение имеет прежде всего динамика этой разницы.

Применительно к Китаю резервы роста производительности иллюстрируются данными на рис. 2. Видно, что длина штриховой линии между кривыми с 2000 г. в тенденции увеличивается. Это означает, что возможности накопления (ресурса развития) возрастают.

Рис. 2. Характеристики производительности и потребления в Китае
Источник:

Что касается России, то здесь соотношение показателей производительности и потребления заметно меняется с начала нулевых годов. Годовой продукт одного работника обеспечивал расходы на потребления 5,68 чел. в 2000 г., 4,65 — в 2005 г. и 3,51 чел. — в 2010 г. (рис. 3). Иначе говоря, динамика производительности труда существенно отставала от роста потребления, социальные притязания заметно опережали рост производительности. Столь резких структурных изменений не наблюдалось фактически ни в одной другой стране мира.

Важно и другое. Видно, что длина штриховой линии между кривыми заметно сокращается во времени, начиная с 2000 г. Это означает, что возможности накопления (ресурса развития) стремительно убывают. Пересечение кривых теоретически свидетельствовало бы о том, что при данной производительности и сложившихся социальных притязаниях весь произведенный в стране продукт расходуется на потребление.

Характер мировой конвергенции—дивергенции: длительная ретроспектива

Удалось включить в выборку 33 страны, обеспеченных в основном необходимой информацией за период 1965–2010 гг. Q-33 охватывает в соответствии с классификацией МВФ развитые и развивающиеся страны, а также страны с формирующимся рынком¹⁾. Объем ВВП (ППС) этих 33 стран составил в 2010 году (в текущих ценах) около 46,3 трлн долл., их доля в мировом ВВП приблизительно 60,0%, в населении — 57,5%.

Процессы, связанные с соотношением сил, важнейших экономических параметров между странами мира, и их ре-

¹⁾ Австралия, Канада, Чили, Коста-Рика, Доминиканская Республика, Финляндия, Греция, Гватемала, Исландия, Индия, Италия, Япония, Корея, Люксембург, Малайзия, Мексика, Норвегия, Пакистан, Перу, Филиппины, Южно-Африканская Республика, Шри-Ланка, Швеция, Швейцария, Таиланд, США, Уругвай, Венесуэла, Китай, Эквадор, Египет, Сенегал, Тунис.

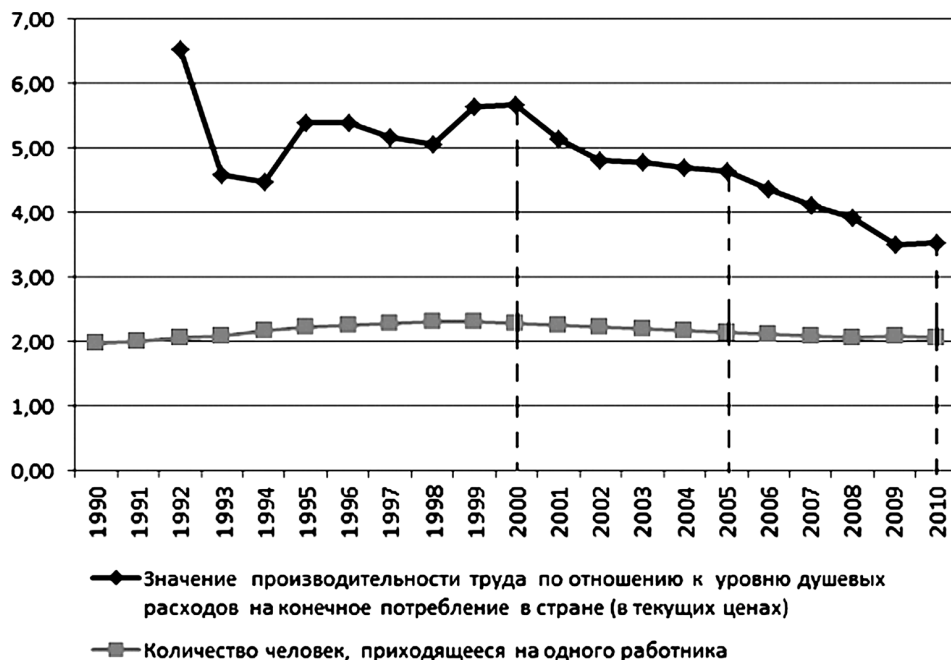

Рис. 3. Характеристики производительности и потребления в России
 Источник:

зультаты определяются таинственным «законом неравномерного развития», обусловлены конкретными обстоятельствами, стихийными трансформациями, свободны в глобальном масштабе от какого бы то ни было сознательного централизованного планомерного начала. Традиционно исследованию в этом контексте подвергаются вопросы, касающиеся выявления системных характеристик в соотношении сил, в данном случае — показателей производительности труда и уровня потребления по странам мира. Речь идет о наличии дивергенции или конвергенции, как доминирующих тенденций. Или иначе: насколько современные общемировые процессы глобализации, технологического прогресса и др. способствуют преимущественно сближению или расслоению данных показателей по странам мира.

К середине 1960-х годов сложилось исключительно высокое различие в уровне производительности труда по странам Q-33. В 1965 году средний уровень производительности составил 9747,3 долл. на занятого (в постоянных ценах 2005 г.).

При этом максимальное значение производительности превышало минимальное более чем в 70 раз.

Примерно до середины 1970-х годов это соотношение не отличалось стабильностью — как понижалось, так и повышалось. Наиболее крутой спуск (тенденция к снижению в соотношении крайних показателей) наблюдалась с середины 70-х до начала 1990-х годов (в 1993 г. — 35 раз). В последние примерно 15 лет рассматриваемого периода тенденция к сокращению существенно притормозилась. Можно констатировать, что в целом за период соотношение предельных характеристик производительности сократилось примерно в 2,5–3,0 раза.

Рассчитаны также системные характеристики рассеяния показателя производительности. Каждый из индикаторов претендует в известной степени на особую версию в изображении характера дифференциации в первой половине рассматриваемого периода. Однако все три индикатора едины в оценке событий последних 15–20 лет (табл. 4, рис. 4).

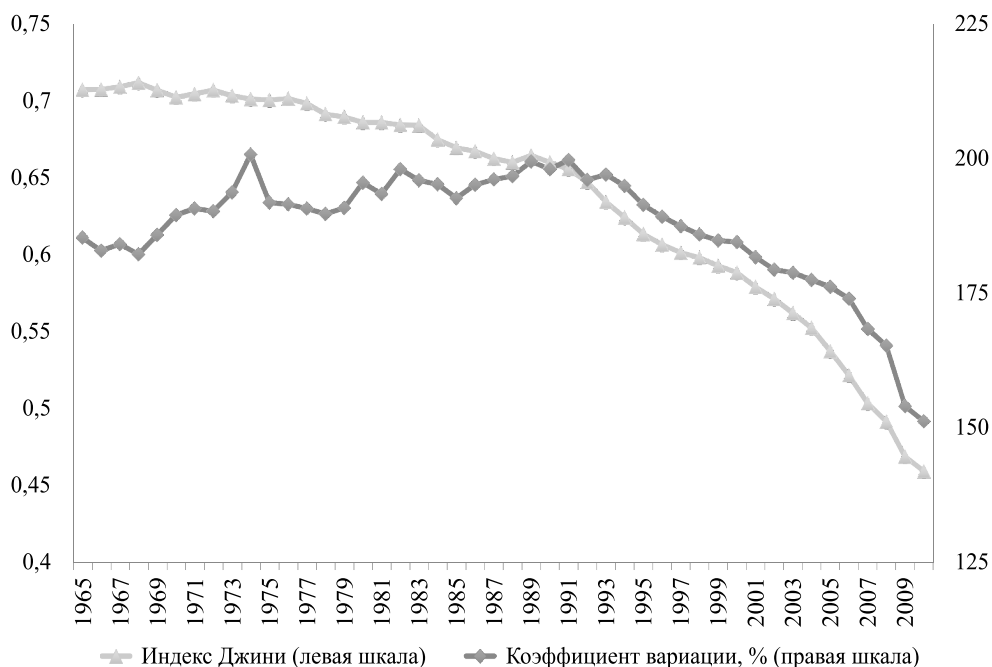

Рис. 4. Значение некоторых индикаторов рассеяния показателей производительности труда в текущих ценах (Q-33)

Источник:

С начала 1990-х годов вполне зримо вырисовывается тенденция к сближению (конвергенции) показателей производительности труда. Иначе говоря, в последние примерно два десятилетия

рассматриваемого периода наблюдается принципиально новое явление: преимущественный рост показателей производительности у стран-аутсайдеров относительно мировых лидеров.

Таблица 4

Значение вариации показателей производительности труда в текущих ценах с использованием различных индикаторов (Q-33)

Источник:

Год	Коэффициент вариации, %	Индекс Тейла	Индекс Джини
1965	185,3	0,9703	0,7070
1970	189,5	0,9633	0,7021
1980	195,5	0,9232	0,6858
1990	198,0	0,8648	0,6599
2000	184,5	0,7066	0,5884
2010	151,3	0,4292	0,4597

Таблица 5

Индекс роста производительности труда в постоянных ценах 2005 г., 1965 г. — 100 % (Q-33)

Источник:

Год	Всего	Лидеры	Аутсайдеры (с Китаем)	Китай
1965	100	100	100	100,0
1970	114,2	118,7	114,6	108,7
1980	131,4	138,8	151,2	163,1
1990	148,7	158,3	228,0	293,6
2000	186,5	183,7	391,0	699,3
2010	238,1	198,7	756,5	1775,5

В табл. 5 представлена динамика показателей производительности труда в целом по странам Q-33, а также отдельно по лидерам (производительность в 1965 г. выше средней)²⁾, аутсайдерам (производительность в 1965 г. ниже средней)³⁾ и Китаю.

Лидеры, т. е. страны с наиболее высокими показателями производительности, к середине 1960-х годов, демонстрировали в дальнейшем определенное время и более высокие темпы роста, чем аутсайдеры. Эта ситуация продолжалась примерно 10 лет. Начиная с середины 1970-х годов, уже аутсайдеры демонстрируют преимущественные темпы роста, и чем дальше, тем во все большей степени.

Исключительную роль в этом процессе играет Китай. Кардинально отставая от остальных аутсайдеров в середине 60-х годов прошлого века, Китай к началу нулевых годов по уровню производительности существенно, а к 2010 г. практически к ним приблизился. Все это при том, что сами эти «остальные аутсайдеры» демонстрируют внушительную динамику.

²⁾ Лидеры (21 страна): Австралия, Канада, Чили, Коста-Рика, Финляндия, Греция, Гватемала, Исландия, Италия, Япония, Люксембург, Мексика, Норвегия, Перу, Южно-Африканская Республика, Швеция, Швейцария, США, Уругвай, Венесуэла, Эквадор.

³⁾ Аутсайдеры (12 стран): Доминиканская Республика, Индия, Корея, Малайзия, Пакистан, Филиппины, Шри-Ланка, Таиланд, Китай, Египет, Сенегал, Тунис.

Иллюстрация роли Китая в процессах глобальной конвергенции—дивергенции представлена на рис. 5.

Как видно, в целом за длительный период коэффициент вариации даже повышается, индекс Джини чуть уменьшается. Можно было предположить, что роль Китая в процессах конвергенции высока. Но оказалось, что она очень высока в том смысле, что без учета Китая мера вариации показателей производительности труда среди стран Q-33 едва ли не возрастает, во всяком случае, сколько-нибудь существенно не сокращается. Только, пожалуй, буквально в последние пять лет рассматриваемого периода индикаторы вариации иллюстрируют определенное ослабление межстрановой поляризации уже и без Китая.

Для того чтобы лучше понять механизм межстрановой конвергенции показателей душевого потребления, роль Китая, целесообразно предварительно сопоставить динамику этого показателя отдельно по странам: лидерам, аутсайдерам и Китаю (табл. 6). Лидером при этом называть страну со значением показателя выше среднего в 1980 г. (в постоянных ценах 2005 г.), аутсайдером — ниже.

В первые два десятилетия рассматриваемого периода динамика потребления характеризовалась приблизительно одинаковыми темпами роста (около 150 %) у лидеров и аутсайдеров, в два с лишним раза больше у Китая. В нулевые годы

Нет
согласования

Пропущено
слово или
фраза

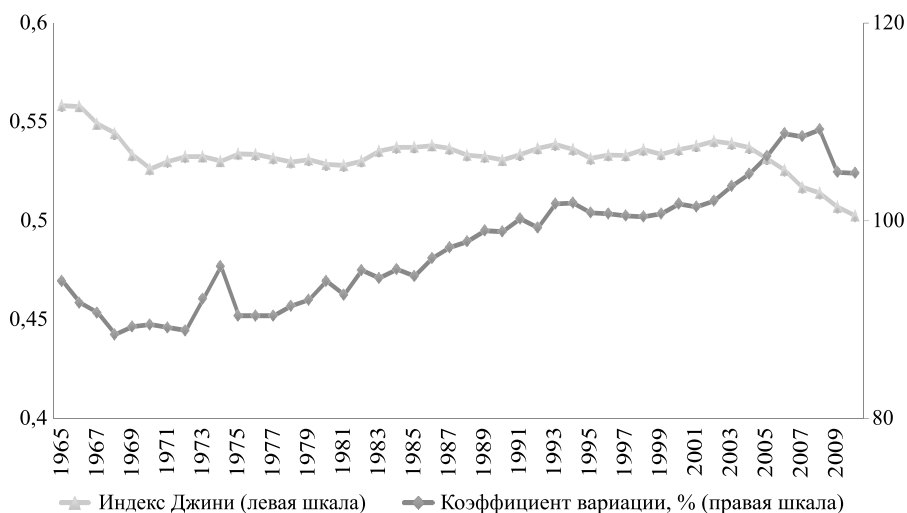

Рис. 5. Значение некоторых индикаторов вариации показателей производительности труда без Китая (в текущих ценах)

Источник:

Таблица 6

Индекс роста показателей душевых расходов домохозяйств на конечное потребление по совокупности стран и Китаю (постоянные цены 2005 г., 1980 г. — 100 % (Q-31*))

Источник:

Год	Душевые расходы		
	Лидеры**	Аутсайдеры (без Китая)***	Китай
1980	100	100	100
1985	112	105	148
1990	126	119	173
1995	134	138	253
2000	155	153	344
2005	169	179	456
2010	171	223	683

*Без Пакистана и Шри-Ланки.

**Австралия, Греция, Исландия, Италия, Канада, Люксембург, Мексика, Норвегия, Соединенные Штаты, Финляндия, Швейцария, Швеция, Япония (всего 13 стран).

***Венесуэла, Гватемала, Доминиканская Республика, Египет, Индия, Корея, Республика Коста-Рика, Малайзия, Перу, Сенегал, Таиланд, Тунис, Уругвай, Филиппины, Чили, Эквадор, Южно-Африканская Республика (всего 17 стран).

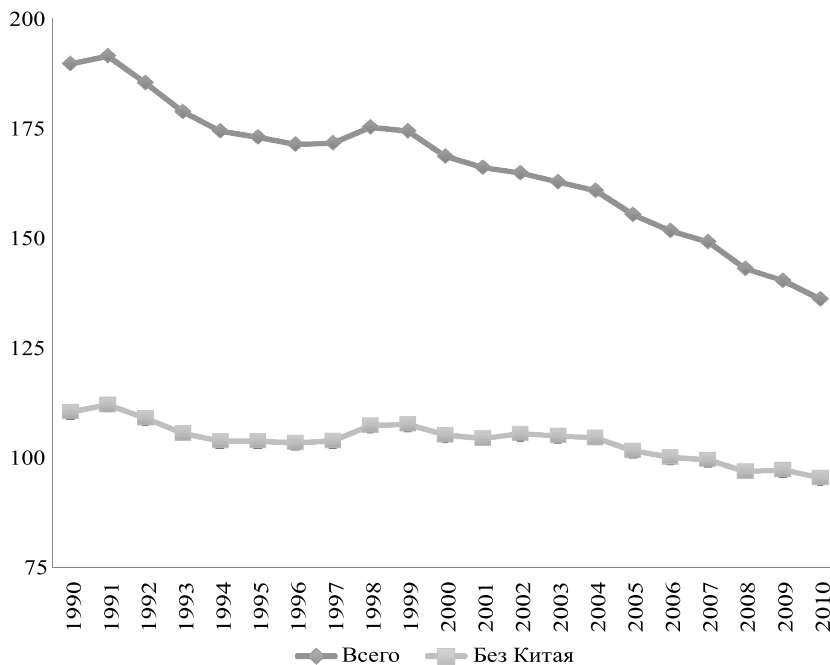

Рис. 6. Коэффициент вариации показателей душевых расходов домохозяйств в текущих ценах, %

Источник:

и особенно в последние пять лет рассматриваемого периода динамика потребления у лидеров заметно затормозилась, у аутсайдеров и Китая, наоборот, ускорилась.

Процессы межстранового сближения—расслоения показателей потребления представлены на рис. 6.

Процесс конвергенции применительно к показателям потребления протекает гораздо более интенсивно с учетом Китая.

Итак, в целом за последние 20 лет рассматриваемого периода нельзя не заметить определенного межстранового сближения показателей потребления за счет преимущественного роста этих показате-

лей в странах-аутсайдерах. И хотя различие между странами все еще измеряется десятками раз, налицо принципиально новое явление.

Тем самым можно констатировать, что межстрановое пространство душевого потребления в известной степени сужается. Однако процесс сближения не носит всеобъемлющего системного характера, преимущество в темпах, демонстрируемое развивающимися странами, а также странами с формирующимся рынком (кроме Китая), пока не настолько серьезное, чтобы принципиально сблизить мировых лидеров и аутсайдеров.

Литература

1. Durlauf S. N., Quah D. T. The New Empirics of Economic Growth // Handbook of Macroeconomics. V. 1 / Ed. by J. B. Taylor, M. Woodford. Elsevier. 1999. P. 235–308.
2. Heshmati A. The world Distribution of Income and Income Inequality: A Review of the Economics Literature // Journal of world-systems research. 2006. V. XXI. №1 (July). P. 61–107.

Сноска к табл. 6: какая здесь должна быть Республика?

3. Лавровский Б. Л., Постникова Е. А., Губарева Е. Ю. Свойства современного трансфертного механизма // Регион: Экономика и Социология. 2005. № 1. С. 32–55.
4. Лавровский Б. Л. Региональная асимметрия и развитие // Регион: Экономика и Социология. 1999. № 1. С. 99–116.
5. Лавровский Б. Л., Постникова Е. А., Шильцин Е. А. Региональные дисбалансы: Россия и Сибирь / Под ред. В. И. Суслова. Новосибирск: Новосиб. гос. тех. ун-т, 2010. 306 с.
6. The University of Groningen. Penn World Table. www.rug.nl/research/ggdc/data/pwt/ (дата обращения 01.01.2016)
7. Всемирный банк. Показатели развития мира. www.data.worldbank.org/products/wdi (дата обращения 01.01.2016)

References

1. Durlauf S. N., Quah D. T. The New Empirics of Economic Growth // Handbook of Macroeconomics. V. 1 / Ed. by J. B. Taylor, M. Woodford. Elsevier. 1999. P. 235–308.
2. Heshmati A. The world Distribution of Income and Income Inequality: A Review of the Economics Literature // Journal of world-systems research. 2006. V. XXI. № 1 (July). P. 61–107.
3. Lavrovsky B. L., Postnikova E. A., Gubarev E. Y. The current transfer mechanism // Region: Ekonomika i Sociologiya. 2005. № 1. P. 32–55. (in Russian)
4. Lavrovsky B. L. Regional asymmetry and development // Region: Ekonomika i Sociologiya. 1999. № 1. P. 99–116. (in Russian)
5. Lavrovsky B. L., Postnikova E. A., Shiltsin E. A. Regional imbalances: Russia and Siberia / Ed. by V. I. Suslov. Novosibirsk: Novosib. gos. teh. un-t, 2010. 306 p. (in Russian)
6. The University of Groningen. Penn World Table. www.rug.nl/research/ggdc/data/pwt/ (accessed 01.01.2016).
7. The world Bank. World development indicators. www.data.worldbank.org/products/wdi (accessed 01.01.2016)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Зачем и как следует управлять городскими агломерациями?

Об авторе

Александр Швецов

доктор экономических наук, профессор,
заместитель генерального директора

ФИЦ «Информатика и управление» РАН
119333, г. Москва, ул. Вавилова, 44, корп. 29
san@isa.ru

Ключевые слова

городские агломерации, государственное управление, местное самоуправление, межмуниципальное сотрудничество, российская практика, зарубежный опыт

Основные тезисы

-
-
-

Нужно ли управлять городскими агломерациями?

Еще совсем недавно управленцами-практиками и представителями научно-экспертного сообщества активно обсуждался *принципиальный вопрос* о том, должны ли городские агломерации формироваться и развиваться *спонтанно* или же *управляемо*. В настоящее время этот альтернативный вопрос, похоже, получил однозначный ответ — да, процесс агломерирования должен быть *управляемым* как в целом, так и в его конкретных

проявлениях (ситуациях), т. е. по отношению к отдельным городским агломерациям. Но отмеченная альтернативность в этом сложном вопросе, как и однозначность ответа на него, не вполне уместны. Дело в том, что современные научные представления о закономерностях поведения сложных динамических объектов, подобных городским агломерациям, исходят из понимания роли разнообразных факторов и движущих сил их развития не как взаимоисключающих, альтернативных, а как взаимодополняющих, сложно взаимодействующих между собой, существующих в диалектическом единстве.

Просьба прислать основные тезисы

Просьба заменить фотографию из-за плохого качества

В связи с этим достигнутое общее признание не просто принципиальной *допустимости*, но даже *необходимости управления* городскими агломерациями вовсе не должно влечь за собой лишение урбанистических процессов их *естественной произвольности*, полной и безусловной замены их *самоорганизации* и *саморазвития* мерами исключительно *сознательного воздействия* на них, превращение городских агломераций целиком и полностью в *объект целенаправленного и специально организованного управления*. Поэтому практически *актуальные* и теоретически *обоснованные* вопросы, касающиеся управления городскими агломерациями, должны заключаться в следующем. Как и в какой пропорции *соотносятся* спонтанность и управляемость в формировании и развитии агломераций, каковы *пределы* и *масштаб* (мера) государственного вмешательства в этот процесс, как *разграничить* соответствующие полномочия между органами власти разных уровней и как организовать их согласованное *взаимодействие*, какие *инструменты* способны обеспечить эффективность и результативность управляемого развития городских агломераций?

Городские агломерации как специфический объект совместного государственного и местного управления

Городские агломерации являются *специфическим* объектом управления. И специфика эта *двоякая*.

Первая особенность городских агломераций как объектов управления состоит в том, что они одновременно являются объектом управленческих воздействий органов и *местного самоуправления*, и *государственного управления*.

Почему местного самоуправления? В силу того, что все составные элементы городских агломераций — крупные города и небольшие городские поселения — представляют собой административно-территориальные структуры муниципального уровня, а значит, являются объектами местного самоуправления.

Почему государственного управления? По мере того как отдельные муниципальные образования составляют (формируют) агломерацию — то есть связанную группу городов и поселков — они в совокупности по своему масштабу, потенциалу и реальному значению становятся слишком большим для местного самоуправления объектом. Потребности функционирования и развития этого объекта существенно превосходят возможности — ресурсные, правовые, административные, которыми располагают только местные органы городских поселений, образовавших агломерацию, и требуют привлечения ресурсов и участия органов управления уже государственной власти. Городские агломерации становятся «интересными» уже и для *региональных*, и для *федеральных* органов государственного управления. Без такого двухуровневого государственного вмешательства (участия) невозможно *ни реализовать во всей полноте потенциал агломерирования, ни эффективно решать специфические проблемы* функционирования и развития городских агломераций.

Таким образом, городские агломерации являются *объектом* управления одновременно *трех уровней* власти — местного, регионального и федерального. Разумеется, у каждого из трех уровней власти имеется свой, отличный от других уровней *предмет* управленческих решений в отношении городских агломераций. *Местный* уровень имеет дело с непосредственным решением так называемых вопросов местного значения в каждом из входящих в *конкретные* городские агломерации муниципальных образований, а также с совместным решением местными органами вопросов межмуниципального развития. *Региональный* уровень берет на себя решение вопросов оказания разнообразной поддержки — финансовой, правовой, административной, профессиональной — *конкретных* городских агломераций в масштабах и с учетом особенностей отдельных субъектов Российской Федерации. На *федеральном* же уровне решаются вопросы законодательного обеспечения (регулирования) деятельности городских агломераций как явления в общегосударственном масштабе и их финансового стимулирования

и их финансового стимулирования

(поддержки), исходя из общегосударственных интересов. Такова *принципиальная схема* разделения труда в управлении городскими агломерациями между тремя уровнями власти. Фактически же она еще далека от воплощения, и на практике только формируются отдельные составляющие целостной системы управления городскими агломерациями. При этом следует обратить особое внимание, что наряду с *разделением труда* не менее важна *организация взаимодействия* органов власти разных уровней, которая может обеспечиваться общим правовым регламентированием процессов агломерирования и целевыми программными документами по решению конкретных проблем формирования и развития городских агломераций.

Вторая специфическая особенность городских агломераций как объектов управления состоит в том, что, несмотря на *фактическую общность* интересов, целей и задач, ресурсов и других аспектов совместного функционирования групп городских поселений, эти образования тем не менее законодательно *не являются организационно обособленными и юридически едиными* объектами управления. Все входящие в состав городских агломераций крупные города и небольшие городские поселения, развиваясь *де-факто* совместно и взаимосвязано, сохраняют при этом *де-юре* свою полную организационно-управленческую самостоятельность. При отсутствии законодательных федеральных установлений на этот счет ширятся прецедентные усилия региональных и местных властей по фактической *институционализации* городских агломераций как *самостоятельно-единых* объектов управления. Для достижения организационного единства используются такие инструменты, как соглашения, схемы территориального планирования и др.

Государственное управление городскими агломерациями

Государственный интерес к процессам агломерирования первоначально проявился *на субфедеральном уровне* — в ряде субъектов Российской Федерации. Так, например, в 2007–2008 гг. родился проект

концепции развития и схема территориального планирования Иркутской агломерации. Проект не был реализован, но по-прежнему привлекает интерес [1]. Следует назвать также инициированный в 2008 г. проект развития Красноярской агломерации. Он опирался на заключенное семью муниципальными образованиями¹⁾ соглашение о межмуниципальном инвестиционном проекте «Комплексное развитие Красноярской агломерации на период до 2020 года». Подготовленные по заказу Министерства строительства и архитектуры Красноярского края в рамках проекта два документа — Стратегия социально-экономического развития и Схема территориального планирования Красноярской агломерации — были в 2010 г. согласованы в Минрегионе России и утверждены краевым правительством [2]. Можно также упомянуть о проекте развития Екатеринбургской агломерации как неотъемлемой части Стратегии социально-экономического развития Уральского федерального округа до 2020 г., утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 6 октября 2011 г. Есть и более свежие примеры аналогичных инициатив. В сентябре 2016 г. правительством Пермского края и главами г. Пермь и Пермского района было подписано трехстороннее соглашение о взаимодействии краевых и муниципальных органов власти по развитию Пермской городской агломерации. Проект предполагается осуществлять в целях инновационного регионального и муниципального развития, привлечения инвестиций, проведения скоординированной экономической, социальной, финансовой и градостроительной политики, в том числе совместного использования объектов социальной сферы, строительства и реконструкции объектов транспортной инфраструктуры, формирования единой планировочной структуры. С созданием агломерации связываются надежды на снятие ряда ограничений и сглаживание диспропорций

¹⁾ Сторонами соглашения выступили: Красноярский, Сосновоборский и Дивногорский городские округа, а также Емельяновский, Манский, Сухобузимский и Березовский районы.

в развитии города Пермь и Пермского муниципального района.

На федеральном уровне феномен агломерирования в качестве особого объекта активного государственного интереса был официально зафиксирован в 2008 г. в правительственной «Концепции долгосрочного социально-экономического развития России на период до 2020 года». В документе прямо было заявлено, что «...важнейшее значение будет иметь „инфраструктурный эффект“ формирования городских агломераций, связанный с реализацией проектов строительства новых энергомошностей, крупных транспортных комплексов, мультимодальных логистических центров и информационных узлов, образовательной и инновационной инфраструктуры. На востоке страны такой сценарий даст выборочный толчок развитию городов с самым значительным объемом накопленного инновационного потенциала» [3, разд. VII, п. 2]. Государственный интерес к агломерационному процессу в последующем только расширился. В разработанном в 2013–2014 гг. «Прогнозе долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года» Минэкономразвития России предсказывало, что «базовой тенденцией пространственного развития России является усиление концентрации человеческого капитала, инфраструктуры, ресурсов будущего в крупных городах и формирование 20 агломераций с численностью населения более 1 млн человек. Данные агломерации будут способны выполнять специализированные интернациональные функции в мировом разделении труда, стать локомотивами роста, развивая новые инновационные кластеры. В первую очередь это касается Московской и Санкт-Петербургской агломераций» [4]. Тем самым государственный интерес к проектам агломерирования был не просто поднят на федеральный уровень власти, но зафиксирован в качестве важнейшей государственной перспективной задачи.

Идея целесообразности расширения государственного регулятивного (управляющего) воздействия на городские агломерации поддерживается многими пред-

ставителями экспертно-научного сообщества. Так, один из основоположников изучения агломераций Г. М. Лаппо предельно категоричен — *регулирование необходимо* [5]. По его мнению, цель использования этого инструмента состоит в максимизации положительных и минимизации отрицательных последствий агломерирования. Такая потребность в рыночных условиях, как он полагает, удваивается, ну а для России с ее «диким» капитализмом регулирование необходимо втрое. И заниматься целенаправленным формированием агломераций должны сообща органы управления всех уровней.

В настоящее время пока нет оснований говорить о существовании законченной целостной системы государственного управления городскими агломерациями. Речь может идти только о *начальном этапе* формирования ее отдельных элементов. И потому, характеризуя текущее состояние дел в этой области, пока есть больше оснований оценивать лишь намерения властей, анализировать возможный состав и функции элементов системы управления, рассматривать направления, содержание и последовательность принимаемых шагов.

Позиция государства в отношении развития городских агломераций первоначально формировалась и воплощалась в практике государственного управления Министерством регионального развития Российской Федерации (Минрегионом России), а после его упразднения в 2014 г. эту функцию унаследовало Министерство экономического развития Российской Федерации (Минэкономразвития России). Суть этой позиции заключается в признании явления агломерирования городов *естественным* следствием процесса урбанизации, полностью соответствующим мировым трендам. Вместе с тем, учитывая исключительную важность для общественного развития последствий агломерирования, современное государство не может игнорировать и оставаться в стороне от этого процесса, оставляя его на волю произвольной игры рыночных сил. В настоящее время стоит вопрос о *государственной поддержке* развития городских агломераций как центров *новой*

организации пространства, новых форм концентрации экономического потенциала (экономического сжатия) территории страны.

Целенаправленное развитие городских агломераций требует сознательного совершенствования управления пространственным развитием. Современные крупные городские агломерации, как правило, выходят за рамки существующих административно-территориальных образований, тем самым нарушая устоявшиеся связи и отношения в рамках сложившегося административно-территориального деления. Специальное правовое регулирование в этой области пока отсутствует. Законодательство не запрещает, но и не содействует этому процессу, а по отдельным вопросам заставляет использовать «обходные пути». Например, развитие агломерации требует ассигнований на решение общих для группы поселений проблем, но любое финансирование, выходящее за пределы города, рассматривается как нецелевое, со всеми вытекающими правовыми последствиями. Не созданы институциональные условия для государственного управления агломерациями, отсутствует эффективная инфраструктура поддержки формирования и развития городских агломераций как в национальном, так и региональном масштабах. Нет согласованной системы документов долгосрочного развития агломераций, совмещающих пространственное, социально-экономическое и бюджетное планирование. И, наконец, в которой раз повторим, в российском правовом поле отсутствует само понятие городской агломерации.

Правовое оформление городской агломерации как значительного социально-экономического явления и как объекта государственного регулирования требует законодательных нововведений, касающихся, в частности, административно-территориального деления и административно-управленческой структуры; разграничения полномочий и предметов ведения между Российской Федерацией, субъектами Российской Федерации и муниципальными образованиями; планирования пространственного развития (стратегиче-

ского и территориального планирования); организация бюджетного процесса.

Минрегион России для «управленческого» оформления процессов формирования и развития городских агломераций считал необходимым выполнение следующих условий:

- наличие проработанных проектов (концепций/стратегий) развития агломераций;
- включение проектов агломераций (их элементов) в утвержденные документы стратегического планирования субъектов Российской Федерации и муниципальных образований (стратегии, программы и планы социально-экономического развития) на долгосрочную перспективу;
- включение проектов агломераций (их элементов) в утвержденные схемы территориального планирования субъектов Российской Федерации, схемы территориального планирования и генеральные планы муниципальных образований с определением планируемых границ агломераций и перечнем территориальных образований, предполагаемых к включению в их состав;
- определение системы управления агломерациями с учетом разграничения полномочий между органами разных уровней;
- оценка потребностей в финансовом обеспечении предлагаемых мероприятий за счет средств федерального бюджета, консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации, муниципальных бюджетов и внебюджетных источников.

Ставя вопрос о государственной поддержке городских агломераций, на государственном уровне необходимо идентифицировать и официально признать конкретные места локализации перспективных городских агломераций как объектов государственного участия в их развитии. При этом важно подчеркнуть, что следует ставить вопрос не только о развитии определенного числа конкретных агломераций на территории России, но и о поддержке агломерационных процессов во всем многообразии его проявлений.

В России, начиная с середины 2000-х годов, активизировалась работа по подготовке проектов пространственного развития существующих агломераций, а также проектирования новых [6]. В настоящее время можно вести речь о приоритетных агломерационных проектах, зафиксированных в стратегиях социально-экономического развития федеральных округов. Сегодня такие стратегии утверждены для всех федеральных округов Российской Федерации.

Перспективная локализация агломераций в федеральных округах, которые могут стать объектами государственной поддержки и государственного управления, выглядит следующим образом [7]:

- *Дальневосточный федеральный округ* — крупнейшие перспективные агломерации — Владивостокская, Хабаровская и Иркутская;
- *Сибирский федеральный округ* — ядра перспективных городских агломераций — Иркутск, Красноярск и Новосибирск;
- *Уральский федеральный округ* — агломерации Екатеринбург, Челябинск, Тюмени;
- *Приволжский федеральный округ* — Казанская, Нижегородская, Самарско-Тольяттинская, Пермская, Саратовская, Уфимская агломерации;
- *Южный федеральный округ* — перспективные агломерации — Ростовская, Волгоградская, Краснодарская, Восточно-Донбасская, Сочинская;
- *Центральный федеральный округ* — Московская агломерация как столичный регион и мегалополис мирового значения;
- *Северо-Западный федеральный округ* — агломерация Санкт-Петербурга и перспективная агломерация «Вологда—Череповец».

Множественность, масштаб и разнообразие проблем настоятельно требуют их решения на основе комплексной проработки и системного подхода. После нескольких лет дискуссий в 2013 г. в этом направлении был сделан многообещающий шаг — появился проект правительственного документа, который

ознаменовал переход от обсуждения проблем к их практическому решению. Для упорядочения государственных действий в построении системы управления развитием городских агломераций Минрегион России разработал «дорожную карту» (план действий) — «Развитие агломераций в Российской Федерации» [8]. На этот документ возлагались большие надежды как на катализатор процесса упорядочения и ускорения развития городских агломераций в качестве базового условия развития постиндустриальной экономики в России в среднесрочной перспективе (на 6 лет). С этой целью «дорожная карта» была призвана обеспечить инициацию и консолидацию мер организационного, нормативно-правового и институционального характера, которые должны были бы привести к снятию ограничений и сглаживанию диспропорций в развитии существующих городских агломераций в России, городских сообществ и местного самоуправления.

Предполагалось, что «дорожная карта» как тщательно продуманный комплексный плановый документ должен будет обеспечить:

- координацию деятельности федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и институтов развития по организационному и нормативно-правовому обеспечению ускорения развития агломераций в Российской Федерации;
- формирование согласованного по тематическим направлениям и срокам реализации комплекса организационных, нормативно-правовых и институциональных мероприятий по развитию городских агломераций в Российской Федерации.

Важным начальным шагом должна стать легитимизация агломераций как *особых объектов управления*, в том числе путем введения и правового закрепления понятий «агломерация» и «городская агломерация», определение места и роли таких объектов в системах государственного стратегического и территориального

планирования. Надо заметить, что с решением базисного вопроса об управлении городскими агломерациями — о признании их в качестве полноправного объекта управления сложилась парадоксальная ситуация. Дело в том, что к настоящему времени уже в десятках правительственных документов различного рода (стратегиях, программах, проектах, поручениях) привычно фигурирует термин «городская агломерация», хотя в законодательстве до сих пор не определено ни само понятие этого феномена, ни его статус как объекта государственного интереса и регулирования.

При этом «дорожной картой» не предусматривалось никакой унификации подходов к формированию городских агломераций, и даже напротив, подчеркивалась необходимость корректировки нормативных правовых актов в части создания возможностей образования городских агломераций *по разным схемам*. Особо подчеркивалась потребность создания условий для реального участия жителей в процессах управления городскими агломерациями.

Признание стратегической важности и введение правосубъектности городских агломераций должно сопровождаться разработкой концепции развития агломераций в России как составной части Стратегии пространственного развития Российской Федерации.

Результативность реализации «дорожной карты» предлагалось оценивать по трем главным целевым показателям, в качестве которых были избраны:

- улучшение мест городов России в рейтинге компании Mercer по показателям качества городской среды (качества жизни населения);
- вхождение 2–3 российских городов в число мировых (глобальных) городов по параметрам/показателям ежегодного исследования компании PricewaterhouseCoopers «Города возможностей»;
- улучшение позиции России в рейтинге DoingBusiness.

Для реализации намеченных целей и достижения показателей результативно-

сти плана действий по развитию городских агломераций в России «дорожной картой» предусматриваются мероприятия по четырем основным направлениям: методическое обеспечение развития агломераций; нормативно-правовое обеспечение развития агломераций; формирование механизмов государственного регулирования развития агломераций; регулирование особенностей осуществления градостроительной деятельности.

Все мероприятия планировалось осуществлять, начиная с 2014 г. Главным министерством выступал тогда Минрегион России. Но в 2014 г. оно было упразднено и бразды правления перешли к Минэкономразвития России. Скорректированы были и временные рамки планов — сроки выполнения «дорожной карты» были сдвинуты на 2015–2019 гг.

Учитывая, что проблемы развития городских агломераций носят *межведомственный* характер, приказом Минрегиона России от 30 сентября 2013 г. № 415 в целях реализации государственной политики развития городских агломераций и разработки механизмов управления такими городскими агломерациями была образован специальный *совещательный орган* — Межведомственная рабочая группа по социально-экономическому развитию городских агломераций.

Управление городскими агломерациями на местном уровне

Когда говорят о потребности введения понятия городской агломерации как самостоятельного объекта управления, связывают ее с необходимостью создания специальных нормативных правовых предпосылок и условий для решения специфических задач, возникающих в ходе агломерирования урбанистического пространства и которые выходят за рамки компетенций, закрепленных за органами местного самоуправления в отношении разных типов муниципальных образований. Такие нормативные установления требуются, в частности, для планирования и расходования бюджетных средств, градостроительного проектирования, планирования землепользования и других задач в масштабах объединен-

ного — выходящего за пределы муниципальных образований — пространства. Однако с юридической точки зрения обозначение территории города и прилегающей зоны как городской агломерации не обязательно должно быть связано с наделением агломерационного объединения самостоятельной правосубъектностью. Агломерации могут охватывать территорию нескольких публично-правовых субъектов и не обладать собственной правосубъектностью. В одних странах, как, например, в Германии категория городской агломерации в планах территориального развития федеральных земель не представлена. В других же государствах она получила отражение в документах территориального планирования. В частности, так поступили в Швейцарии в рамках согласованной в 2012 г. между тремя уровнями государственной власти «концепции пространственного развития Швейцарии» [6].

В российской экономической и управленческой литературе предлагаются различные классификации схем (моделей) управления в городских агломерациях или городах-мегаполисах. Общее свойство этих вариантов заключается в том, что их авторы мало учитывают отмеченную выше *многосубъектность* в управлении городскими агломерациями и ограничиваются, как правило, рассмотрением городских агломераций только лишь как объектов муниципального уровня управления.

По мнению известного специалиста А. Лолы [9], практикуемые в мире подходы к организации управления городскими агломерациями в зависимости от степени их развитости могут быть сведены к *трем принципиальным вариантам*:

- координационное (ассоциативное) управление городскими агломерациями, при котором органы власти поселений решают общие проблемы функционирования агломерации в рамках созданной ими ассоциации;
- промежуточное управление городскими агломерациями, при котором государством законодательно закреплены приоритеты в решении общих

вопросов функционирования городской агломерации, а также механизм управления агломерацией за главным поселением;

- управление городскими агломерациями на основе единства органов распорядительной власти и органов управления городской агломерацией.

Известность также получила типология вариантов организации управления городскими агломерациями, предложенная В. Глазычевым и И. Стародубовской [10]. В их представлении все принципиальное многообразие организационно-управленческих вариантов может быть сведено к *шести основным (типовым) схемам (моделям)*.

1. *Унитарная* схема организации, при которой агломерация выступает *единым муниципальным образованием*, включающим в свои границы всю территорию агломерации (города-мегаполиса) и сформированным за счет административного объединения города-ядра с близлежащими поселениями или включения в его городскую черту прилегающей территории района (частично или полностью). Управляется такая агломерация-муниципалитет централизованно; входящие в такую конструкцию населенные пункты не обладают собственной правосубъектностью, а являются внутренними несамостоятельными административными единицами единого муниципального образования-агломерации. Использование этой схемы организации управления влечет за собой неизбежное отдаление органов власти от населения, и преодоление возникающих при этом негативных последствий такой централизованной схемы требует задействования специальных мер по децентрализации власти. Например, организации сети локальных консультационных и иных дополнительных «офисов» с минимальным штатом служащих, предоставляющих определенный набор услуг, консультирующих местных жителей или отвечающих на их вопросы.

Такая схема организации управления использовалась, например, в Лос-Анджелесе (1909–1914 гг.), Торонто (1996–1998 гг.), Виннипеге (1972 г.), Эдмонтоне

(1947–1980 гг.), в Шанхайской городской агломерации.

2. *Договорная* схема организации, при которой попадающие в зону агломерирования городские поселения сохраняют статус самостоятельных муниципальных образований, использующих для решения общих проблем городской агломерации различные формы договорного *межмуниципального сотрудничества*. Предметами такого сотрудничества могут выступать согласование стратегий развития, реализация общих инфраструктурных проектов и совместное оказание услуг. Этот организационно-управленческий вариант, в отличие от первой схемы, не создает самостоятельной правосубъектности агломерации как единого целого и не позволяет ей выступать в качестве самостоятельного субъекта правоотношений. По сравнению с первым вариантом такая схема представляет собой более децентрализованный способ организации управления агломерацией.

В качестве примеров подобной модели управления можно назвать такие мегаполисы, как Нью-Йорк, Большой Чикаго, Буэнос-Айрес.

3. *Двухуровневая* схема организации, при которой городской агломерации придается статус нового муниципального образования, но при сохранении правосубъектности и образовавших ее муниципалитетов. Таким образом, муниципалитеты образуют первый, а агломерация — второй уровень муниципального управления городской агломерацией. Как видно, получающаяся в этом варианте конструкция сочетает характерные черты обоих рассмотренных выше вариантов. В этом случае, очевидно, потребуется разграничение полномочий между двумя уровнями муниципальных образований: часть муниципальных услуг могут продолжать оказывать муниципальные образования «нижнего» уровня, а часть функций может быть передана на «верхний» уровень муниципального образования-агломерации. Такое разграничение полномочий может быть проведено либо договорным образом, либо административно-директивным решением.

Описанная принципиальная двухуровневая схема на практике может быть реализована с известными модификациями. Так, к примеру, возможен вариант, при котором в городе-ядре агломерации собственного исполнительно-распорядительного органа не создается, а функции управления «столицей» агломерации возлагаются на органы управления всей агломерации (такая модель «два совета — одна администрация» используется, например, в Страсбурге). Допустим также вариант, при котором в противоположность «страсбургской модели» исполнительно-распорядительные функции управления агломерацией возлагаются не на структуры агломерации, а на органы ее центрального города (ядра).

4. *Схема совместной организации управления*, при которой орган управления агломерацией функционирует как единая для города-ядра и группирующихся вокруг него поселений администрация, призванная действовать в совместных интересах всех входящих в агломерацию муниципалитетов. Формирование такой единой администрации происходит на принципах представительства путем делегирования в нее представителей муниципалитетов. За счет отчислений этих же муниципалитетов должна финансироваться и деятельность созданной ими общей администрации. Данный вариант очень напоминает разновидность двухуровневой схемы.

В качестве примеров агломераций, использующих такую схему организации управления, в литературе упоминаются агломерации Большой Стокгольм и Большой Монреаль. Так, в состав городского совета Монреаля, помимо избранных населением городских советников и мэра Монреаля, входят также мэры 19 городских округов (районов).

5. *Схема региональной организации управления*, при которой руководство зоной городской агломерации осуществляется либо органами государственной власти субъекта Российской Федерации, либо специально создаваемым региональными же властями органом управления, обеспечивающим координацию деятельности всех заинтересованных субъектов,

прежде всего муниципальных образований, входящих в зону агломерации. В данном организационно-правовом варианте агломерация не имеет собственной правосубъектности и весь спектр общеагломерационных функций выполняется региональными органами государственной власти. Этот вариант может быть реализован в том случае, когда городская агломерация имеет доминирующее положение в регионе (например, занимает значительную часть его территории, охватывает основную часть населения региона). В качестве примера такой схемы может служить система управления агломерацией Большого Мельбурна в штате Виктория (Австралия). Большой Мельбурн (Melbourne metropolitan area) представляет собой объединение 31 муниципального округа, включая собственно Мельбурн-сити (City of Melbourne), 26 других городских муниципальных округов и 4 пригородных. В Большом Мельбурне проживает 4347,9 тыс. человек, в то время как население штата Виктория составляет 5768,6 тыс. Большой Мельбурн, однако, не является организационно оформленным единым административно-территориальным образованием, у агломерации Большой Мельбурн отсутствует собственная правосубъектность и не созданы собственные органы управления. Большой Мельбурн существует лишь как объект управления и планирования со стороны властей штата²⁾. Таким образом, мегаполис Большой Мельбурн представляет собой пример «региональной агломерации», управление которой осуществляется главным образом региональными властями, при том что регион включает, помимо агломерации, и другие территории³⁾.

²⁾ Так, стратегия развития Мельбурна до 2030 г., план территориального развития агломерации приняты и реализуются Департаментом планирования и общественного развития штата.

³⁾ Подробнее об этом см. [11].

6. Схема смешанной государственной-муниципальной организации управления агломерацией, которая применяется в городах-субъектах Федерации, на территории которых действуют муниципальные образования либо которые сами одновременно являются и государственными, и муниципальными образованиями. Примерами использования такой схемы являются города — федеральные земли Германии (Берлин, Гамбург и Бремен) и с определенными оговорками города федерального значения Российской Федерации (Москва и Санкт-Петербург). Причем примеры Гамбурга и Берлина демонстрируют также наличие в их городском управлении отдельных признаков унитарной (централизованной) модели⁴⁾.

Представленная шкала типовых схем вбирает в себя довольно полный набор практически возможных моделей организации управления агломерациями, из которых можно выбирать организационно-правовые варианты, подходящие для конкретных случаев. Однако такой выбор вовсе не является автоматическим; ему должны предшествовать детальный анализ конкретных ситуаций и оценка сильных и слабых сторон предполагаемых вариантов, их преимуществ и недостатков, последствий осуществления. По большому счету в России стоит принципиальный выбор между двумя вариантами:

- а) *жесткого объединения*, предусматривающего административное соединение муниципалитетов в рамках передаваемой собственной правосубъектностью агломерации и включение ее в общегосударственную «вертикаль власти», и
- б) *мягкой интеграции*, сохраняющей самостоятельность агломерирующихся муниципальных образований и опирающейся на организацию *договорного* сотрудничества между ними.

⁴⁾ Анализ особенностей организации управления в городах-субъектах Федерации Германии и России подробнее см. [11, 12].

Список лит-ры. Просьба дать более подобную информацию по пунктам 2 и 4.

Литература

1. Козьмин А. Иркутская агломерация: причины неудачи // Эксперт: Сибирь. 2010. 20 дек. № 49.
2. www.krsk2020.ru
3. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г., утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р // СЗ Российской Федерации. 2008. № 47. Ст. 5489.
4. <http://www.economy.gov.ru>
5. Проблемы развития агломераций России / Под ред. В. Я. Любвонного. М.: КРАСАНД/URSS, 2009. С. 10–11.
6. Гриценко Е. В. Городские агломерации: в поисках оптимальной модели территориальной организации (сравнительно-правовой анализ). <http://отрасли-права.пф/article/1430/>
7. Развитие городских агломераций: аналитический обзор. Вып. 2. М.: Гипрогор, 2013.
8. Развитие агломераций в Российской Федерации // Минрегионразвития РФ. <http://www.minregion.ru/1176/1180?locale=ru>
9. Лола А. Принципы управления крупнейшим городом // Регионы: управление и развитие. 1997. № 2.
10. Глазычев В., Стародубровская И. Челябинская агломерация: потенциал развития. Челябинск, 2008. С. 34–40, 46–58.
11. Гриценко Е. В. Теоретико-правовые основы организации публичной власти в городских агломерациях (сравнительно-правовой анализ) // Местное самоуправление и развитие территории: российский и европейский опыт. Серия «Современный муниципалитет» / Под ред. Е. В. Гриценко, Э. Маркварта, В. П. Мохова. Пермь—СПб., 2014. С. 397–403.
12. Гриценко Е. В. Организация публичной власти в городах федерального значения: в поиске оптимальной модели // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 15. С. 28–35.

References

1. Kozmin A. Irkutsk agglomeration: reasons for failure // Expert Siberia. 2010. 20 Dec. № 49. (in Russian)
2. www.krsk2020.ru
3. Konceptsiya dolgosrochnogo social'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossiiskoi Federacii na period do 2020 g., utv. rasporyajeniem Pravitel'stva Rossiiskoi Federacii ot 17 noyabrya 2008 g. № 1662-r // SZ Rossiiskoi Federacii. 2008. № 47. Art. 5489. (in Russian)
4. <http://www.economy.gov.ru>
5. Problems of development of agglomerations in Russia / Ed. by V. Ya. Lyubovnyi. M.: KRASAND, 2009. P. 10–11. (in Russian)
6. Gritsenko E. V. Urban agglomerations: in search of the optimal model of territorial organization (comparative legal analysis). http://отрасли-права.пф/article/1430 (in Russian)
7. Razvitie gorodskih aglomeracii: analiticheskii obzor. Vyp. 2. M.: Giprogor, 2013. (in Russian)
8. Razvitie aglomeracii v Rossiiskoi Federacii // Ministry of Regional Development of Russia. <http://www.minregion.ru/1176/1180?locale=ru> (in Russian)
9. Lola A. Principy upravleniya krupneishim gorodom // Regiony: upravlenie i razvitie. 1997. № 2. (in Russian)
10. Glazychev V. Starodubrovskaya I. The Chelyabinsk agglomeration: the development potential. Chelyabinsk, 2008. P. 34–40, 46–58. (in Russian)
11. Gritsenko E. V. Teoretiko-pravovye osnovy organizacii publichnoi vlasti v gorodskih aglomeraciyah (sravnitel'no-pravovoi analiz) // Mestnoe samoupravlenie i razvitie territorii: rossiiskii i evropeiskii opyt. Seriya "Sovremennyi municipalitet" / Ed. by E. V. Gritsenko, E. Markwart, V. P. Mokhov. Perm—SPb., 2014. P. 397–403. (in Russian)
12. Gritsenko E. V. Organizaciya publichnoi vlasti v gorodah federal'nogo znacheniya: v poiske optimal'noi modeli // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2007. № 15. P. 28–35. (in Russian)

Государственное регулирование экономики: современные реалии и направления совершенствования

Об авторе

Михаил Буров

доктор экономических наук, профессор

*Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации
125993, Москва, Ленинградский пр-т, 51-1
mpburov@fa.ru*

Ключевые слова

государственное регулирование, экономика, уровни управления, концепция, новая национальная модель

Основные тезисы

- В основе новой национальной модели развития экономики страны и путей формирования новой экономической системы Российской Федерации должна лежать Концепция государственного регулирования социально-экономического развития России.
- Важнейшая особенность Концепции — ее ориентация на расширение применения экономических методов регулирования взаимодействий между различными уровнями управления, расширение сфер и механизмов формирования и регулирования прямых и обратных связей в процессе взаимодействия федеральных, региональных и местных структур между собой и с населением, проживающим на данной территории.
- Необходимы разработка и внедрение более совершенных механизмов управления инновациями и инвестиционной деятельностью, в том числе не только за счет совершенствования механизмов и методов использования профицита, но также и путем модернизации использования дефицитных методов в управлении инновациями и нововведениями в стране и регионах.

Задачи совершенствования государственного регулирования экономики и в целом государственного управления социально-экономическим развитием страны, к сожалению, формируются и рассматриваются отдельно применительно к феде-

ральному, региональному или же местному уровням функционирования с разных теоретических и практических позиций.

Так, на *федеральном* уровне управление национальной экономикой в основном рассматривается как элемент обес-

печения устойчивого развития и повышения конкурентоспособности отдельных ее отраслей и производств. Парадигма развития человечества в XXI веке базируется на теории устойчивого развития. Однако на практике в основе устойчивого развития и экономического роста почти не проявляется сбалансированность компонентов, охватывающих природу и общество, экономические и социальные аспекты, глобальные и региональные проблемы. Каждые из них имеют свои различные содержания, проблемы исследования и управления. Экономический рост по своей природе не дает выгоду всем в равной степени. Не случайно в Китае, да и в России, за последние десятилетия вырос уровень неравенства только благодаря экономическому росту. Да и прогресс создает огромное неравенство не только между людьми, но и странами.

В настоящее время экономическая динамика в России базируется на нерациональной эксплуатации и потреблении природных ресурсов, на загрязнении окружающей среды, что приводит к деградации биосферы и ограничению экономического потенциала.

Сегодняшний экономический кризис является негативным результатом традиционной экономической политики и обусловлен весьма узким и корыстным пониманием значения максимизации прибыли. По этой причине капитал, прибыль выступают в экономической деятельности как всеобщий характер по отношению к экологии и интересам будущих поколений и биосферным угрозам их жизни. Одним словом, эти ценности выступают как императивы нашего времени и проявляются более приоритетно, нежели экологическая безопасность людей и нашей планеты.

Что касается теории конкуренции и свободной торговли, то она нуждается в доработке с учетом ограниченности ресурсов, протекционизма и лоббизма в XXI веке. Ограничения проявляют себя везде и всюду: ограничения, обусловленные материальными ресурсами; ограничения, обусловленные спросом и предложением; ограничения, обусловленные сбытом товаров; ограничения бюджет-

ного характера; ограничения в росте государственных доходов и доходов населения и т. д. Эти ограничения не связаны с ростом экономики и перешагнули допустимые пределы. Поэтому рыночный механизм недостаточно связан с соответствующими макроэкономическими параметрами, системами экономической ответственности и экономическими интересами.

Пути совершенствования *территориального* управления обосновываются преимущественно с теоретических позиций развития и размещения производительных сил по территории страны, организации совершенствования территориальных систем расселения, унифицированных принципов управления системой межбюджетных отношений и др. Между тем в последние годы из официальных документов и научных публикаций исчезли такие научные понятия, как «производительные силы общества», «территориальное разделение общественного труда», «размещение производительных сил». Не найти чего-либо, связанного с такими научными понятиями, ни у П. Самуэльсона, ни у Б. Селигмена, ни у М. Блауга, ни у В. Нордхауса, не говоря уже о Нобелевских лауреатах в области экономики последних десятилетий.

Вышеуказанные понятия легко заменены так называемыми новациями: «пространственная и региональная экономика», «пространственная организация экономики», а понятие «размещение производительных сил» заменено «пространственным распределением экономических ресурсов». Надо признать, что последнее не содержит главного — мобилизирующей силы, ориентированной на рост производства и производительности общественного труда, что особенно важно на современном этапе социально-экономического развития России.

Также в новой трактовке акцент делается на распределении экономических ресурсов. При всем этом подчеркнем, что в действительности за исключением природных ресурсов, которые человечество получило в дар свыше, все остальное создается умом и трудом людей, взаимодействующих с природой. Что касается

распределения, то распределять возможно только те ресурсы, которые созданы. Далее, строго говоря, природные ресурсы, в отношении которых под созданием материальных ценностей понимается, например, деятельность по обнаружению геологоразведчиками полезных ископаемых, а горнопромышленниками — минерального сырья, а также работы по установлению очередности освоения прогнозных природных ресурсов и регионов их размещения, конечно, подлежат распределению.

При этом в современной научной литературе дискутируются такие вопросы, как современная роль государства в решении задач плано-организуемого размещения производительных сил в интересах всего общества, соотнесение традиционных методов исследования и размещения производительных сил с новейшей практикой формирования кластеров, территорий опережающего развития, особых экономических зон и т. д. Также возникают вопросы относительно учета в составе производительных сил индустрии предоставления платных услуг, отечественных и иностранных частных инвестиций и соответствующих финансовых институтов.

Все это требует тщательных научно-методических и прикладных исследований для принятия соответствующих ответственных государственных решений, но в любом случае начинать необходимо с осмысления сути производительных сил и механизмов их размещения.

Вопросы совершенствования управления муниципальными образованиями в условиях отсутствия четкой методологической и правовой базы, неадекватности организационных структур управления, что, естественно, приводит к выбору неэффективных путей и ведет к недоиспользованию всех институционально-экономических возможностей территорий, решаются на основе остаточного принципа финансирования.

В этих условиях *природно-ресурсный фактор социально-экономического развития страны и ее территориальных образований, как правило, игнорируется на всех уровнях управления и рассматривается как самореализующийся механизм*

развития. Это не позволяет всесторонне учесть особенности социально-экономического развития отдельных субъектов федерации в национальном экономическом пространстве и не создает условий для обеспечения научно-технологического процесса в развитии отраслевых подсистем.

Понятие «саморегуляция» заимствовано из общей биологии и связано с биокбернетическими проблемами. Биологические и экономические системы коренным образом отличаются по характеру процессов входа и выхода информации и по их конечным результатам. Роль, значение и функции входа и выхода также различны в этих системах.

В системе рыночной экономики степень и сфера регулирования менее развита потому, что теория обратной связи, теория информации, теория систем и теория организации не нашли свое полное применение. Регулирование является условием стабилизации, сохранения самой системы, дает возможность преодолеть отклонения, нарушения и носит скорее тактический, гибкий характер, нежели стратегический.

Важность учета природно-ресурсного фактора в экономике еще в 1960–1970 гг. с научной точки зрения предвидел академик Т. С. Хачатуров [1]. Однако до настоящего времени оценка природно-ресурсного фактора не включена в экономический оборот на макроуровне. Такая практика существенно искажает оценку национального богатства страны, препятствует корректному анализу методологических положений, путей, направлений и механизмов государственного регулирования социально-экономического развития страны и ее регионов.

Выдающийся экономист, разработчик системы межотраслевых балансов В. В. Леонтьев в свои статистические таблицы межотраслевых потоков включал загрязнение окружающей среды [2]. Необходимость отражать природно-ресурсный фактор в национальных счетах признается в последнее время и на международном уровне. Статистическая комиссия ООН в 2012–2014 гг. разработала новые подходы по экологизации системы национальных

счетов, значительно расширяющие сферу экологического учета, в том числе важнейшие аспекты ресурсоэффективности [3]. В результате многие страны предполагают распространить существующие системы национальных счетов на потоки природных ресурсов.

В действующей системе государственного управления естественными монополиями также недостаточно учитываются особенности экономических отношений и, в первую очередь, земельно-имущественных.

Использование земли как *технологического ресурса* в производстве подразумевает рациональную эксплуатацию народнохозяйственных параметров земельного фонда, обеспечивающую соединение общественных и частных интересов в вопросе достижения эффективности функционирования хозяйственной системы, ориентированной на использование земельных ресурсов для воспроизводства проживающего здесь населения.

Использование земли как *товара* подразумевает, что земля, приобретая рыночную стоимость, становится движущей силой экономики и универсальным производственным фактором, основополагающим объектом развития системы общественно-хозяйственных и воспроизводственно-демографических отношений в стране.

Эти и другие особенности экономических отношений порождают различные виды земельной ренты, которая изымается через систему платности землепользования, что позволяет перевести землю в сферы воспроизводства, социальных и рыночных ориентиров. Все это обуславливает необходимость создания уникальной системы государственного управления земельными ресурсами с имеющимися и вновь создаваемыми на данной территории активами.

Государственное регулирование — это не просто экономическая или организационно-управленческая, но и социальная проблема. Государственное регулирование как составляющая государственного управления в широком смысле слова включает прогнозирование, планирование, финансирование, бюджетирование,

налогообложение, кредитование, администрирование, учет, контроль.

Регулирование является многогранной и многоаспектной сложной проблемой экономики, которая воплощает в себе детерминированные стороны не только экономических систем, но и административно-государственных, правовых, социальных, психологических, политологических и др. Здесь отсутствует однозначность при подходе к той или иной стороне проблемы. И этому служит много причин. Главная из них заключается в различии экономических теорий, подходов, моделей, а также различии интересов и уровней логических суждений. Заинтересованность в регулировании во многом обусловлена определенными интересами. А интересы, в свою очередь, в современных условиях имеют и свои субинституциональные особенности иерархичности, обусловлены интересами населения. Они бывают идентифицированными и неидентифицированными, а также импликационными.

В последние годы ряд российских исследователей регулирование экономических процессов оценивает чуть ли не как тотальный контроль над ними. Если регулирование способствует определенному порядку в экономике, то это нельзя назвать тотальным регулированием. Кроме того, регулирование способствует координации отдельных экономических процессов, краткосрочных и долгосрочных задач экономического развития. Этим целям способствует наука об экономическом регулировании.

Наука об экономическом регулировании требует системного преобразования экономических процессов не в условиях разрушения национальной экономики, потери рынка товаров, как это случилось в постсоветских странах, а в условиях стабильности.

Под государственным регулированием мы понимаем систему взаимосвязанных методов и экономических рычагов, воздействующих на все сферы социально-экономической жизни страны, в том числе и на производство, распределение, обмен и потребление произведенной продукции. Управленческое воздействие

составляет лишь одну сторону механизма регулирования. Главное его содержание определяется целевым предназначением системы, целевыми функциями каждого элемента и его взаимодействиями с другими элементами системы государственного регулирования.

Сложившиеся к настоящему времени в стране система и механизмы государственного регулирования и государственного управления экономикой, ее корпоративными, отраслевыми, региональными и муниципальными звеньями во многом несут в себе черты и принципы централизованного управления, следование которым в процессе коллективизации страны, в результате которой был уничтожен традиционный сельский уклад и подорвано сельское хозяйство, укрупнения производственно-территориальных объектов (землепользований, угодий, севооборотов), интенсификации сельского хозяйства привело к недооценке на последующих этапах ее исторического развития роли и значения природно-ресурсного фактора в обеспечении устойчивости развития экономики и повышения жизненного уровня населения. В результате у нас отсутствует эффективная земельная и аграрная политика на национальном и региональных уровнях.

Российское село стремительно деградирует, огромное число сел и деревень исчезают, хотя имеются такие регионы, как Краснодарский край, Северный Кавказ, Татарстан, где село ежегодно прирастает численностью населения. Демографические проблемы, стремительное сокращение сельских поселений и снижение количества сельских жителей в стране до 27 % тянут за собой проблемы неосвоения огромных площадей плодородных земель. В результате социально-экономических потрясений за последние десятилетия Россия теряет свой земельно-ресурсный потенциал, а посевные площади за 1990–2005 гг. сократилась на 42 млн га, а с 1980 по 2016 гг. — более чем на 46 млн га [4].

В то же время с учетом ежегодного прироста населения Земли на 80–90 млн человек постоянно растет конкуренция за доступ к плодородной почве и чистой

воде. За последние 15 лет население мира увеличилось на 18 %, а площадь обрабатываемых земель на 1 человека уменьшилась на 44 %. Затраты на введение в оборот 1 га продуктивных земель сегодня составляют в пределах до 100 тыс. долл. США.

В настоящее время стратегические решения о развитии национального хозяйства на всех уровнях, как правило, принимаются без учета оценок масштаба, структуры, эффективности использования продовольственного потенциала. Такие оценки отсутствуют по причине несоответствия действующей системы статистического наблюдения и учета требований рынка и международных стандартов и из-за недостаточной разработанности теории и методологии управления развитием страны и ее регионов, особенно в условиях последнего мирового финансового кризиса и его афтершоков [5]. Методология определения самодостаточности или дефицитности территории, земельного пространства, сельскохозяйственных угодий для создания комфортных условий проживания населения и обеспечения продовольственной безопасности страны пока еще в экономической науке недостаточно разработана.

Ученые-экономисты, включая А. Смита, К. Маркса, Д. Кейнса, понимали, что первопричина многих экономических проблем кроется в бесконтрольном земельном рынке, а также в способе присвоения дохода от земли между людьми, где основная составляющая — земельная рента. Ясно, что в нашей стране еще не создан цивилизованный земельный рынок, так как сфера земельного оборота сильно коррумпирована, ее информационная открытость крайне недостаточна, а вседозволенность и беспредел чиновничьего аппарата настолько велики, что существующий земельный рынок вызывает у россиян только неприятие и неудовлетворенность его функционированием.

Современные теоретические воззрения на землепользование обосновывают необходимость учета в процессе управления ряда новых тенденций и особенностей. В частности, отмечается, что во многих регионах планеты ее ресурсы исчерпаны и дальнейшее увеличение доли

агросферы в общественном производстве невозможно. Подсчитано, что за последние 40–45 лет глобальная продуктивность зерновых возросла примерно в 2,3 раза, но для этого потребовалось увеличить внесение азотных удобрений в 10 раз, фосфорных удобрений — в 7,5 раз, а расход воды — в 2 раза [6].

Россия имеет огромный потенциал продуктивных сельскохозяйственных земель и, по данным Почвенного института им. В. В. Докучаева РАН, ВНИИ агрохимии и Государственного центра агрохимической службы [7], занимает 4-е место в мире по их запасам (124 млн га пашни) после США — 176 млн га, Индии — 162 млн га и Китая — 143 млн га и 4-е место в мире по наличию пахотных земель на 1 жителя (0,86 га) после Австралии — 2,47 га, Канады — 1,46 га и Аргентины — 0,89 га. По этим же данным, возможности России по биоклиматическому потенциалу земледельской территории значительно (примерно в 3 раза) ниже возможностей стран Западной Европы и США. Площадь пахотных земель, сопоставимых по качеству, в расчете на одного жителя в России составляет 0,31 га и немного превышает среднюю фактическую площадь пашни, приходящуюся на 1 жителя в мире, равную 0,22 га, и соответствует площади пашни, приходящейся на 1 жителя Франции (0,31 га). Однако затраты на получение сельскохозяйственной продукции, производимой с 1 га, во Франции и в России составляют гораздо большую величину.

В Указе Президента РФ «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» от 31.12.2015 г. определено, что стратегическим национальным приоритетом является рациональное природопользование, повышение качества жизни граждан гарантируется за счет... повышения плодородия почв, предотвращения их истощения и сокращения площадей сельскохозяйственных земель и пахотных угодий.

Земля является главным национальным достоянием нашей страны, которое, к сожалению, пока еще не рассматривается в качестве одного из важнейших ресур-

соформирующих активов системы государственного регулирования экономики.

При обосновании доктрины государственного управления социально-экономическим развитием страны следует опираться на теоретические основы и тенденции формирования структуры землепользования и землеустройства. В результате исследований в настоящее время сформулированы принципы рационального землепользования, основывающиеся на оценке роли геологических процессов в формировании облика и структуры Земли, единстве и взаимосвязи внутреннего и внешнего кругооборота веществ в природе, целостности и обусловленности географических, геологических, биологических и других процессов землепользования, необходимости рационального отношения к природе. Президент РФ В. В. Путин одобрил 22 апреля 2016 г. предложение премьер-министра РФ Д. А. Медведева о реформе государственного управления и создании специальной комиссии, которая займется подготовкой программ социально-экономического развития и координации стратегических параметров социально-экономического развития России, оптимизацией системы министерств и подведомственных учреждений, развитием информационных технологий, определением ключевых показателей эффективности и т. д. [8]

По нашему убеждению, разработка стратегий и управленческих решений социально-экономического развития страны на долгосрочную перспективу должны быть ориентированы не только на повышение эффективности земельной политики на федеральном уровне, но также и на уровне субъектов федерации и муниципальных образований, непосредственно осуществляющих управленческую деятельность по организации рационального использования, перераспределения и охраны земель.

В основе новой национальной модели развития экономики страны и путей формирования новой экономической системы Российской Федерации должна лежать Концепция государственного регулирования социально-экономическо-

Из предложения неясно, где эти затраты больше — в России или во Франции. Просьба скорректировать

Если это цитата, то просьба обозначить ее границы

го развития России (далее — Концепция), построенная на принципах и механизмах, обеспечивающих гармонизацию и сбалансированность взаимоотношений федеральных, региональных, местных органов власти и населения в обеспечении комплексного развития территориальных систем жизнеобеспечения, удовлетворения потребностей и повышения уровня жизни населения. Она должна представлять собой систему взаимосогласованных всеми ветвями власти и социальными группами населения взглядов на общие для них цели, приоритеты, пути, мероприятия, средства, механизмы и этапы их практической реализации в процессе социально-экономических преобразований страны и ее регионов в условиях глобализации мирового хозяйства и ориентации на интеграцию в структуру мировой экономики.

На сегодняшний день основы регионального развития определяются «Основными положениями региональной политики в Российской Федерации», утвержденными Указом Президента Российской Федерации от 3 июня 1996 г. № 803 и Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 года № 1662-р. Эти документы явно устарели и не соответствуют требованиям времени.

Обозначенные цели государственной программы до 2020 года не достигают по ряду основных продуктов питания уровня 1990-х годов. Существующая аграрная политика не позволяет отечественным сельскохозяйственным производителям конкурировать на равных ни на внутреннем, ни на внешнем рынках. Основной угрозой продовольственной безопасности является подконтрольность крупнейших производств владельцам, которые зарегистрированы за рубежом, чрезмерная концентрация сельскохозяйственного производства и вымывание малых форм хозяйствования.

Нужен комплексный план действий на перспективу, направленный на выравнивание условий конкуренции оте-

чественных и зарубежных производителей, уменьшение общей налоговой нагрузки, снижение социально-экономических диспропорций, стоимости кредитов и энергоресурсов, развитие экспорта, стимулирование регионального развития, межрегиональных и межмуниципальных взаимодействий, обеспечение продовольственной безопасности и хозяйственного единства территории страны.

Исходя из вышеизложенного, необходимо ускорить разработку и принятие основ государственной политики регионального развития Российской Федерации хотя бы на период до 2030 года.

Известно, что необходимость разработки этих документов объективно обусловлена сложившимися недостатками, противоречиями между органами управления разных уровней в формировании и выборе путей и направлений использования имеющихся (в стране и регионах) и привлекаемых ресурсов и распределении полученных результатов.

Попытки Правительства России повлиять на структуру государственного долга регионов, включая нормативное регулирование, не приносят существенных результатов. Государственный долг регионов продолжал расти и на 1 марта 2016 г. составил 2,4 трлн руб., при общем объеме годовых расходов регионов на уровне 10 трлн руб. [9] Однако на 1 декабря 2016 года государственный долг российских регионов снизился по сравнению с началом года на 110,2 млрд руб., или на 4,8 %. Политика по замене коммерческих кредитов бюджетными под символический 1 % дала незначительный положительный результат. На эти цели было выделено в 2016 году 340 млрд руб. При этом рост объемов долговых обязательств отмечается в 34 регионах [10]. Как видно, практика использования бюджетных кредитов как источников покрытия текущего дефицита и замещения коммерческих кредитов не устраняет возникающего дисбаланса объемов фактических доходов и принятых бюджетных обязательств и не обеспечивает стабилизации ситуации.

Реализация приоритетов социально-экономического развития страны, наме-

ченных в Посланиях Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации и других программных выступлениях главы государства, возможна только в условиях целенаправленных скоординированных действий органов власти всех уровней. Это подразумевает более широкое использование механизмов государственной региональной политики, стратегического планирования и пространственного развития. Сегодня создан ряд механизмов рационального размещения производительных сил (создание особых экономических зон, формирование территорий опережающего развития). Однако принимаемые меры зачастую являются несистемными и фрагментарными, а их реализация во многих аспектах носит формальный характер. В результате прочность экономического пространства страны снижается, а связи между регионами ослабевают. При этом обращает на себя внимание практическое отсутствие межрегиональных стратегий и разрыв между уровнями государственного управления территориями [11].

Федеральный закон от 28 июня 2014 года № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» не работает, имеются риски очередного несвоевременного создания его правовой базы, что является причиной замедления социально-экономического развития страны в непростых кризисных современных условиях.

В настоящее время территориальное управление в стране выполняет в основном директивную функцию наполнения федерального бюджета, не имея при этом научно обоснованной стратегии своего развития и не располагая, по существу, необходимыми полномочиями для выполнения своих обязательств. Поэтому большое значение при обосновании стратегических направлений развития национальной и региональных экономик имеет исследование процессов и тенденций углубления общественного разделения труда, содержание которых способствует его интеллектуализации и формированию новых видов и форм организации управленческой деятельности.

К примеру, в российской практике выделяют следующие виды девелоппмента: земельных участков (ленд-девелопмент), жилой, офисный, торгово-развлекательный, рекреационный, складской, производственный, социальный и др. Но не все из этих видов получили распространение по разным причинам, в первую очередь, из-за недостаточной разработанности институциональных механизмов регулирования рынка земли и рентных отношений.

Система регионального управления в условиях глобализации должна создавать возможности более целенаправленного, эффективного и масштабного использования рентных факторов обеспечения устойчивого социально-экономического развития регионов страны. В частности, в настоящее время экономическая теория обосновывает необходимость разработки механизмов и принципов формирования и перераспределения: мировой природной ренты (при экспорте минерального, лесного, сельскохозяйственного сырья, создании транснациональных путей сообщения и коммуникаций, развитии туризма), экологической антиренты (в результате хищнического использования лучших природных ресурсов, сверхнормативного загрязнения окружающей среды, зеленых легких планеты, вод мирового океана); технологической ренты (при экспорте высокотехнологичных товаров и услуг); финансовой квазиренты (результат спекулятивных операций в мировых финансовых центрах); научно-образовательной ренты (теневое использование научно-исследовательского и образовательного потенциала) и т. п.

Важнейшей функцией территориального управления, которая пока остается вне сферы его действия, является изучение, учет, анализ и прогнозирование социально значимых общественных потребностей (экономики и населения) на конкретной территории, обоснование эффективных путей их наиболее полного удовлетворения на основе создания конкурентной среды, улучшения институциональных условий использования имеющихся и привлекаемых ресурсов, повышения доходов региональных бюджетов.

В связи с этим должны быть усилены прогнозно-индикативная, программно-целевая, сводно-координирующая, балансово-ресурсная, бюджетно-финансовая, контрольно-регулирующая и надзорная функции территориального управления в области социального развития, повышения уровня жизни и социальной защиты населения, жилищной обеспеченности, охраны природы и, в первую очередь, образования и здравоохранения.

Концепцию следует ориентировать на пропорциональное усиление вертикальной и горизонтальной составляющих функций и факторов территориального управления при выработке и реализации мер и мероприятий по удовлетворению потребностей национальной экономики и населения в общественных, частных благах и услугах.

Это усиление, по нашему мнению, должно достигаться на основе скоординированных действий по выработке и реализации управленческих решений, гарантирующих достижение равновесного состояния между потребностями и ресурсами, обеспечивающими эффективное функционирование государственного и частного секторов экономики на региональном и федеральном уровнях. Особое внимание в этой работе следует уделять мелкому и среднему бизнесу. В Европе более 60 % экономики формируется мелким и средним бизнесом, а в России — менее 20 %.

Также важно расширить полномочия региональных и муниципальных администраций и одновременно ограничить полномочия центральной власти по формированию финансовых ресурсов путем уточнения нынешних функций, их перераспределения, передав часть из них на уровень управления федеральными округами. Передача части полномочий по формированию финансовых отношений с центром, которые сейчас закреплены за субъектами федерации и федеральным правительством, а также полномочий по координации межбюджетных отношений субъектов федерации, входящих в состав соответствующего федерального округа, на уровень этого же округа позволит повысить действенность механизмов управления горизонтальными

связями, которые в настоящее время, как известно, недостаточно эффективны и не выполняют возлагаемых на них функций управления.

Наряду с этой мерой, по нашему мнению, необходимо модернизировать процесс разработки схем формирования бюджетов территориальных образований, принципов налогообложения затрат и результатов, формирования земельно-имущественных взаимоотношений и др. Необходимо эти принципы увязать со структурой и масштабами земельного и недвижимого имущества субъекта федерации, включив в его состав не только воспроизводимый капитал (основные и оборотные фонды), но также и природный и человеческий капитал.

В качестве одного из важнейших механизмов рационализации взаимоотношений между федеральными, региональными и муниципальными органами власти и населением, по нашему мнению, целесообразно предусмотреть создание *комплексной системы стратегического и интегрированного* (долгосрочного, среднесрочного и текущего) *управления* развитием национальной и региональных экономик, конструкция теоретической и методической базы которой должна синтезировать параметры, показатели и критерии взаимодействия верхних и нижних уровней и звеньев управления (включая самоуправление), реализуемых подсистемами: индикативного прогнозирования, программно-целевого национального, градостроительного и поселенческого проектирования (целевые комплексные программы, национальные и региональные проекты, генеральные схемы землеустройства территорий, проекты земельно-хозяйственного устройства территорий населенных пунктов, государственные и региональные программы использования сельскохозяйственных земель, сохранения и воспроизводства плодородия почв, генпланы городов, схемы развития агломераций, районные и муниципальные проектировки), стратегические планы и программы социально-экономического развития городов и муниципалитетов, схемы территориальной организации производства и населения.

В существующей практике технология государственного прогнозирования социально-экономического развития страны предполагает ограниченное участие субъектов РФ при подготовке сценарных условий на очередную перспективу. При этом территориальная структура экономики формируется пока еще, как правило, только субъектами федерации в их нынешних административно-территориальных границах, без анализа возможных альтернатив их комплексирования, интегрирования и агрегирования.

Кроме того, методология оценки влияния территориальных, институциональных, инновационных, интеллектуальных и структурно-организационных факторов на темпы экономического роста и социально-экономического развития страны в целом в настоящее время не разработана и не практикуется в действующей системе управления региональной экономикой. Поэтому *действующая технология разработки программы социально-экономического развития страны не способствует формированию целостной и взаимоувязанной стратегии социально-экономического развития регионов.*

Поскольку одной из главных целей формирования прогнозных стратегий и сценариев экономического роста на национальном и региональных уровнях являются обоснования доходов и расходов государственного и региональных бюджетов, то при таком положении дел не исключается возможность доведения финансовой системы государства до критического состояния, не способной удовлетворить потребности социально-экономического развития страны и ее регионов.

В отечественной системе управления на протяжении, по существу, всей истории ее развития, как правило, не уделялось достаточного внимания необходимости согласования локальных и интегральных критериев экономического роста. Эта необходимость только декларировалась теорией. Более того, локальные эффекты в условиях разобщенности и несбалансированности элементов общественного производства и национальных активов, зачастую ему противоречат. Поэтому для обеспечения условий повышения инте-

гральной «моши» страны крайне важно разработать и внедрить такую методологию формирования стратегии развития национальной экономики, которая базировалась бы на взаимоувязанных между собой региональных стратегиях, а последние, в свою очередь, должны формироваться на основе интегральной увязки стратегий социально-экономического развития городов, муниципальных и районных образований.

Необходимо при этом также иметь в виду, что в условиях федеративного государства в качестве объектов стратегического территориального управления должны рассматриваться и исследоваться не только субъекты федерации, но и другие территориальные, не регламентированные административно-территориальным делением страны, образования и объединения, сгруппированные по разным уровням и целевым ориентирам иерархической структуры управления.

Формирование таких интегрированных горизонтальных и вертикальных объединений возможно и необходимо вследствие наличия региональных систем жизнеобеспечения, образованных на основе сочетания разных принципов рассредоточения государственной власти и функций управления, закрепляемых за соответствующими правительственными организациями и региональными администрациями.

В связи с этим при разработке прогнозных гипотез и обоснований стратегий регионального развития необходимо решать задачу классификации и типологизации региональных систем с учетом их внутренних свойств, особенностей и тенденций функционирования, характера взаимодействия с другими системами, оценки устойчивости и эффективности позиционирования в общем экономическом пространстве страны. Кроме этого необходимо также учитывать, что жизнеспособность региональной системы определяется в большей степени объективными факторами ее функционирования, в то время как скорость формирования и развития — наличием качественной системы управления. При этом в составе факторов и условий развития региональных систем жизнеобеспечения эконо-

номическая теория выделяет природно-географические факторы, общность хозяйственной жизни, наличие транспортно-коммуникационной и банковской инфраструктур, культурно-духовный менталитет и социальную общность населения, производственно-технологический, научно-образовательный и интеллектуально-демографический потенциал.

Важнейшая особенность Концепции — ее ориентация на расширение применения экономических методов регулирования взаимодействий между различными уровнями управления, расширение сфер и механизмов формирования и регулирования прямых и обратных связей в процессе взаимодействия федеральных, региональных и местных структур между собой и с населением, проживающим на данной территории. При этом каждая целостная территориальная система может и должна рассматриваться, с одной стороны, как объект управления по отношению к подсистемам (системам) высшего уровня иерархии. С другой стороны, она может и должна выступать в качестве субъекта управления по отношению к объектам низшего уровня.

Управление внутрисистемного характера, таким образом, тесно коррелируется и переплетается с сигналами, поступающими из внешней среды. Необходимость модернизации и «дооборуживания» действующей системы государственного управления механизмами и методами инверсионного управления на основе усиления прямых и обратных связей обусловлено тем, что сейчас в практике регионального управления сложилось резкое несоответствие между взаимодействиями, осуществляемыми органами разных уровней управления.

В действующей системе управления, как правило, реализуются в основном прямые связи, идущие от центра к регионам, а обратные связи от населения, региональных и местных органов являются менее действенными, они не всегда учитываются верхними уровнями управления, что обуславливает различные негативные последствия.

Обеспечение сбалансированности бюджета — важнейший принцип стратегиче-

ского управления развитием национальной и региональных систем. Бюджетно-налоговые инструменты сейчас, по существу, недостаточно эффективно используются в качестве инструментов расширения выпуска товаров и услуг, увеличения доходов и совершенствования структуры региональных хозяйств. Бюджеты последних, в свою очередь, характеризуются повсеместной дефицитностью [12]. Государство в целом и его региональные звенья из-за этого несут огромные потери, утрачивают перспективы укрепления своих позиций в национальном и мировом экономическом пространстве. Периодически осуществляемые Минфином России попытки усовершенствовать действующий механизм межбюджетного распределения финансовых ресурсов кардинально не меняют положения дел в этой сфере регулирования.

По нашему мнению, целесообразно рассмотреть возможности упрощения и одновременно повышения действенности существующей системы налогообложения. В частности, необходимо проанализировать целесообразность ее упрощения за счет введения одноканальной системы сбора и распределения налоговых платежей. Суть этого нововведения заключается в том, чтобы вместо множества ныне действующих налоговых отчислений ввести на каждом иерархическом уровне хозяйствования один налог, устанавливаемый в проценте от ВРП, коммерческого оборота, или же в зависимости от соотношения этих показателей. Реализация указанного предложения на практике, как показывают результаты выполненных предварительных расчетов, позволит повысить уровень финансовой обеспеченности социально-экономического развития национального и регионального хозяйства, улучшить прозрачность налоговой системы страны и ее регионов, снизить издержки производства.

Для вывода национальной экономики и ее региональных звеньев на стадию устойчивого развития, повышения объемов и эффективности производства конкурентоспособных товаров и услуг *необходимы разработка и внедрение более совершенных механизмов управления*

инновациями и инвестиционной деятельностью, в том числе не только за счет совершенствования механизмов и методов использования профицита, но также и путем модернизации использования дефицитных методов в управлении инновациями и нововведениями в стране и регионах. Это означает, что в зависимости от складывающихся условий и особенностей функционирования экономики страны и регионов, должны выбираться такие приоритеты их развития, которые позволяют реализовать этот (профицитный или же дефицитный) ресурс наиболее эффективным и выгодным, как для экономики страны, так и для хозяйства конкретного региона, способом в условиях инновационного развития.

Правда, проблемы методологического обеспечения управления инновациями и инвестиционной деятельностью с учетом специфики трансформационного периода экономики России, ориентированной на широкую модернизацию и тиражирование инноваций, пока еще требуют дополнительных исследований. Особенно это касается модернизации действующей модели регулирования межбюджетных отношений, структура которой, как уже было отмечено, воспроизводит в худшем виде технологию управления централизованной экономикой и не учитывает новые формы экономических отношений в мировом и национальном хозяйстве, основанные на рентных принципах и критериях регулирования.

Отсутствие научно обоснованных механизмов и методов экономического регулирования земельно-имущественных отношений, рентных доходов предприятий и организаций, которые в существующей системе управления распространены повсеместно — во всех сферах и видах общественного производства, в производственной и социальной сферах, на рынке девелоперских и других услуг, — приводит к серьезным последствиям, связанным с укрывательством и отмыванием нелегальных доходов.

Используемые в системе управления механизмы регистрации, надзора, учета, изъятия, распределения и потребления рентных доходов (например, горной рен-

ты и др.) не позволяют пока еще решать эту задачу, что, в свою очередь, способствует негласному и несправедливому присвоению национального богатства страны и регионов теми экономическими структурами, которые не имеют непосредственного отношения к источникам его формирования. Часть средств, получаемых от рентных источников, например горной ренты, остается в отраслевых монополиях либо распределяется по многочисленным операциям транзакционной цепочки, направляется на поддержание убыточных, неперспективных производств и предприятий, попадает в распоряжение коммерческих структур, а также используется для личного обогащения.

Но когда в стране идет поиск новой модели развития и декларируются настоячивые намерения уйти от экспортно-сырьевой экономики, было бы уместным учитывать идеи устойчивого развития в их мировом контексте и основополагающих решений ООН, сочетающих интересы общества, экономики и природы, а не только в контексте экономического роста.

Изложенные положения, их научная проработка, конструктивная трансформация и органическое встраивание в процессы выработки, принятия, реализации и контроля выполнения управленческих решений на национальном и региональном уровнях, включая формирование целевых ориентиров, модернизацию методологического, методического, информационно-статистического, организационно-структурного, институционального, законодательно-правового обеспечения Концепции, позволит, по нашему мнению, устранить ряд существенных недостатков, присущих действующей системе государственного регулирования социально-экономического развития страны, ее региональных образований и систем.

Глобализация мировой экономики и мировое разделение труда срабатывают в пользу усиления управляемости макроэкономическими пропорциями, снижения рисковости. Правда, некоторые страны, например Китай, идут по пути копирования передовых достижений других стран. Спустя 100 лет после Ок-

тябрьской революции мы вновь оказались перед теми же проблемами, которые были в 1917 году. Но тогда Россия получила шанс на равенство и справедливость, но утратила свободу. В настоящее время мы пожертвовали тем, что имели, ради свободы. В этой связи нужны новые идеи для будущего «приемлемого неравенства» и сохранения единства нации.

Наука об экономическом регулировании в теоретическом плане как форма

существования научных знаний предполагает синтез, интеграцию отдельных методологических положений вокруг проблемы регулирования. Поэтому регулирование предполагает в высшей степени целесообразность и точность управленческих действий. Жизненной установкой поколения XXI века должен стать лозунг: «Всемерный переход от неопределенности к определенности, от дерегулирования к регулированию».

Просьба
предоставить
подробную
информацию
по источни-
кам 7, 8, 9.

Литература

1. Хачатуров Т. С. Советская экономика на современном этапе. М.: Экономика, 1975.
2. Леонтьев В. В. Экономика «затраты-выпуск». М.: Наука, 1966.
3. UN, EC, FAO UN, OECD, IMF, World Bank (2014). System of environmental-economic accounting 2012–Central framework. N. Y.: United Nations, 2014.
4. Лойко П. Ф. О некоторых засушливых проблемах современных земельных отношений в России // Землеустройство, кадастр и мониторинг земель. № 11. 2015. С. 8–20.
5. Манасерян Т. Современные реалии и их воздействие на экономические кризисы // Проблемы теории и практики управления. № 6. 2016. С. 120–125.
6. Буров М. П. Социально-экономическое развитие страны и регионов: совершенствование государственного управления // Агропродовольственная политика России. № 2. 2012. С. 71–72.
7. www.esoil.ru/news/news30112016.html.
8. www.vedomosti.ru/politics/articles/2016/04/22/638724-dmitrii-medvedev-predlozhil-vladimiru-putinu-izmenitsya
9. www.audit.gov.ru/press_center/news/26496.
10. Долги регионов снизились на 100 млрд руб. // Известия. 28 дек. 2016.
11. Бурак П., Ростанец В., Топилин А. Императивы формирования межрегиональных институтов координации развития субъектов РФ // Проблемы теории и практики управления. № 11. 2016. С. 95–103.
12. Бойко А. Структурная организация контрольно-надзорных органов федеральной исполнительной власти и возможности ее реорганизации // Проблемы теории и практики управления. № 12. 2016. С. 21–32.

References

1. Khachaturov T. S. the Soviet economy at the present stage. M.: Economics, 1975. (in Russian)
2. Leontiev V. V. Ekonomika “zatraty-vypusk”. M.: Nauka, 1966. (in Russian)
3. UN, EC, FAO UN, OECD, IMF, World Bank (2014). System of environmental-economic accounting 2012–Central framework. N. Y.: United Nations, 2014.
4. Loiko P. F. O nekotoryh nasuschnyh problemah sovremennyh zemel'nyh otnoshenii v Rossii // Zemleustroistvo, kadastr i monitoring zemel'. № 11. 2015. P. 8–20. (in Russian)
5. Manaseryan T. Sovremennye realii i ih vozdeistvie na ekonomicheskie krizisy // Problemy teorii i praktiki upravleniya (J. Theoretical and Practical Aspects of Management). № 6. 2016. P. 120–125. (in Russian)
6. Burov M. P. Socio-economic development of the country and regions: governance // Agropridovol'stvennaya politika Rossii. № 2. 2012. P. 71–72. (in Russian)
7. www.esoil.ru/news/news30112016.html.

8. www.vedomosti.ru/politics/articles/2016/04/22/638724-dmitrii-medvedev-predlozhit-vladimiru-putinu-izmenitsya.
9. www.audit.gov.ru/press_center/news/26496.
10. Dolgi regionov snizilis' na 100 mlrd rub. // Izvestiya. 28 Dec. 2016. (in Russian)
11. *Burak P., Rostane V., Topilin A.* Imperativy formirovaniya mejregional'nyh institutov koordinacii razvitiya sub'ektov RF // Problemy teorii i praktiki upravleniya (J. Theoretical and Practical Aspects of Management). № 11. 2016. P. 95–103. (in Russian)
12. *Boyko A.* Strukturnaya organizaciya kontrol'no-nadzornyh organov federal'noi ispolnitel'noi vlasti i vozmojnosti ee reorganizacii // Problemy teorii i praktiki upravleniya (J. Theoretical and Practical Aspects of Management). № 12. 2016. P. 21–32. (in Russian)

Парадоксы экономики услуг и государственная эколого-экономическая стратегия

Об авторах

Наталья Булетова

кандидат экономических наук, доцент
кафедры государственного управления
и политологии
bdv1968@mail.ru

Игорь Злочевский

кандидат экономических наук, доцент,
заведующий кафедрой государственного
управления и политологии
i_zlochevsky@mail.ru

Ключевые слова

миф-обман-ловушка экономики услуг, парадоксы экономики услуг,
экологическая экономика, государственное стратегическое управление

Основные тезисы

- В самой природе отношений между покупателем и продавцом заложена ловушка, приводящая к искажению потребления услуг в пользу только одного участника — собственника, реализующего услуги.
- Навязывание потребителю модели поведения «потребление ради потребления» абсолютно противоречит основам парадигмы экономики устойчивого развития.
- Парадоксы экономики услуг требуют разрешения усилиями государственного стратегического управления с помощью системы мер регулирования формальных и неформальных «правил игры», влияющих на условия взаимодействия всех субъектов экономических отношений.

В эволюции экономических моделей формирование экономики знаний рассматривается как логичный, естественный переход от индустриальной эконо-

мии и экономики услуг, как тот мостик, который позволяет говорить о возможности построения экономики потребления.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 16–06–00027 А «Закономерности эколого-экономического развития и их влияние на государственное стратегическое управление регионом»).

По К. Кларку [10, с. 176], каждая страна проходит три стадии развития:

- аграрную (производительность в стране растет медленно);
- промышленную (рост производительности достигает максимума);
- стадию преимущественного роста сферы услуг (темп роста производительности снова замедляется).

При этом в секторальной структуре занятости доля сельского хозяйства неуклонно снижается, доля промышленности сначала растет, но в долгосрочном аспекте снижается, доля сферы услуг постоянно повышается.

Ж. Фурастье [16] продолжил детализацию третьей стадии развития экономики на сектор с развитыми финансовыми, юридическими, информационными услугами для бизнеса и сектор услуг для населения. Все это позволило классифицировать типы экономик, характерные для современного периода развития мирового хозяйства: на экономику корпораций, экономику услуг, экономику массового потребления, экономику знаний (см. рис. 1).

Системный подход предполагает, что комплексное управление любой социально-экономической системой должно основываться на т.н. «пирамиде экономик» — своеобразном наложении различных типов экономических систем, обеспечивающих устойчивость экономического развития (рис. 2).

Если для государства главные цели развития своих территорий, регионов — обеспечение безопасности и качества жизни населения, то и результаты развития всех перечисленных в пирамиде типов экономик — в приросте знаний и технологий, в безопасности промышленных производств и высокой полезности услуг в условиях ограниченных ресурсов и ущемленных всей историей современного человечества интересов окружающей среды.

Второй уровень пирамиды совмещает и определяет содержание взаимодействия экономики знаний и экономики корпораций. Главное для этого уровня — обеспечение гармоничного взаимодействия

научного производства (предложение НИОКР) и материального производства корпораций (спрос на инновационные технологии). Это информационная, интеллектуальная, материальная основа для удовлетворения потребностей общества в материальных товарах.

Третий уровень (экономика услуг) обеспечивает возможности массового производства услуг, которые делают жизнь человека более комфортной, насыщенной, современной, престижной, модной.

Четвертый уровень пирамиды — экономика массового потребления («спрос») — является самым субъективным и самым важным с точки зрения управляемости процесса формирования культуры потребления.

В первую группу проблем развития экономики услуг входит рациональное предложение услуг, не приводящее к «потреблению ради потребления», а развивающее экологически безопасное потребление, формирующее норму качества жизни, универсальную для любого общества.

Вторая группа проблем, типичных для всех типов экономик в ходе их взаимодействия, связана с содержанием и качеством государственного менеджмента. Пример неэффективного государственного стратегического управления — патология минимального потребления услуг (рис. 3), когда на государственном уровне занижаются или отсутствуют государственные социальные стандарты, занижены стоимостные значения потребительской корзины, прожиточного минимума и т.д. Здесь остро встает вопрос платежеспособности потребителей услуг, рентабельности результатов экономической деятельности.

На рис. 4 представлено видение того, как в постиндустриальном развитии должны обеспечиваться общественные экологические интересы и возможности сохранения потенциала развития для будущих поколений.

Если анализировать эволюцию определения услуги и особенностей ее производства и оказания от К. Маркса до Т. Хилла, то можно видеть, что:

- по К. Марксу, Ф. Энгельсу услуга — это «... особая потребительная стоимость,

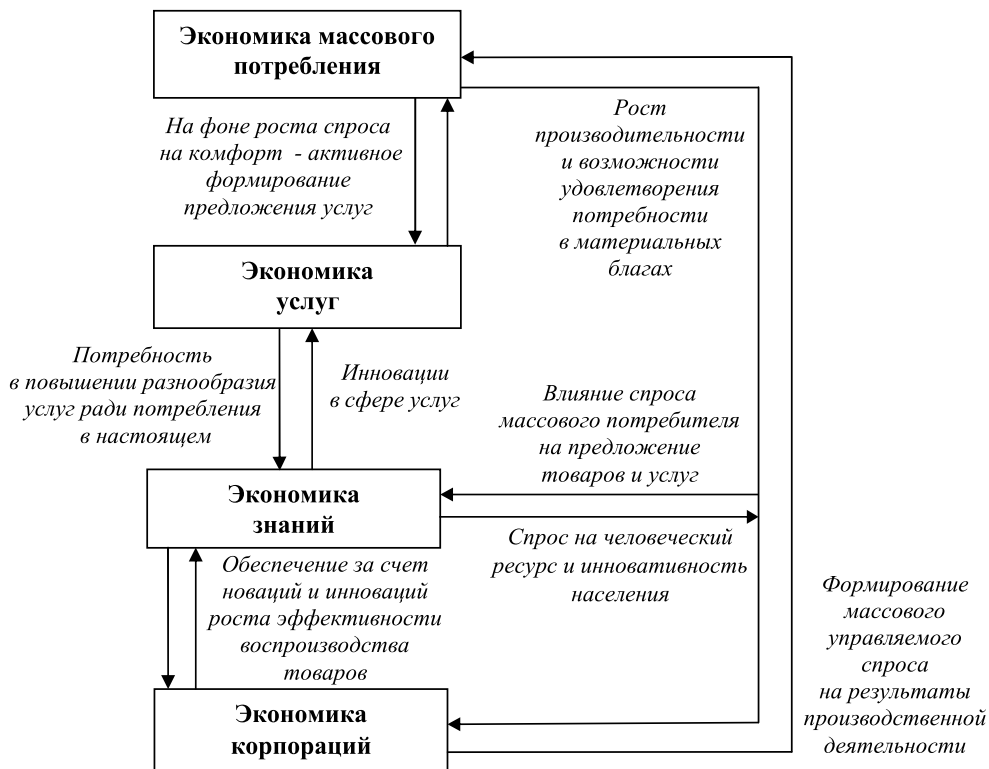

Рис. 1. Иерархия и взаимосвязь типов экономики в современном мировом хозяйстве
Источник: составлено авторами

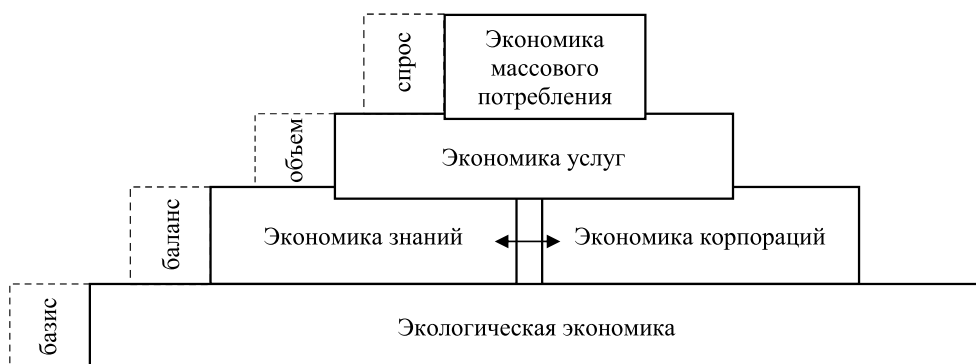

Рис. 2. Пирамида типов экономических систем, обеспечивающая устойчивость экономического развития
Источник: составлено авторами

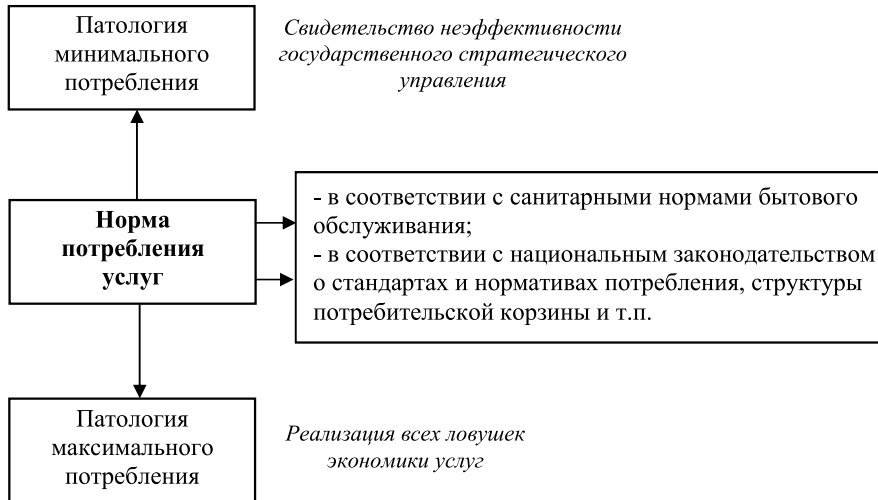

Рис. 3. Характеристика нормы и видов патологий потребления услуг
Источник: составлено авторами

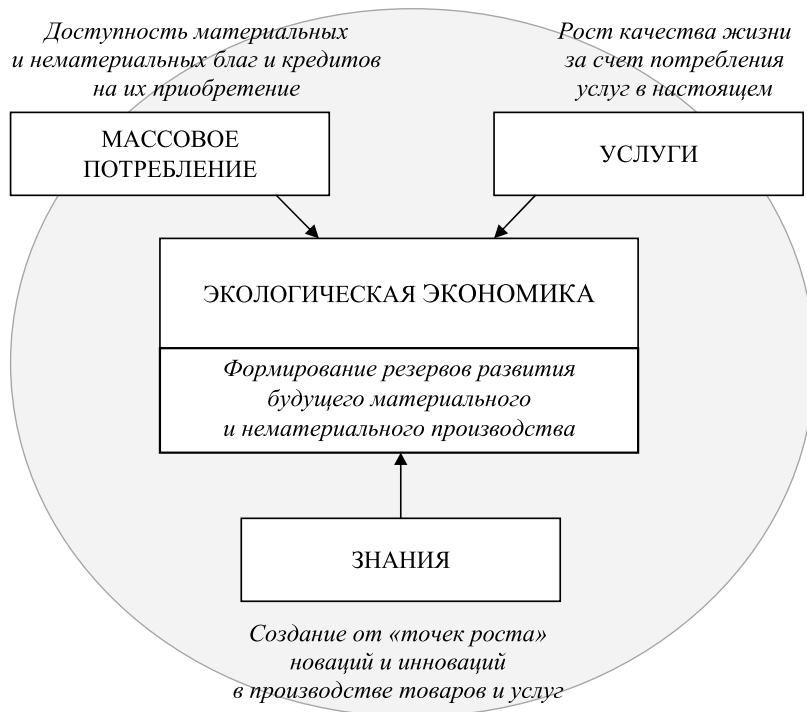

Рис. 4. Влияние основных элементов постиндустриального развития на экологическую экономику
Источник: составлено авторами

которую доставляет труд, подобно всякому другому труду, но особая потребительная стоимость этого труда получила здесь специфическое название „услуги“, потому что труд оказывает услуги не в качестве вещи, а в качестве деятельности...» [7, с. 413]. Такая трактовка позволяет сделать вывод, что к особенностям производства и оказания услуг К. Маркс относил неосвязаемость результатов оказания услуг, существующих отдельно от исполнителей; следовательно, нематериальные услуги (как лишний «товар», который может быть исключен из перечня пригодных для продажи) — это дополнительная нагрузка на бюджет домашнего хозяйства, что приводит к росту его расходов;

- по Ф. Котлеру услуга — это «любое мероприятие или выгода, которые одна сторона может предложить другой и которые в основном неосвязаемы и не приводят к завладению чем-либо» [4]. По его мнению, производство услуг может быть, а может и не быть связано с товаром в его материальном виде. Природа ловушек экономики услуг заложена в разделении услуг на материальные и нематериальные, что обосновывает рост потребления обществом нематериальных (неосвязаемых) услуг, и это является критерием роста качества жизни и уровня развития национальной экономики;
- по Р. Малери «услуги — нематериальные активы, производимые для целей сбыта». Услуга — это процесс, ряд действий. Эти действия могут быть инструментом для производства ценности, они могут создать ценность, но сами не являются самостоятельной ценностью [5, с. 14–15]. При этом услуга является действием, которое порождает ценность с минимальными материальными и максимальными интеллектуальными ресурсами (профессиональные навыки, патенты). Ловушка кроется в искусственном завышении ценности, значимости тех действий, которые сопровождают оказание услуг, что приводит к росту стоимости интеллектуальных

ресурсов, обеспечению высокой доходности операций на рынке услуг, не обеспеченных реальным капиталом или материальными ресурсами;

- по К. Гренроосу (Северная школа маркетинга услуг) «...услуга — процесс, включающий серию (или несколько) неосязаемых действий, которые по необходимости происходят при взаимодействии между покупателями и обслуживающим персоналом, физическими ресурсами, системами предприятия — поставщика услуг» [17].
- по Т. Хиллу «услуга — это изменение состояния лица или товара, принадлежащего какой-либо экономической единице, происходящее в результате деятельности другой экономической единицы с предварительного согласия первой» [18]. Особенностью услуги является то, что она рассматривается как конкретный результат экономически полезной деятельности, проявляющийся либо в виде товара, либо непосредственно в виде деятельности. Экономическая деятельность делает услугу предметом торговли, а рост затрат на осуществление услуг и рост их стоимости при этом обосновывается тем, что она является предметом торговли.

Чем более экономически развитой считается национальная экономика, тем более разнообразной и доступной является сфера услуг. Тем выше зависимость общества от экономики услуг и того комфорта, который принципиально отличает образ жизни большинства жителей Западной Европы, например, от большинства жителей Азии (таких развивающихся стран, как Индия, Китай, Вьетнам и др.). Оба варианта — примеры патологий в потреблении услуг (см. рис. 3), переходные состояния от которых до нормы — условная характеристика времени и других параметров (величина государственных социальных стандартов, государственная политика по развитию и поддержке сектора услуг национальной экономики и т. п.). Один из примеров ловушки в потреблении услуг, с которым столкнулся Евросоюз — привлекательность качества жизни,

Не потеряны ли в предложении какие-л. слова? Смысл предложения не вполне ясен.

доступности материальных и нематериальных благ для мигрантов из стран, где потребление услуг в том числе соответствовало патологии минимального потребления. В этом случае главную роль в формировании патологии максимального потребления услуг сыграло государство, эффективно выполнившее свои обязанности по обеспечению общества приемлемыми условиями жизни.

Примеры используемых в российской теории определений услуги можно представить в следующей эволюции:

- слово «услуга» объясняется как помощь, желание «пособить»; оказать услугу означает обслужить, сделать что-то нужное, удобное [2];
- экономический продукт в виде услуги — это новое качество, возникающее в процессе и благодаря данной экономической деятельности. Эффект, вызываемый оказанием услуг, может быть постоянным и временным, обратимым и необратимым, физическим и ментальным [13, с. 82];
- услуги — это виды деятельности, в процессе выполнения которых не создается новый материально-вещественный

продукт, но изменяется качество имеющегося продукта [12];

- услугой для целей налогообложения (ч. 1, ст. 38 НК РФ) признается деятельность, результаты которой не имеют материального выражения, реализуются и потребляются в процессе осуществления этой деятельности [8].

Акцент делается на изменении качества существующего продукта — повышении комфорта жизни, потреблении других товаров и работ, росте престижности своего образа жизни. Систематизируя весь представленный материал, можно сделать вывод, что именно манипулирование поведением покупателя, который по инерции будет повторять покупку навязанной услуги — главный фактор, порождающий ловушки и обман в предложении услуг (рис. 5).

Повторяемость потребления услуги, рост зависимости (психологической, в первую очередь) от представленного для общества набора услуг, например, по действующей в РФ классификации услуг [9], определяют природу и содержание возможных ловушек для потребителя (табл. 1).

Рис. 5. Глобальные миф, обман и ловушка экономики услуг
 Источник: составлено авторами

Таблица 1

Характеристика традиционных свойств услуг через призму обмана
и ловушки для потребителя

Источник: составлено авторами

Традиционные свойства услуг в теории экономики услуг	Свойства услуг, трактуемые как обман, ловушка для потребителя
Приобретение любой услуги начинается с наличия соответствующей потребности у покупателя	Формирование культуры потребления и влияние на состав потребностей — управляемый, манипулируемый процесс как со стороны государства, так и со стороны бизнеса в своих интересах
Предоставление большинства услуг требует специальных знаний и мастерства, которые покупателем с трудом или субъективно оцениваются	Завышение стоимости и манипулирование спросом на услуги из-за высокой степени неопределенности услуг, которая ставит покупателя в невыгодное положение. Шкала измерения качества услуги также носит субъективный характер
Конкурирующие предложения невозможно сравнить из-за совместного процесса производства и потребления услуги	Из-за затруднения в сравнении двух конкурирующих предложений услуги можно сравнивать только ожидаемые выгоды с полученными, что позволяет бизнесу управлять маркетинговым процессом продвижения услуги на локальном и национальном рынках в своих интересах (занижение характеристик по качеству, полезности услуги на фоне популяризации ее потребления)
Повторяемость покупки услуги обеспечивается реализацией инерционности этого процесса (привычка, комфортность, доступность, рост качества жизни и т. п.)	Вопрос управляемости инерционности при повторяемости покупки услуги — решающий в разработке стратегии государства и бизнеса по развитию рынка услуг
Качество услуги зависит от того, кто, в каком месте и как ее производит	Усиление дифференциации по стоимости, качеству, доступности услуг для групп населения в зависимости от деловой репутации и престижности места оказания услуги — результативный шаг по усилению дифференциации общества на социальные группы с усилением различий в составе потребительских предпочтений и инерции потребления
Невозможность хранения и транспортировки услуги делает ее реализацию очень чувствительной к изменениям рыночной конъюнктуры	Влияние на рыночную конъюнктуру силами государственного ресурса или ТНК делает процесс ценообразования и предложения услуги зависимым от политики данных субъектов экономической системы и экономически выгодным по структуре затрат. Малый и средний бизнес успешно реагируют на изменения рыночной конъюнктуры и имеют преимущества по продвижению услуг на локальном рынке
Обязателен личный контакт (даже через технические средства связи или через посредника) продавца и покупателя, что формирует требования к этике и культуре производителя услуги (уровень сервисного обслуживания)	За счет навязывания сервисного обслуживания происходит завышение стоимости услуги для потребителя и представления качества обслуживания как главного критерия конкурентоспособности услуги

Продолжение таблицы 1

Традиционные свойства услуг в теории экономики услуг	Свойства услуг, трактуемые как обман, ловушка для потребителя
Деление услуг на материальные и нематериальные приводит к различию характеристик и условий процесса оказания этих услуг	Производители нематериальных услуг имеют преимущества по формированию затрат и условиям формирования по сравнению с производителями материальных услуг, что формирует перекосы и диспропорции в структуре и возможностях развития рынка услуг
Многие услуги носят сезонный характер	Сезонность процесса оказания услуги дает ее производителям, исполнителям возможность использовать в ценообразовании, кадровой политике политику свободного выбора и диктования условий оказания услуги потребителю при условии сформированной инерции потребления данной услуги
Исполнитель услуги, как правило, не является собственником результата услуги	Отсутствие материальной основы результата оказания услуги приводит к ограничению (и субъективности) возможностей, форм и методов контроля, диагностики, аудита и других вариантов проявления функции контроля в замкнутом цикле управления процессом оказания услуги на локальном рынке

На рис. 6 представлено авторское видение вариантов субъективных оценок, которые могут быть сделаны получателем услуги, экспертом рынка. Главная проблема — отсутствие прозрачности и результативного мониторинга за соблюдением качества оказываемых услуг.

Основные парадоксы экономики услуг, по нашему мнению, состоят в следующем:

1. Доступность услуг по стоимости формирует культ массового потребителя, который негативно влияет как на экономику производства (рост потребления товаров без учета фактора ограниченности материальных ресурсов и снижения возможностей по потреблению для будущих поколений), так и на экономику массового потребления (культивирование поведения по принципу «здесь и сейчас» без учета интересов окружающей среды и других участников отношений).
2. Сложность в определении качества реализации услуги порождает культивирование предложения (без гарантии качества, но с навязчивой рекламой) и манипулирование спросом (без учета ценовой доступности и ре-

альной необходимости потребителя в большом количестве и разнообразии услуг).

3. Невозможность хранения и транспортировки услуг усиливает диспропорции в качестве жизни населения в зависимости от местоположения и развитости рынка услуг в том или ином регионе. Это приводит, с одной стороны, к усилению социального неравенства по доступности и качеству услуг, с другой стороны, стимулирует миграционные процессы, урбанизацию населения, особенно трудоспособного возраста.

Для того чтобы минимизировать негативный эффект от влияния этих проблем на потребительскую психологию, необходимо заменить модель взаимодействия разных типов экономик, представленную на рис. 1 на модель, разрешения ловушек экономики услуг (рис. 7).

Приоритетным должно быть государственное воздействие на субъективные факторы потребления услуг. Одно из возможных направлений этой деятельности представлено на рис. 8 в виде построенной авторами матрицы замкнутого цикла

Рис. 6. Пример шкалы измерения качества услуги по форме «норма—патология»
 Источник: составлено авторами

Рис. 7. Модель взаимодействия типов экономик, оптимизированная для разрешения ловушек экономики услуг
 Источник: составлено авторами

Рис. 8. Матрица замкнутого цикла государственного стратегического управления субъективными факторами развития территории

Источник: составлено авторами

государственного стратегического управления факторами развития территории (рис. 8).

«Правила игры», которые определяют уровень потребностей и сам порядок формирования спроса на услуги, предполагают системное участие государства в формировании культуры потребления.

Соответственно, необходима выверенная государственная стратегия, которая определялась бы не только (и не столько) количественным приростом самих услуг и объемов их реализации, а качественным удовлетворением потребностей населения в услугах на уровне их общественно-необходимой «нормы».

Литература

1. Булетова Н., Горелова И. Эко-институционализм как концептуальная база государственного стратегического управления // Проблемы теории и практики управления. 2015. № 2. С. 13–23.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Рус. язык, 1990. 684 с.
3. Злочевский И. А., Булетова Н. Е. Оценка результативности и эффективности государственного стратегического управления в парадигме экологического институционализма // Аудит и финансовый анализ. 2015. № 4. С. 312–319.
4. Котлер Ф. Маркетинг менеджмент. Пер. с англ. СПб.: Питер, 1998.

5. Кулибанова В. В. Маркетинг сервисных услуг. СПб.: Вектор, 2006.
6. Лободенко Л. К., Окольнішнікова І. Ю. Теоретическіе підходи к определению сущности и классификации рекламных услуг // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. 2011. № 21 (238). С. 123–130.
7. Маркс К. Соч. В 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1962. Т. 26. 476 с. Ч. 1.
8. Налоговый кодекс РФ, ч. 1. От 31.07.1998 г. № 146-ФЗ // Правовая система «Гарант».
9. ОК 034–2014 (КПЕС 2008). Общероссийский классификатор продукции по видам экономической деятельности. Утв. Приказом Росстандарта от 31.01.2014 № 14-ст) (ред. от 17.08.2015).
10. Политическая экономия // Экономическая энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1980. Т. 4. С. 176–178.
11. «Россия в цифрах» — выпуск 2015 года // Федеральная служба государственной статистики http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1135075100641
12. Свободный словарь терминов. <http://termin.bposd.ru/publ/1/21-1-0-19598>
13. Сфера услуг: Экономика: учебное пособие / Под ред. Т. Д. Бурменко. М.: КНОРУС, 2006.
14. Фадеева Н. В. Анализ основных дефиниций сферы услуг с позиций процессного подхода к менеджменту качества // Вестник ТГТУ. 2011. Т. 17. № 4. С. 1131–1147.
15. Buletova N. Ye., Gorelova I. V., Golomanchuk A. V., Orlova Ye. R. New interaction paradigm of ecological, social and economic structures of human activity // Экономика региона. 2015. № 2. С. 59–71.
16. Fourastié J. Le Grand Espoir du XXe siècle: Progrès technique, progrès économique, progrès social. P.: Presses Universitaires de France, 1949.
17. Gronroos C. Service Management and Marketing: A Customer Relationship Management Approach. 2nd ed. West Sussex, England: John Wiley & Sons, 2000. 404 p.
18. Hill T. On goods & services // Rev. of income & wealth. W., 1977. Ser. 23. № 4. P. 315–338.

References

1. Bulatova N., Gorelova I. Eco-institutionalism as a conceptual framework the state of strategic management // Problemy teorii i praktiki upravleniya (J. Theoretical and Practical Aspects of Management). 2015. № 2. P. 13–23. (in Russian)
2. Dal V. I. Tolkovyi slovar' jivogo velikoruskogo yazyka. M.: Rus. yazyk, 1990. 684 p. (in Russian)
3. Zlochevsky I. A., Bulatova N. E. Evaluation of the efficiency and effectiveness of the state strategic management in the paradigm of environmental institutionalism // Audit i finansovyi analiz. 2015. № 4. P. 312–319. (in Russian)
4. Kotler Ph. Marketing management. Transl. from English. SPb.: Piter, 1998. (in Russian)
5. Kulibanova V. V. Marketing servisnykh uslug. SPb.: Vector, 2006. (in Russian)
6. Lobodenko L. K., Okolnishnikova I. Yu., Teoreticheskie podhody k opredeleniyu suschnosti i klasifikacii reklamnykh uslug // Vestnik Yujno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i menedjment. 2011. № 21 (238). P. 123–130. (in Russian)
7. K. Marx Works. 50 vols. K. Marx, F. Engels. 2nd ed. M.: Gospolitizdat, 1962. V. 26. 476 p. Pt. 1. (in Russian)
8. Nalogovyi kodeks RF, pt. 1. Ot 31.07.1998 g. № 146-FZ // Pravovaya sistema "Garant". (in Russian)
9. ОК 034–2014 (КПЕС 2008). Obscherossiiskii klassifikator produkcii po vidam ekonomicheskoi deyatelnosti. Utv. Prikazom Rosstandarta ot 31.01.2014 № 14-st) (red. ot 17.08.2015). (in Russian)
10. Politicheskaya ekonomiya // Ekonomicheskaya enciklopediya. M.: Sovetskaya enciklopediya, 1980. V. 4. S. 176–178. (in Russian)
11. «Rossiya v cifrah» — vypusk 2015 goda // Federal'naya slujba gosudarstvennoi statistiki. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1135075100641 (in Russian)
12. Svobodnyi slovar' terminov. <http://termin.bposd.ru/publ/1/21-1-0-19598> (in Russian)
13. Sfera uslug: Ekonomika: uchebnoe posobie / Ed. by T. D. Burmenko. M.: KNORUS, 2006. (in Russian)

14. *Fadeeva N. V.* Analiz osnovnyh definicii sfery uslug s pozicii processnogo podhoda k menedjmentu kachestva // Vestnik TGTU. 2011. V. 17. № 4. P.1131–1147. (in Russian)
15. *Buletova N. Ye., Gorelova I. V., Golomanchuk A. V., Orlova Ye. R.* New interaction paradigm of ecological, social and economic structures of human activity // Экономика региона. 2015. № 2. С. 59–71.
16. *Fourastié J.* Le Grand Espoir du XXe siècle: Progrès technique, progrès économique, progrès social. P.: Presses Universitaires de France, 1949.
17. *Gronroos C.* Service Management and Marketing: A Customer Relationship Management Approach. 2nd ed. West Sussex, England: John Wiley & Sons, 2000. 404 p.
18. *Hill T.* On goods & services // Rev. of income & wealth. W., 1977. Ser. 23. № 4. P. 315–338.

РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

Функциональные характеристики пространственной модели свободного порта Владивосток

Об авторе

Вячеслав Андреев

доцент кафедры экономики и менеджмента

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41
andreev_va@inbox.ru*

Ключевые слова

макрорегион Дальний Восток России, свободный порт, пространственная модель экономики, локализация хозяйствующих субъектов

Основные тезисы

- Характеристики пространственной и функциональной моделей свободного порта определяются степенью внутренней интеграции ее резидентов и силой сетевого взаимодействия с макроэкономическими структурами с учетом проектов особых экономических зон и территорий опережающего развития.
- Сетевая модель дает сильный синергетический эффект, который усиливает межотраслевые связи и повышает экономическую эффективность территориального расположения порта. Такая модель свободного порта может принимать форму промышленного района или территориально-производственного кластера.
- Пространственно распределенная модель свободного порта способствует формированию перспективного экономического каркаса в макрорегионе Дальний Восток России, и в целом на уровне национальной экономики.

С учетом роста конкуренции в регионе Северо-Восточной Азии и ужесточения влияния на Российскую Федерацию внешних политико-экономических факторов, к практической реализации предлагаются новые инновационные модели экономиче-

ского развития макрорегиона Дальний Восток России. В конце 2014 года Президент Российской Федерации поставил задачу формирования на территориях регионов Дальнего Востока режима свободного порта с целью упрощения таможенного

и пограничного режимов и облегчения процедур ведения хозяйственной и предпринимательской деятельности. Соответствующая нормативно-правовая и институциональная база в настоящее время формируется и проходит практическую апробацию в ряде регионов Дальневосточного федерального округа [1]. В соответствии с Федеральным законом № 212-ФЗ от 13.07.2015 г. «О свободном порте Владивосток» к свободному порту Владивосток относятся территории 16-ти муниципальных образований Приморского края, включая территории и акватории морских портов на территориях этих муниципальных образований. К свободному порту Владивосток отнесены и территории муниципальных образований, включая территории и акватории морских портов, Камчатского края (городского округа Петропавловск-Камчатский), Хабаровского края (Ванинского муниципального района), Сахалинской области (городского округа Корсаковский), Чукотского автономного округа (городского округа Певек).

К настоящему времени режим свободного порта законодательно действует на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа. Вместе с тем экономические обоснованные и эффективные модели территорий со статусом свободного порта могут рассматриваться в качестве образца для применения и в других регионах. Важно проанализировать функциональную роль и пространственные характеристики свободного порта Владивосток в формировании опорного каркаса инновационной экономики на Дальнем Востоке России, выявить перспективные модели, которые могут быть применимы в других субъектах Российской Федерации с учетом региональной специфики. С использованием методов функционального и структурного анализа реализуемых и перспективных проектов в рамках свободного порта на Дальнем Востоке России были определены характеристики некоторых перспективных функциональных моделей территорий со статусом свободного пор-

та и выявлены факторы, влияющие на их параметры.

Консолидирующее влияние свободного порта может рассматриваться в контексте возникновения и развития феномена агломерационных эффектов или агломерационной экономики. При этом особенность организационно-функциональной модели свободного порта обуславливается широким толкованием конечных границ территории, подпадающей под нормативное регулирование. Статус свободного порта предоставляется территории, идентифицируемой с географическим названием «Владивосток», в границы которой в рамках данного закона включаются муниципальные районы и города, тяготеющие к единой экономической агломерации этого района. Бизнес-модель свободного порта предполагает возможность создания сети портов на юге Приморского края, строительства нового многофункционального торгового порта (ядра сети портов) в границах выделенной территории свободного порта, обеспечивающего в перспективе удвоение пропускной способности портовой сети. Необходимость такого строительства обусловлена тем, что портовая инфраструктура, действующая во Владивостоке, практически исчерпала ресурсы развития и не имеет потенциала стратегического роста мощностей [2].

Концепция консолидирующего влияния режима свободного порта может рассматриваться в рамках концепции совокупной причинной обусловленности П. Кругмана, основное содержание которой в том, что хозяйствующие субъекты стремятся в наиболее концентрированное экономическое пространство. Экономическое пространство также имеет тенденцию к концентрации в точках локализации хозяйствующих субъектов. Таким образом, с точки зрения экономической географии перспективная модель территории свободного порта должна демонстрировать воздействие двух типов сил: центростремительных, которые направляют экономическую деятельность в сторону агломерации, и центробежных, направленных на разрушение агломераций или ограничение их размеров [3].

В контексте теории П. Кругмана, можно указать на возможность формирования 2-х типов пространственной модели территории свободного порта — пространственно распределенной модели, имеющей несколько локализованных участков, и пространственно концентрированной модели, опирающейся на агломерационный каркас Владивостокской агломерации. Однако центростремительное воздействие, влияющее на концентрацию хозяйствующих субъектов в отдельно взятом регионе, может создавать и деструктивное влияние на конкурентоспособность как макрорегиона, так и национальной экономики. Во внимание следует принимать тот факт, что географически локализованные промышленные комплексы, прежде всего в ресурсных отраслях, со временем трансформируются в самоизолированные и самодостаточные функциональные структуры, что обуславливает снижение конкурентных преимуществ на национальном уровне.

Территории со статусом свободного порта можно представить в качестве набора потенциальных точек роста экономической и хозяйственной деятельности в отдельных географических локациях. В целом это способствует формированию инновационного экономического каркаса макрорегиона Дальний Восток России, в основе которого — территории опережающего развития, особые экономические зоны и агломерационные структуры крупных городов. Таким образом, модель территории свободного порта может рассматриваться в контексте теории «полюсов экономического роста» Ф. Перру, в основе которой — вывод о существовании доминирующей макроединицы, внутри которой меняется природа и содержание конкуренции. Территория свободного порта может быть представлена в качестве «полюса экономического роста», который создает эффект агломерации, когда дополняющие виды экономической и хозяйственной деятельности объединяются в единый комплекс. Полюс роста, под которым рассматривается и хозяйствующий субъект, и отрасль, и комплекс отраслей, обладает сильным агломерационным эффектом. Далее точки роста

преобразуются в территории развития и оси развития в макрорегионе или стране, формируя макроэкономический каркас. По мнению Ф. Перру, следовательно, важная задача государственной экономической политики состоит в создании таких полюсов роста и сознательном управлении пространством распространения их эффекта [4].

Однако для корректной оценки влияния агломерационного эффекта свободного порта на хозяйствующие субъекты Дальнего Востока России следует обратить внимание на полный набор производственных и пространственных факторов. В расчет следует принимать экономически обоснованное пространственное размещение и размеры локализованных территорий свободного порта с учетом минимизации производственных и транспортных издержек и с учетом взаимодействия ядра свободного порта — нового многофункционального торгового порта (ядра сети портов) в границах выделенной территории — и периферийных объектов инфраструктуры, включая пограничные переходы, таможенные и фитосанитарные посты, объекты транспортно-логистической инфраструктуры. Оптимальная функциональная модель свободного порта должна учитывать, что концентрация экономических субъектов, согласно Х. Босу, в определенных локализованных границах может являться оптимальным вариантом размещения с учетом высокого уровня транспортных издержек, связанных с перевозкой продукции специализированных отраслей в рамках экономической специализации субъектов Дальневосточного федерального округа. Таким образом, за счет локализации создаются предпосылки для возникновения устойчивых кооперационных кластерных связей, способствующих снижению транспортных и транзакционных издержек территорий с режимом свободного порта, что важно с точки зрения уменьшения влияния фактора значительной географической удаленности друг от друга отдельных территорий Дальнего Востока, нормативно определенных в качестве территорий свободного порта [5].

Для создания устойчивого экономического каркаса на уровне макрорегиона, территории с режимом свободного порта могут устанавливать экономические связи с иными экономическими активностями (полюсами роста) в специализированных и смежных отраслях, такими как территории опережающего развития, особые экономические зоны, тем самым способствуя созданию предпосылок для формирования промышленных кластеров. Исследуя связи между возникновением промышленных кластеров и обеспечением конкурентоспособности, М. Портер указывает, что условия формирования конкурентного преимущества у географических регионов лучше, когда фирмы, работающие в одной определенной отрасли, сконцентрированы в границах единого пространства. Территории свободного порта, трансформируясь в региональные промышленные кластеры, могут варьироваться от одной географической локации внутри национальной территории и, соприкасаясь с территориями целого ряда стран, создавать предпосылки для формирования международных или трансграничных кластеров на стыке границ Российской Федерации, КНР, Японии и Республики Корея. По мнению Портера, кластеры характерны для многих типов отраслей, как в крупных, так и в более узких областях деятельности, а также и в некоторых локальных областях бизнеса на уровне географических регионов [6].

Модель свободного порта можно рассматривать в контексте теории конкурентоспособности М. Портера. Можно представить новую модель пространственной организации хозяйственной и экономической деятельности на уровне макрорегиона Дальний Восток России, обеспечивающей конкурентоспособность на макроуровне, то есть на уровне национальной экономики. Формирование свободного порта, с одной стороны, создает предпосылки для локальной конкуренции между хозяйствующими субъектами, с другой — сокращает транзакционные издержки за счет использования общей транспортно-логистической, инженерной, технологической инфраструктуры. Режим свободного порта созда-

ет возможность образования временных альянсов для взаимного повышения конкурентоспособности территорий, компаний, отраслей и, следовательно, экономики в целом [7].

Рассматривая модель свободного порта в контексте концепции регионального кластера М. Энрайта, можно предположить, что это модель пространственной агломераций хозяйствующих субъектов, работающих в одной или нескольких родственных отраслях экономики или сферах хозяйственной деятельности. Набор резидентов может включать сеть взаимодействующих региональных хозяйствующих субъектов, связанных использованием общих методов производства (технологий) и интегрированных с предприятиями крупных национальных или международных компаний. Отмечая системообразующую для макроуровня функциональную роль территории свободного порта, следует подчеркнуть важность данной модели именно для регионального развития Дальнего Востока России. М. Энрайт, исследуя связь между конкурентоспособностью государства и географическим масштабом конкурентных преимуществ на уровне отдельных регионов, указывает на то, что конкурентные преимущества формируются не на уровне глобальной или национальной экономики, а на уровне регионов. Здесь основное значение уделяется историческим предпосылкам в развитии региона, культуре ведения бизнеса, системе организации производства и инновациям [8].

Функциональная модель территории свободного порта может включать элементы различных институциональных, производственных и технологических сфер. Таковыми могут рассматриваться действующие и перспективные резиденты, производственная и социальная инфраструктура, объекты научно-производственной сферы, трудовые и природные ресурсы. Ранее было отмечено, что особенностью организационно-функциональной модели свободного порта является широкое нормативное толкование конечных границ его территории. Следовательно, в результате процесса интеграции функциональных элементов свободного порта

до экономически обоснованного, оптимального состояния и размера может происходить видоизменение функциональных, пространственных и сетевых границ территории свободного порта. Как и в случае с экономическими кластерами, диверсификация деятельности резидентов территории свободного порта может расширяться и достигаться за счет усиления специализации, при этом специализация экономической и хозяйственной деятельности может стать четко выраженной за счет индивидуальной специализации ее резидентов.

Особенности функциональной модели свободного порта могут также определяться степенью локализации ее резидентов и уровнем их сетевого взаимодействия с другими экономическими субъектами в рамках макрорегиона Дальний Восток России. Р. Бошма и К. Френкен отмечают несколько форм сетевого взаимодействия, которые могут быть учтены для оценки параметров интеграции резидентов территории свободного порта.

- Когнитивное взаимодействие. Основой для взаимодействия может рассматриваться единая база знаний и намерения ключевых резидентов по созданию инновационных товаров и услуг. Резидентами исполняются разные задачи для обмена знаниями. Ключевые резиденты выступают ядрами свободного порта, другие от них зависимы, так как ими не могут восприниматься и использоваться внешние источники знаний.
- Организационное взаимодействие. Основа взаимодействия — иерархический контроль. Резиденты свободного порта проходят от неформальных отношений между организациями к более формальным и к другой форме сотрудничества — иерархически организованной территории свободного порта.
- Социальное взаимодействие. Резиденты имеют дружественные отношения, учитывая, что любые взаимоотношения участников на микроуровне имеют социальную основу и основаны на взаимном доверии.

- Институциональное взаимодействие. Резиденты действуют под влиянием одинаковых правил и норм на макроуровне. Правила являются как формальными, основанными на нормах закона, так и неформальными, которые базируются на культурных нормах и ценностях; они создают механизм, который обеспечивает стабильные условия для эффективного взаимодействия.
- Географическое взаимодействие. Здесь основными факторами являются расположение и время, которое затрачивается на преодоление расстояния между резидентами. Это обеспечивает выгоды для инновационного обмена и эффективного процесса взаимного обучения организаций за счет личного контакта и взаимодействия [9].

Уровень внутреннего и внешнего взаимодействия резидентов свободного порта может влиять на формирование сетевой или изолированной моделей, что отражает соответственно наличие или отсутствие интеграционных межотраслевых связей. Формирование сетевой модели обуславливает формирование активного взаимодействия с другими экономическими структурами на уровне макрорегиона и в целом на уровне экономики России. Замкнутую модель формирует отсутствие устойчивых интеграционных связей, что отражает низкую инновационную активность резидентов территории свободного порта. Сетевая модель структурно может представлять собой сеть территорий в рамках свободного порта, которые активно взаимодействуют между собой для обеспечения конкуренции на макроуровне как взаимосвязанные и взаимодополняющие звенья технологических цепочек. В экономике Дальнего Востока можно выделить перспективную сетевую модель на основе взаимодействия резидентов свободного порта и промышленно-производственных территорий опережающего развития, таких как «Комсомольск», «Хабаровск», «Большой Камень», которые могут быть интегрированы в единую цепочку технологических и кооперационных связей. При

Последний вывод будет справедлив, если рассматривать именно близкие расстояния и короткие промежутки времени. Просьба скорректировать пункт

формировании сетевой модели обеспечивается большой синергетический эффект, который может проявляться в усилении межотраслевых связей и повышении экономической эффективности территориального расположения, когда свободный порт, территории опережающего развития и сопутствующие им агломерационные структуры в большей степени начинают восприниматься как «промышленные районы».

Важно учитывать, что степень сетевого взаимодействия и взаимной интеграции резидентов не единственный фактор, влияющий на особенности функциональной и структурной моделей территории свободного порта. Следует учитывать характеристики пространственного размещения, параметры географических границ, функциональную специализацию, силу инновационной активности хозяйствующих субъектов, а также степень взаимодействия ее резидентов с иными экономическими субъектами на территории Дальневосточного федерального округа. Эффект локализации (географического расположения) обусловливается территориальной концентрацией экономической деятельности и определяется силой взаимного притяжения из-за сопряженного развития соседствующих, т. е. территориально близких и тесно связанных в различных комбинациях, специализированных, сопутствующих и вспомогательных производств. Это может позволить резидентам свободного порта увеличивать масштабы экономической деятельности, распределять постоянные издержки производства на возможно больший объем продукции и получить экономию от снижения транзакционных, транспортных, распределительных, маркетинговых и иных издержек в производстве и потреблении [10].

Таким образом, по результатам анализа можно указать на две прогнозные модели, характеризующиеся пространственным размещением разных участков территорий свободного порта: пространственная распределенная модель, имеющая несколько локализованных участков, и пространственная концентрированная модель. Например, к пространственной распределенной можно отнести модель

взаимодействия географически удаленных территорий свободного порта, расположенных в Камчатском крае (городской округ Петропавловск-Камчатский), Хабаровском крае (Ванинский муниципальный район), Сахалинской области (городской округ Корсаковский), Чукотском автономном округе (городской округ Певек) и в Приморском крае. Именно пространственно-распределенная модель определяет внешние географические контуры формирующегося свободного порта. Преимущество пространственно-распределенной модели территории свободного порта в том, что за счет обоснованного размещения факторов производства в различных географических точках (полюсах роста) устанавливается связь с перспективными рынками и источниками ресурсов за счет формирования современной транспортной и логистической инфраструктуры. Пространственно-распределенная модель свободного порта, в наибольшей степени дает возможность для формирования перспективного экономического каркаса макрорегиона Дальний Восток России, и в целом на уровне национальной экономики. Однако при использовании такой модели следует оценивать экономически обоснованное расстояние между отдельными участками территории свободного порта, обеспечивающее рациональное и эффективное размещение факторов производства.

К пространственно-концентрированной можно отнести модель взаимодействия территорий муниципальных образований Приморского края, расположенные на сравнительно небольших локализованных участках вблизи портов Зарубино, Восточный, Находка, Владивосток. Такая модель взаимодействия определяет условные внутренние географические контуры свободного порта. Компактная модель свободного порта имеет преимущество, обеспечивая лучшую концентрацию требуемых трудовых ресурсов, создавая эффект масштаба в рамках формирующегося агломерационного каркаса макрорегиона Дальний Восток России.

По итогам анализа функциональных и организационных параметров «Сво-

бодного порта Владивосток» с учетом отраслевой специализации можно сделать следующие выводы:

1. Характеристики структурной и функциональной моделей территории свободного порта обуславливаются степенью внутренней интеграции ее резидентов и силы сетевого взаимодействия с макроэкономическими структурами в рамках макрорегиона с учетом проектов особых экономических зон и территорий опережающего развития. Географическая концентрация определяет силу взаимной близости. Важную роль играет когнитивная, социальная, организационная близость и совершенство институциональной среды.
2. Сетевая структура территории свободного порта может усиливаться активным взаимодействием с другими хозяйствующими субъектами. Таким образом формируется опорный каркас для развития экономики регионов Дальнего Востока России. Именно сетевая модель дает сильный синергетический эффект, который усиливает межотраслевые связи и повышает экономическую эффективность территориального расположения. Такая модель свободного порта может принимать форму промышленного района или территориально-производственного комплекса (кластера).
3. В наибольшей степени именно пространственно распределенная модель свободного порта способствует формированию перспективного экономического каркаса в макрорегионе Дальний Восток России, и в целом на уровне национальной экономики. Этому должно способствовать рациональное размещение факторов производства в экономически выгодных географических точках (полюсах роста), организация связи с перспективными рынками и источниками

ресурсов и развитие транспортной и логистической инфраструктуры.

4. Эффективная консолидация требуемых финансовых, трудовых, технологических и инфраструктурных ресурсов обеспечивается за счет использования пространственно-концентрированной (компактной) модели свободного порта. Эффект локализации возникает вследствие территориальной концентрации экономической и хозяйственной деятельности на территории свободного порта и характеризуется возрастающей силой взаимодействия с соседствующими хозяйствующими субъектами.

Таким образом, модель территории свободного порта может рассматриваться в качестве пространственного каркаса экономического роста макрорегиона Дальний Восток России. При этом возникает эффект агломерации, когда действующие и перспективные резиденты, производственная и социальная инфраструктура, объекты научно-производственной сферы, трудовые и природные ресурсы объединяются в единый комплекс. Формируя экономический каркас макрорегиона, территории с режимом свободного порта могут вступать в экономические связи с иными локализованными точками экономической активности в родственных и смежных отраслях, таких как территории опережающего развития, особые экономические зоны, тем самым способствуя возникновению кооперационных цепочек создания добавленной стоимости. За счет пространственной локализации создаются предпосылки для возникновения устойчивых кластерных связей, способствующих снижению транспортных и транзакционных издержек свободного порта, что важно с точки зрения уменьшения влияния фактора значительной географической удаленности друг от друга отдельных территорий Дальнего Востока.

Литература

1. Андреев В. А. Выявление организационных и функциональных моделей территорий опережающего развития в Российской Федерации // Российское предпринимательство. 2016. № 5 (17).
2. Абрамов А. Л., Матвиенко Н. Н. Бизнес-модель свободного порта Владивосток: идея и пути реализации // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2016. № 1 (74).
3. Krugman P. A Dynamic Spatial Model // NBER Working Paper № 4219.
4. Perroux F. Les investissements multinationaux et l'analyse des pôles de développement et des pôles d'intégration // Revue Tiers-Monde. 1968. Т. 9. № 34.
5. Бос Х. Размещение хозяйства. Пер. с англ. / Под ред. В. А. Маша. М.: Прогресс, 1970. 158 с.
6. Porter M. E. Clusters and the New Economics of Competition // Harvard Business Reviews. November–December. 1988.
7. Портер М. Конкуренция. Пер. с англ. М.: Изд. дом «Вильямс», 2002. 496 с.
8. Enright M. The Geographical Scope of Competitive Advantage // Stuck in the Region? Changing scales for regional identity / Ed by E. Dirven, J. Grocnewegen, S. van Hoof. Utrecht, 1993.
9. Boschma R., Frenken K. The spatial evolution of innovation networks: a proximity perspective // Handbook on Evolutionary Economic Geography, Cheltenham: Edward Elgar, 2010.
10. Анимитса Е. Г. Крупнейшие города России в контексте глобальных урбанизационных процессов // ARS ADMINISTRANDI. 2013. № 1.

References

1. Andreev V. A. Identification of organizational and functional models of priority development areas of Russian Federation // Rossiiskoe predprinimatel'stvo. 2016. № 5 (17). (in Russian)
2. Abramov A. L., Matvienko N. N. The business model of free port of Vladivostok: the idea and the way of implementation // Tamojennaya politika Rossii na Dal'nem Vostoke. 2016. № 1 (74). (in Russian)
3. Krugman P. A Dynamic Spatial Model // NBER Working Paper № 4219.
4. Perroux F. Les investissements multinationaux et l'analyse des pôles de développement et des pôles d'intégration // Revue Tiers-Monde. 1968. Т. 9. № 34.
5. Bos H. Accommodation services. Transl. from English / Ed. by V. A. Masha. М.: Progress, 1970. 158 p. (in Russian)
6. Porter M. E. Clusters and the New Economics of Competition // Harvard Business Reviews. November–December. 1988.
7. Porter M. Competition. Transl. from English. М.: Izd. dom "Williams", 2002. 496 p. (in Russian)
8. Enright M. The Geographical Scope of Competitive Advantage // Stuck in the Region? Changing scales for regional identity / Ed by E. Dirven, J. Grocnewegen, S. van Hoof. Utrecht, 1993.
9. Boschma R., Frenken K. The spatial evolution of innovation networks: a proximity perspective // Handbook on Evolutionary Economic Geography, Cheltenham: Edward Elgar, 2010.
10. Animitsa E. G. The Largest cities of Russia in the context of global urbanization processes // ARS ADMINISTRANDI. 2013. № 1. (in Russian)

ОТРАСЛЕВОЙ АНАЛИЗ

Потребление на российском алкогольном рынке: ключевые тенденции и совершенствование регулирования

Об авторе

Елена Красова

кандидат экономических наук, доцент
кафедры международного бизнеса и финансов

Владивостокский государственный
университет экономики и сервиса
690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41
elena_krasova@rambler.ru

Ключевые слова

потребление алкоголя, рынок алкогольной продукции, регулирование производства и оборота алкоголя, винодельческая отрасль России

Основные тезисы

- Алкогольный рынок — высокодоходный, достаточно ликвидный, хорошо структурированный и сегментированный сектор экономики.
- Различия географических, этнических и социально-экономических условий жизнедеятельности людей обуславливают и специфику приверженности к алкоголю.
- Рост технологичности отечественного производства алкогольных напитков (прежде всего, вина), повышение качества и расширения ассортимента продукции, наряду с грамотной ценовой и налоговой политикой, формирует здоровую конъюнктуру на рынке и приводит к исчезновению теневых рынков и фальсифицированной продукции, что в конечном итоге способствует снижению степени алкоголизации населения.

Рынок алкогольной продукции — динамично развивающаяся и значимая отрасль народного хозяйства. Алкогольные напитки — особый товар, востребованный различными категориями потре-

лей в различных жизненных ситуациях, поэтому алкоголь является акцизным товаром и обеспечивает государственный бюджет России дополнительными доходами: доля алкогольной продукции в доходах федерального бюджета составляет поряд-

Просьба
заменить
фотографию
из-за плохого
качества

ка 2%, а в сумме акцизных сборов — 10–12% [1, с. 50]. За развитием конъюнктуры рынка алкогольной продукции внимательно следят эксперты и аналитики. Объем производства и потребления, величины экспорта и импорта алкоголя являются важными параметрами экономического здоровья нации.

Потребление алкоголя — одна из наиболее приоритетных проблем в рамках изучения рынка алкогольной продукции, являющаяся объектом регулярных междисциплинарных исследований, затрагивающих медицинскую, социальную, экономическую, психологическую и другие стороны нашего бытия. Уровень и характер потребления алкоголя считается в мировой практике важнейшим параметром общественного здоровья и социального благополучия. Согласно рейтингу стран мира по уровню потребления алкоголя, составленному Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) в 2014 г., Россия находится на 4-м месте в мире по уровню потребления алкоголя на душу населения, который составляет 15,76 литров на каждого человека старше 15 лет [2]. При этом мужская часть российского населения потребляет в среднем 23,9 литров на человека, что почти в 4 раза больше среднемирового значения. За период 2005–2014 гг. ВОЗ зафиксировала в России рост потребления с 15,1 до 15,76 литров алкоголя в год, или на 4,4%. Находясь в числе самых «пьющих», по мнению ВОЗ, стран, Россия пропускает вперед Молдову, Чехию и Венгрию и непосредственно опережает такие страны, как Украина, Эстония, Андорра, Румыния, Словения, Беларусь [3].

Еще в 2011 г. в Глобальном докладе ВОЗ о положении в области алкоголя и здоровья за 2005 г. Россия и страны Восточной Европы неоднократно упоминаются как страны с самым высоким уровнем потребления алкоголя, где каждая пятая смерть связана именно с ним [3]. Представленная ВОЗ структура потребления алкоголя в странах-лидерах «алкогольного рейтинга» отражает доминирование крепких напитков, являющихся наиболее опасными с точки зрения их влияния на здоровье (табл. 1).

Насколько информация ВОЗ согласуется с российскими данными? Несмотря на существующее недоверие к российской алкогольной статистике, а также методологические различия сбора и обработки информации, следует отметить, что данные Росстата отражают намного меньшее потребление алкоголя среди россиян, чем ВОЗ. Согласно официальной статистике России, в настоящее время население страны потребляет 99,2 млн декалитров (дал) абсолютного алкоголя¹⁾ в год, что составляет 6,8 литров на душу населения. По данным Аналитического центра при Правительстве РФ, Россия не является самой «пьющей» страной мира: в Германии, Польше, Франции и Испании потребляется на душу населения больше чистого алкоголя за год, чем в России. Влияние текущего кризиса пока заметно не отразилось на потреблении алкогольной продукции в России [4, с. 20].

Анализируя ситуацию с потреблением на современном алкогольном рынке России, можно выделить следующие тенденции.

1. *Динамика.* Согласно статистическим данным, начиная с 2008 г., потребление алкоголя имеет четкую тенденцию к снижению (рис. 1).

Текущее потребление алкоголя на 24,3% превышает уровень 1990 г. и на 16% меньше уровня 2000 г. Интересно отметить, что сегодня россияне пьют на 28% меньше, чем в кризисный 2008 г., когда было зафиксировано рекордное количество потребленного алкоголя как в целом по стране (137,3 млн декалитров), так и на одного жителя (9,6 литров). Совокупный объем купленного спиртного постепенно сокращается как в натуральной форме, так и в стоимостной: доля алкоголя в общем обороте розничной торговли с 9,7% в 2000 г. к 2015 г. вернулась на уровень 1992 г. — 7,3–7,5%.

Снижение физических объемов реализации алкоголя происходит на фоне роста потребления таких продуктов, как мясо, рыба, крупы, макароны, молокопродукты и других [5]. Эксперты связы-

¹⁾ Данный показатель рассчитывается Росстатом на основе информации об объемах содержания этилового спирта в алкогольной продукции.

Таблица 1

Потребление алкоголя на душу населения (в возрасте 15 лет и старше) стран-лидеров по данным ВОЗ за 2010 г., в литрах

Источник: [3]

Страна	Общее потребление	Учетное	Неучтенное	Пиво, %	Вино, %	Крепкие напитки, %	Другое, %
Белоруссия	17,5	14,4	3,2	17,3	5,2	46,6	30,9
Молдова	16,8	6,3	10,5	30,4	5,1	64,5	0,0
Литва	15,4	12,9	2,5	46,5	7,8	34,1	11,6
Россия	15,1	11,5	3,6	37,6	11,4	51,0	0,0
Украина	13,9	8,9	5,0	40,5	9,0	48,0	2,5

вают падение рынка, в первую очередь, со снижением платежеспособности граждан, желанием потреблять более полезную для здоровья продукцию. Немаловажную роль играет стабилизация экономики после 2008 г., способствовавшая психологическому спокойствию и комфорту людей, которое обычно сопровождается снижением потребления алкоголя «не по поводу». Данный факт не говорит о снижении остроты проблемы пьянства в России, однако отражает общую картину стремле-

ния граждан к благополучию посредством работы и самореализации.

Вместе с тем следует отметить неравномерность потребления алкоголя в региональном контексте. Различия географических, этнических и социально-экономических условий жизнедеятельности людей обуславливают и специфику приверженности к алкоголю. По результатам исследования в рамках проекта «Трезвая Россия», проведенного в 2015 г., наиболее благополучными были названы северокавказские республики (Чечня, Ингушетия,

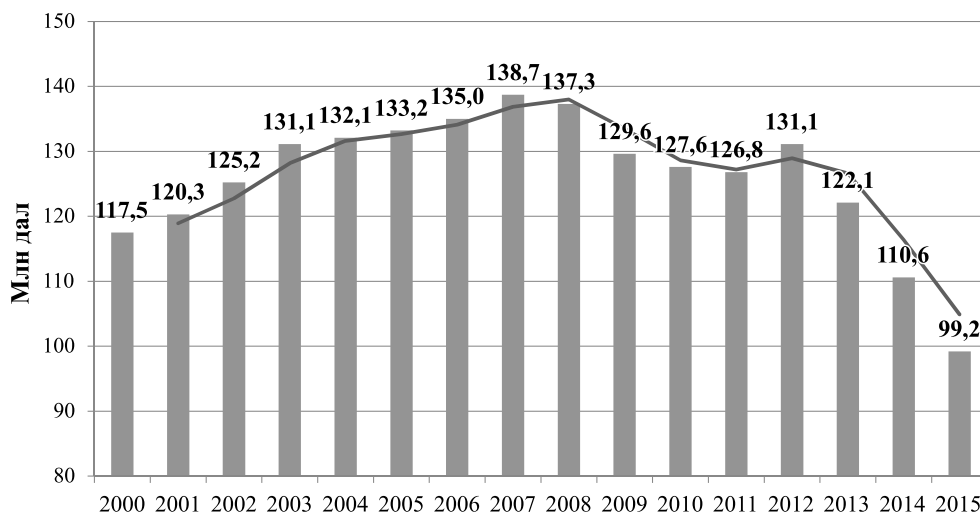

Рис. 1. Динамика потребления абсолютного алкоголя в России за 2000–2015 гг.

Источник: составлено автором по [5]

Дагестан, Северная Осетия, Кабардино-Балкария, Ставропольский край), города федерального значения (Москва, Санкт-Петербург, Севастополь) и южные регионы (Ростовская и Волгоградская области, Краснодарский край). Объемы продаж водки и пива в указанных регионах являются одними из самых низких в стране, и считается, что антиалкогольное законодательство работает эффективно. В числе аутсайдеров оказались 22 региона, преимущественно удаленные и сибирские, среди которых самые «пьющие» — Еврейская автономная область, Ненецкий автономный округ, Магаданская область, Камчатский край и Новгородская область [6]. Потребляют алкоголь больше там, где холоднее и «голоднее», т. е. в регионах с суровыми климатическими условиями и относительно низким уровнем социально-экономического развития. Градус потребления также усугубляется с юга на север и с запада на восток: на Дальнем Востоке водки потребляют намного больше, чем в центральных и южных районах страны. Разрыв в потреблении крепкого алкоголя между периферией и центром страны значителен — 20–25 литров водки по сравнению с 7,7 литрами в среднем по России [7, с. 87].

2. *Структура.* Наряду с ниспадающей динамикой за 2000-е гг. изменилась и структура потребления алкоголя. Традиционно рынок делится на три сегмента: крепкие напитки (водка, коньяк, ром, виски), напитки средней крепости (вина, ликеры), слабые напитки (пиво, коктейли и т. п.). Лидером спиртного в России XXI века является пиво, которое в 2015 г. заняло 79,3 % в структуре потребления алкоголя по его физическим объемам. На втором месте — водка и коньяк с долей 8,8 %, на третьем — столовые вина с долей 7,9 % [5] (см. рис. 2).

3. *Потребление водки.* На рынке наблюдается тенденция существенного снижения доли водки в общей структуре потребления — с 26,4 % в 2000 г. до 8,8 % в 2015 г. В физических объемах ее потребление снизилось за рассматриваемый период на 54,7 %. Главной причиной такого снижения является ужесточение акцизной политики: к настоящему време-

ни акциз на крепкий алкоголь «дорос» до 500 руб. за литр²⁾ [8]. Акцизы сохраняют высокий уровень цен на водку (минимальная розничная цена сегодня составляет 185 руб. за 0,5 литра), что делает ее менее доступной для бюджета большинства российских граждан и снижает объем спроса на нее. Кроме того, следует принимать во внимание большое разнообразие товаров-заменителей традиционной водки — коньяк, виски, бренди, текила и другие «благородные» напитки, которые так привлекают современных потребителей и тем самым отбирают у нее популярность. Впрочем, доля субституты водки невелика и снижалась за 2000–2015 гг. всего с 0,5 % до 1,0 %. В частности, потребление виски в России составляет лишь 6,7 % от объемов водки [9].

4. *Потребление пива.* Значительно возрос удельный вес пива — с 64,4 % в 2000 г. до 79,3 % в 2015 г. Пиво — наиболее демократичный вариант для современных потребителей: акциз за литр пива составляет 20 руб. Популярности пиву в России добавляют европейские традиции пивоварения, открытие специализированных заведений общественного питания — пабов, к которым россияне охотно прибегают как к одной из форм цивилизованного досуга. Об этом говорит выявленное в процессе Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ «ядро» потребителей пива, т. е. основная группа его потребителей: его составляют мужчины возрастом 20–59 лет, проживающие в городах [10]. Большой ассортимент, значительный ценовой диапазон пивной продукции, отсутствие сильных пагубных последствий при его распитии (по сравнению с крепкими напитками) — все это делает пиво самым востребованным алкогольным напитком. Строго говоря, пиво и крепкий алкоголь нельзя считать совершенными товарами-заменителями, так как это товары разных сегментов, однако снижение потребления крепких напитков объективно увеличивает долю пива. Физические объемы потребления пива так же,

²⁾ В расчете на 1 литр безводного этилового спирта, содержащегося в подакцизном товаре.

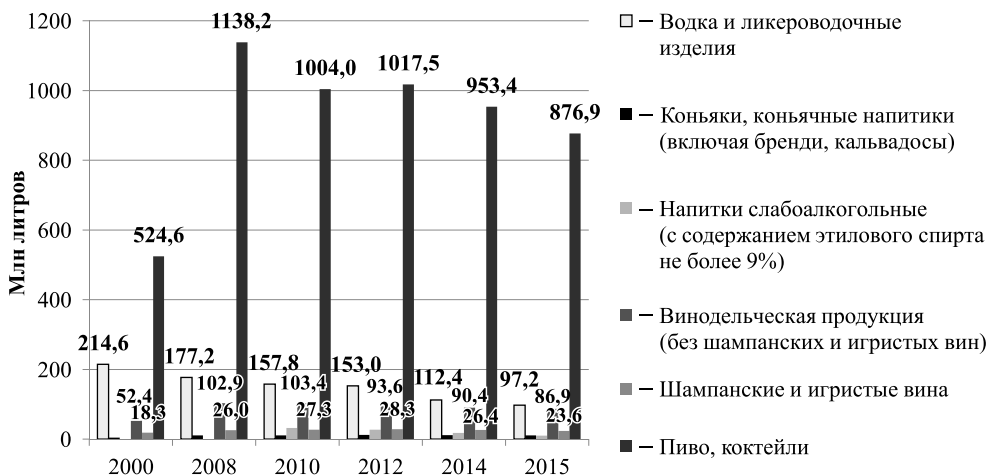

Рис. 2. Структура потребления на алкогольном рынке России по видам продукции за 2000–2015 гг.

Источник: составлено автором по [5]

как и в целом алкогольной продукции, сокращаются: среднегодовой темп их роста за 2008–2015 гг. составил 96,7%. В региональном аспекте центральный регион в 2015 году был одним из наиболее устойчивых рынков, поскольку показал лишь умеренный спад потребления пива [5].

5. *Потребление вина.* Физический объем потребления винодельческой продукции колеблется по годам: за период с 2000 г. он увеличился более чем в 1,5 раза, а вот с 2008 г. — уменьшился на 14,3%. По сравнению с водкой и пивом снижение потребления вина за период 2008–2015 гг. было не таким существенным: 45% и 23% против 14,3% соответственно. При этом уменьшение объемов столовых вин составило 15,5%, а игристых и шампанских — 9,2% [5].

Постепенным и стабильным был рост удельного веса вина — с 8,7% в 2000 г. до 10,0% в 2015 г. Предполагается, что и в дальнейшем вино будет планомерно забирать доли у водки и пива как лидирующих сегментов алкогольного рынка, и причин тому можно назвать несколько.

Вино традиционно называют благородным, натуральным, «женским» напитком, так как оно изготавливается из ягод винограда, и употребляют его, как правило, по какому-либо поводу, празднику.

Являясь по крепости средним напитком (9–22°), вино не ассоциируется у россиян с алкоголизмом, и отношение к нему в целом более положительное, чем к водке. Так, если водку потребляют 60% мужчин и 37% женщин, то вино и шампанское пьют 40% женщин и 11% мужчин [1, с. 52]. Вино лежит в основе формирования так называемого «южного», мягкого стиля потребления алкоголя, для которого алкоголизм не становится острой медицинской и социальной проблемой [11, с. 9]. В России, по оценкам специалистов, чрезмерное потребление водки является причиной 30% смертей мужчин в возрасте до 55 лет, а по продолжительности мужской жизни, которая составляет 62 года, страна занимает 123-е место в мире [5, 12]. В то же время в странах, где широко распространено употребление вина — Италии, Испании, Франции — продолжительность жизни мужчин составляет 80,4, 79,5 и 79,4 года соответственно, а алкоголизм в качестве причины смерти зафиксирован лишь в каждом седьмом случае [5].

Другая причина распространения потребления вина заключается в развитии винодельческой промышленности, которая является важным сегментом агропромышленного комплекса, хорошо структу-

В чем
измеряются
приведенные
в таблице
данные?

рированной и на сегодняшний день высокотехнологичной отраслью, выпускающей продукцию высокой степени готовности и обеспечивающей стабильные поступления в бюджет в виде акцизов и НДС. В табл. 2 представлены объемы производства вина в современной России.]

Сопоставляя объемы спроса и предложения вина, можно заметить, что отечественная винная продукция покрывает спрос населения только на 51 %: остальные 49 % покрываются за счет импорта. Несмотря на значительные проблемы, с которыми сталкиваются российские виноделы, в винодельческой промышленности взят курс на импортозамещение. Так, по сравнению с 2011 г. объем импорта готового вина в 2015 г. снизился с 24,4 до 16,7 млн дал, или на 31,6 % [5].

По мере укрепления позиций отечественных производителей на внутреннем рынке спрос на их продукцию будет расти опережающими темпами. По мнению специалистов, хорошие шансы российские виноделы имеют в сегменте бюджетных столовых вин как наиболее конкурентоспособной продукции [13, с. 35]. Постепенный переход россиян к «южному» стилю потребления алкоголя увеличит емкость винного рынка, которая в настоящее время существенно уступает развитым странам. Сегодня россияне пьют вина в 3,2 раза меньше, чем в США, в 2,9 раза меньше, чем во Франции, в 2,1 раза меньше, чем в Италии и Германии по отдельности, в 1,6 раза меньше, чем в Китае [14, с. 80].

Таким образом, вышеобозначенные тенденции развития алкогольного рынка отражают некоторое снижение объема потребляемого алкоголя россиянами, постепенное замещение крепких напитков более слабыми. Такие изменения говорят о воздействии определенных объективных факторов, формирующих новую концепцию потребления алкоголя в стране. Происходящие изменения можно назвать положительными, однако имеющиеся проблемы (большой объем фальсифицированной продукции, значительная доля импорта, сохраняющийся пока высокий уровень алкоголизма в стране и другие) дестабилизируют рынок, не позволяя ему

развиваться успешно. В этих условиях возрастает значение грамотного государственного регулирования алкогольного рынка.

Большую роль в истории потребления алкоголя в России сыграли государственные антиалкогольные кампании, наиболее известной из которых является советская кампания 1980-х гг., начавшаяся в 1985 г. с целью преодоления пьянства и алкоголизма, искоренения самогонварения. Преследовавшая, по сути своей, благие намерения, данная кампания проводилась путем ликвидации производства алкогольных напитков, что привело лишь к значительному сокращению доходов производителей, снижению поступлений в бюджет, истреблению целого ряда виноградников и ценных сортов винограда. При этом резкий экономический урон не компенсировался снижением потребления алкоголя, которое просто перешло в неформальный сектор. По мнению автора, кампания, основанная на уничтожении производства, априори не может стать основой для сокращения потребления, так как не затрагивает глубинные причины пьянства в России, а лишь создает дефицит продукции и способствует развитию теневого рынка. По словам специалистов, несмотря на имевшее место некоторое сокращение показателей пьянства в России, сопутствовавшие антиалкогольной кампании 1985 г. проблемы говорят о ее «неэффективности, нецелесообразности и экономической несостоятельности» [15, с. 161].

По-другому подошел к проблеме потребления алкоголя Дмитрий Медведев, будучи еще президентом России. 2009 год стал началом «новой алкогольной политики» — нового витка мер воздействия государства на алкогольный рынок. К таким мерам можно отнести создание Федеральной службы по регулированию алкогольного рынка, изменение требований Роспотребнадзора к качеству сырья для производства алкогольной продукции, разработка концепции национальной алкогольной политики, а также меры по повышению качества жизни населения, профилактике алкоголизма и пропаганде здорового образа жизни. Однако и в на-

Таблица 2

Динамика производства вина в России за 2010–2015 гг.

Источник: [5]

Тип вина	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Вина столовые	45,10	40,20	36,70	33,40	35,00	40,10
Вина игристые и шампанские	22,00	22,00	20,50	17,20	16,30	16,10

стоящее время регулирующее воздействие государства на потребление алкоголя сводится в основном к ограничительно-запретительным мерам административного характера в рамках Федерального закона № 171-ФЗ от 22.11.1995 г. (со всеми изменениями). Среди них: установление требований к производству и обороту алкогольной продукции, процедуре лицензирования и налогообложения производителей, осуществление мер контроля за производством и оборотом алкоголя и привлечения к ответственности нарушителей закона.

К сожалению, из поля зрения государственной алкогольной политики зачастую выпадают экономические методы, среди которых наиболее перспективными являются стимулирование отечественных производителей вина, повышение их конкурентоспособности за счет налоговых преференций и льгот, предоставления субсидий и других форм помощи, оптимизации ценовой политики и т. д. Существующие меры государственной поддержки винодельческой отрасли оказываются недостаточными для ее успешного развития. Вопреки мнению, распространенному среди сторонников жестких запретов, развитие виноделия не вызывает рост алкоголизма, а наоборот, способствует насыщению рынка качественной продукцией, вытеснению фальсификата и уменьшению «градуса» потребления, что в разы снижает угрозу здоровью граждан. Александр Ткачев, губернатор Кубани (винной житницы России) в 2011 г., а ныне министр сельского хозяйства России, назвал виноделие отраслью, требующей развития и способствующей искоренению алкоголизма [16, с. 52]. Рост отечественного винного производства — прямая предпосылка создания рабочих мест, развития

новых пищевых технологий и увеличения поступлений в бюджет. Расширение ассортимента вин за счет слабоалкогольных, формирование культуры современного винопития также будут снижать остроту проблемы алкоголизации населения, одновременно с этим диверсифицируя рынок и удовлетворяя самый изысканный потребительский спрос.

Развитие отрасли потребует совершенствования законодательства, создания центров отраслевых технологий, развития методов оценки качества продукции на основе мировых стандартов, налаживания логистической системы, включающей хранение и доставку сырья и готовой продукции, формирования системы сбыта и совершенствования организации оборота алкоголя, а также многого другого. Учитывая достаточно жесткую конкуренцию со стороны иностранных производителей вина даже в условиях роста цен на их продукцию, необходимо как можно скорее дать российским виноделам возможности расширить свою нишу на российском алкогольном рынке с тем, чтобы потребитель смог отождествить понятия «вино российского производства» и «лучшая продукция на рынке» вне зависимости от «градуса» и ценового сегмента — от люксовой продукции до недорогих столовых вин. Ведь одной из главных задач повышения конкурентоспособности любой отрасли является протекционизм [17, с. 100], нацеленный на развитие предпринимательства, здоровой конкуренции и сбалансированного регионального рынка [18].

Таким образом, новая экономическая реальность предоставляет российскому алкогольному рынку уникальную возможность реализации значительного потенциала роста. И мировой опыт, и бо-

гатая российская история показывают, что потребление алкоголя в условиях роста и технологичности отечественного производства алкогольных напитков (прежде всего, вина), повышения качества и расширения ассортимента продукции, наряду с грамотной ценовой и налоговой политикой, формирует здоровую конъюнктуру на рынке, характеризующуюся отсутствием ажиотажных состояний, дефицита и неконтролируемых скачков цен. Это, в свою очередь, приводит к исчезновению теневых рынков и фальсифицированной продукции, и в конечном итоге способствует снижению степени алкоголизации населения.

юнктуру на рынке, характеризующуюся отсутствием ажиотажных состояний, дефицита и неконтролируемых скачков цен. Это, в свою очередь, приводит к исчезновению теневых рынков и фальсифицированной продукции, и в конечном итоге способствует снижению степени алкоголизации населения.

Литература

1. Жук А. А., Кизилова Е. А. Российский рынок алкогольной продукции: институциональный анализ, выводы, предложения // *Journal of Economic Regulation*. 2013. Т. 4. № 3. С. 47–57.
2. Рейтинг стран мира по уровню потребления алкоголя. Гуманитарная энциклопедия // Центр гуманитарных технологий, 2006–2016 (последняя редакция: 08.10.2016). <http://gtmarket.ru/ratings/rating-countries-alcohol-consumption/info>
3. Глобальный доклад ВОЗ о положении в области алкоголя и здоровья (2011), (2014) // Официальный сайт Всемирной организации здравоохранения. http://www.who.int/substance_abuse/publications/global_alcohol_report/
4. Динамика потребления населения России в условиях кризиса. Бюллетень социально-экономического кризиса в России. Вып. 4. Аналитический центр при Правительстве РФ, 2015. 24 с.
5. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics
6. В России составили рейтинг алкоголизации регионов // *Известия*. 2015. 23 нояб.
7. Корнекова С. Ю., Байкова Е. В. Потребление алкогольной продукции в современной России: региональный уровень // *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*. 2016. № 2 (98). С. 85–89.
8. Основные направления налоговой политики на 2015 год и плановый период 2016 и 2017 годов (одобрены Правительством РФ 01.07.2014) // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_126727/
9. Официальный сайт Центра исследований федерального и регионального рынков алкоголя. <http://www.cifrra.info/articles/158/1573>
10. Мартыненко П. А., Рошина Я. М. Структура потребления алкоголя как индикатор социальной группы в современных российских городах // *Экономическая социология*. 2014. Т. 15. № 1. С. 20–42.
11. Модебадзе Н. П., Токумаев О. Н. Социально-экономические аспекты формирования культуры потребления алкоголя в России // *Сибирская финансовая школа*. 2015. № 2 (109). С. 9–13.
12. В 2015 году от алкоголя умерли полмиллиона россиян // Информационный портал Lenta.ru. <https://lenta.ru/news/2016/01/19/alcohol1>
13. Импортозамещение: южнороссийские виноделы используют кризис для укрепления позиций // *Пищевая индустрия*. 2015. № 2 (24). С. 34–35.
14. Чернова Д. В., Солодов И. О. Основные направления регулирования рынка вина в условиях импортозамещения // *Стратегия устойчивого развития регионов России*. 2016. № 34. С. 68–82.
15. Фоминых С. С. Регулирование винодельческой промышленности Крыма в 1986–1990 гг. Антиалкогольная кампания // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки*. 2015. Т. 1. № 2 (67). С. 155–162.
16. Миронова Т. Н. Российский рынок виноделия в условиях ВТО // *Агропродовольственная политика России*. 2013. № 2. С. 51–53.
17. Ворожбит О. Ю., Осипов В. А., Тонких А. И. Конкурентоспособность экономических систем. Монография. Владивосток: Владивостокский гос. ун-т экономики и сервиса, 2011. 124 с.
18. Кушнарева О. Регулирование общественного благосостояния: региональный уровень // *Проблемы теории и практики управления*. 2008. № 2. С. 29–35.

References

1. Zhuk A. A., Kizilova E. A. Rossiiskii rynek alkogol'noi produkcii: institucional'nyi analiz, vyvody, predlozheniya // Journal of Economic Regulation. 2013. V. 4. № 3. P. 47–57. (in Russian)
2. Reiting stran mira po urovnyu potrebleniya alkogolya. Gumanitarnaya enciklopediya // Centr gumanitarnykh tehnologiy, 2006–2016 (poslednyaya redakciya: 08.10.2016). <http://gtmarket.ru/ratings/rating-countries-alcohol-consumption/info> (in Russian)
3. Global'nyi doklad VOZ o polozenii v oblasti alkogolya i zdorov'ya (2011), (2014) // Oficial'nyi sait Vsemirnoi organizacii zdavoohraneniya. http://www.who.int/substance_abuse/publications/global_alcohol_report/ (in Russian)
4. Dinamika potrebleniya naseleniya Rossii v usloviyah krizisa. Byulleten' social'no-ekonomicheskogo krizisa v Rossii. Iss. 4. Analiticheskii centr pri Pravitel'stve RF, 2015. 24 p. (in Russian)
5. Oficial'nyi sait Federal'noi slujby gosudarstvennoi statistiki. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics (in Russian)
6. V Rossii sostavili reiting alkogolizacii regionov // Izvestiya. 2015. 23 Nov. (in Russian)
7. Kornekova S. Yu., Baikova E. V. Potreblenie alkogol'noi produkcii v sovremennoi Rossii: regional'nyi uroven' // Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta. 2016. № 2 (98). P. 85–89. (in Russian)
8. Osnovnye napravleniya nalogovoi politiki na 2015 god i planovyi period 2016 i 2017 godov (odobreny Pravitel'stvom RF 01.07.2014) // Oficial'nyi sait kompanii "Konsul'tantPlyus". http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_126727/ (in Russian)
9. Oficial'nyi sait Centra issledovaniy federal'nogo i regional'nogo rynkov alkogolya. <http://www.cifrra.info/articles/158/1573> (in Russian)
10. Martynenko P. A., Roschina Ya. M. Struktura potrebleniya alkogolya kak indikator social'noi gruppy v sovremennykh rossiiskikh gorodah // Ekonomicheskaya sociologiya. 2014. V. 15. № 1. P. 20–42. (in Russian)
11. Modebadze N. P., Tokumaev O. N. Social'no-ekonomicheskie aspekty formirovaniya kul'tury potrebleniya alkogolya v Rossii // Sibirskaya finansovaya shkola. 2015. № 2 (109). P. 9–13. (in Russian)
12. V 2015 godu ot alkogolya umerli polmilliona rossiyan // Informacionnyi portal Lenta.ru. <https://lenta.ru/news/2016/01/19/alcohol1> (in Russian)
13. Importozameschenie: yujnorossiiskie vinodely ispol'zuyut krizis dlya ukrepleniya pozicii // Pischevaya industriya. 2015. № 2 (24). P. 34–35. (in Russian)
14. Chernova D. V., Solodov I. O. Osnovnye napravleniya regulirovaniya rynka vina v usloviyah importozamescheniya // Strategiya ustoychivogo razvitiya regionov Rossii. 2016. № 34. P. 68–82. (in Russian)
15. Fominyh S. S. Regulirovanie vinodel'cheskoi promyshlennosti Kryma v 1986–1990 gg. Antialkogol'naya kampaniya // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernad'skogo. Yuridicheskie nauki. 2015. V. 1. № 2 (67). P. 155–162. (in Russian)
16. Mironova T. N. Rossiiskii rynek vinodeliya v usloviyah VTO // Agroproduovol'stvennaya politika Rossii. 2013. № 2. P. 51–53. (in Russian)
17. Vorobjit O. Yu., Osipov V. A., Tonkih A. I. Konkurentosposobnost' ekonomicheskikh sistem. Monografiya. Vladivostok: Vladivostokskii gos. un-t ekonomiki i servisa, 2011. 124 p. (in Russian)
18. Kushnareva O. Regulirovanie obschestvennogo blagosostoyaniya: regional'nyi uroven' // Problemy teorii i praktiki upravleniya (J. Theoretical and Practical Aspects of Management). 2008. № 2. P. 29–35. (in Russian)

ИНВЕСТИЦИИ И ИННОВАЦИИ

Оценка уровня показателей инновационного развития российской экономики

Об авторе

Ярослав Овчаренко

кандидат экономических наук, доцент

*Российский государственный аграрный университет — МСХА имени К. А. Тимирязева, Калужский филиал
248007, г. Калуга, ул. Вишневого, 27
sonado@mail.ru*

Ключевые слова

инновации, инновационная деятельность, инновационные товары, научные исследования

Основные тезисы

- В состав показателей, характеризующих уровень инновационного развития и инновационной деятельности входят такие, как число созданных передовых производственных технологий в расчете на 10 тыс. чел. населения, доля инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме реализованных товаров и др.
- Расчет ряда показателей свидетельствует о благоприятных тенденциях развития инновационной деятельности (например, объемы финансирования науки из бюджета, удельный вес инновационных товаров).
- Важнейшие показатели, такие как отношение расходов на науку к ВВП, структура затрат на исследования по отраслям — скорее, говорят об отставании российской экономики по уровню инновационной активности и о нерациональной структуре затрат на исследования и разработки.

Важность осуществления перехода к инновационному пути развития в настоящий период не вызывает сомнений. Глобальные экономические проблемы диктуют необходимость обеспечения экономической безопасности стра-

ны, требуют того, чтобы государство снижало свою зависимость от внешне-экономических факторов. Современная экономическая ситуация свидетельствует о том, что российской экономике к настоящему моменту не удалось избавиться от сырьевой зависимости, следовательно

Просьба
заменить
фотографию
из-за плохого
качества

падение мировых цен на сырье привело к глубокому кризису. Российские предприятия не использовали благоприятный период экономического роста для того, чтобы провести технологическое обновление и стать конкурентоспособными в различных отраслях, а не только в сырьевом секторе. Следовательно, необходимым условием обеспечения устойчивого развития российской экономики является перевод ее на инновационный путь, причем важной задачей при этом является анализ и оценка достигнутых результатов.

В настоящей статье автор приводит анализ данных, характеризующих уровень инновационной активности в Российской Федерации в динамике за последние 15 лет с помощью ряда показателей, характеризующих инновационную деятельность. Для обеспечения анализа инновационного развития прежде всего необходимо определить состав показателей, уровень которых будет оцениваться в ходе исследования.

Например, М. М. Ковалев и А. А. Шашко предлагают разделять показатели на четыре группы [1].

К первой группе следует относить ряд индексов, характеризующих ресурсное обеспечение инновационной деятельности, например количество организаций, занимающихся научно-исследовательской деятельностью, уровень подготовки кадров исследователей, финансирование науки и научно-технических разработок предприятий и др. Данные показатели свидетельствуют об имеющейся научной базе и инновационном потенциале региона или экономики в целом.

Ко второй группе относится ряд показателей, характеризующих инновационную инфраструктуру, например состав элементов инфраструктуры, особенности их размещения и уровень развития, уровень конкуренции в сфере обеспечения инновационной деятельности. Данные показатели указывают на имеющиеся возможности инновационного развития и обеспечение инновационных процессов необходимыми ресурсами.

К третьей группе показателей относятся ключевые показатели, характери-

зующие достигнутый уровень развития инновационной деятельности. При этом оценивается степень задействования ресурсов и инновационного потенциала, а также определяется результативность использования инновационного потенциала и отдача от ресурсов. Такие показатели наиболее полно свидетельствуют об эффективности инновационной деятельности в регионе или экономике в целом.

В последнюю, четвертую группу показателей можно включить те из них, которые говорят об изменениях в инновационных процессах за какой-либо период, а также наметившихся тенденциях в инновационной деятельности. То есть показатели носят динамический характер.

К числу наиболее распространенных показателей, используемых в анализе инновационной деятельности, относятся, например, такие показатели, как:

- удельный вес организаций, осуществляющих инновации, в общем числе организаций;
- число созданных передовых производственных технологий в расчете на 10 тыс. чел. населения;
- доля инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме реализованных товаров;
- число использованных передовых технологий;
- внутренние затраты на научные исследования и разработки;
- число организаций в регионе, занимающихся инновационной деятельностью, и другие [2–4].

В рамках настоящего исследования остановимся на анализе следующих показателей, оцениваемых в динамике:

- объемы финансирования науки государством;
- удельный вес инновационных товаров в общем объеме отгруженных товаров, в том числе в региональном разрезе;
- состав и структура организаций, ведущих инновационную деятельность.

Очевидно, что инновационные разработки могут создаваться на основе соответствующей научно-исследовательской базы. Поэтому одним из важнейших

показателей такого рода, в том числе характеризующим значимость для государства научной сферы и его внимание к развитию науки, является объем финансирования науки из средств федерального бюджета (табл. 1).

Из данных таблицы следует, что за период с 2000 по 2015 г. расходы федерального бюджета на науку увеличились более чем в 25 раз. При этом в основном росли расходы на прикладные исследования (более чем в 34 раза за тот же период), тогда как финансирование фундаментальных исследований увеличилось в 14 раз, что является весьма существенным [5].

Это является, безусловно, положительной тенденцией, однако более наглядными показателями могут считаться расходы на науку по отношению к общим расходам федерального бюджета, а также по отношению к валовому внутреннему продукту. Первый из указанных показателей увеличился с 1,69 % в 2000 г. до 2,95 % в 2015 г., а второй — с 0,24 % в 2000 г. до 0,61 % в 2015 г. Несмотря

на положительную динамику, по соотношению затрат на науку к ВВП Россия существенно отстает от ведущих стран мира. Так, для сравнения можно привести данные по ведущим государствам мира: в Израиле этот показатель составляет 4,4 %, Финляндии — 3,8 %, Корею — 4,0 %, Швеции — 3,4 %, Японии — 3,4 %, США — 2,8 %, Китае — 1,8 %.

Но сами по себе расходы на науку не дают окончательного понимания того, насколько успешно ведется инновационная деятельность в силу таких причин, как, например, эффективность использования выделяемых средств.

Так, в опубликованном агентством Bloomberg рейтинге стран с инновационной экономикой Россия заняла 12-е место, выделившись среди других стран по такому показателю, как, например, доля выпускников с высшим инженерно-техническим и научным образованием. На наш взгляд, показатель носит спорный характер, поскольку выпускать специалистов и задействовать их в создании

Таблица 1

Финансирование науки из средств федерального бюджета

Источник: составлено автором по [5]

Показатель	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2015 г. в % к 2000 г.
Расходы на гражданскую науку из средств федерального бюджета, млн руб.	17 396,4	76 909,3	237 644,0	437 273,3	2 513,6
В том числе на:					
• фундаментальные исследования, млн руб.	8 219,3	32 025,1	82 172,0	121 599,5	1 479,4
• прикладные научные исследования, млн руб.	9 177,1	44 884,2	155 472,0	315 673,8	3 439,8
В процентах к:					
• расходам федерального бюджета	1,69	2,19	2,35	2,95	1,75 (+1,26)
• валовому внутреннему продукту	0,24	0,36	0,51	0,61	2,54 (+0,37)

инновационных разработок — это не одно и то же.

Поэтому целесообразно привести уточняющие показатели, характеризующие результативность инновационной деятельности. Одним из них является показатель внутренних затрат на исследования и разработки (табл. 2). Внутренние затраты выполняются собственными силами отчитывающейся организации в течение отчетного года, независимо от источника финансирования, в их составе различают текущие и капитальные затраты. Данный показатель очень важен с точки зрения оценки того, насколько предприниматели осознают необходимость перехода на инновационный путь развития как на единственно верный, обеспечивающий конкурентоспособность в долгосрочном периоде [6].

Наиболее впечатляющим выглядит изменение показателя внутренних затрат на научные исследования и разработки в фактически действовавших ценах — более чем в 11 раз за период с 2000 по 2015 г. Если оценивать показатель в фиксированных (постоянных) ценах 1989 г., то изменение не столь значительно — примерно в 2,3 раза. Однако при анализе указанных выше показателей

не учитывается, что масштабы экономической активности также изменялись, поэтому данный показатель не самый оптимальный.

Следовательно, более наглядным является отношение внутренних затрат на научные исследования и разработки к величине валового внутреннего продукта. Здесь изменение незначительно — с 1,05 % ВВП в 2000 г. до 1,19 % в 2015 г.

Таким образом, на каждый рубль ВВП приходилась почти одинаковая величина внутренних затрат на исследования.

Это говорит о сохранении сиюминутных предпочтений предпринимателей и инвесторов, рассматривающих затраты на инновации как рискованные вложения, и стремящихся не к обеспечению долгосрочного устойчивого развития своих предприятий, а к максимизации прибыли в кратчайшие сроки, пусть и с потерей конкурентоспособности в дальнейшем.

Весьма целесообразно оценить структуру внутренних затрат на научные исследования и разработки с целью выявления основных направлений таких затрат (табл. 3).

Наибольший удельный вес по показателю внутренних затрат на исследования и разработки в структуре отраслей

Таблица 2

Внутренние затраты на научные исследования и разработки по Российской Федерации
Источник: составлено автором по [5]

Показатель	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2015 г. в % к 2000 г.
Внутренние затраты на научные исследования и разработки:					
• в фактически действовавших ценах, млн руб.	76 697,1	230 785,2	523 377,2	847 527,0	1 105,0
• в постоянных ценах 1989 г., млн руб.	3,32	4,54	5,72	7,59	228,6
• в процентах к валовому внутреннему продукту	1,05	1,07	1,13	1,19	1,13 (+0,14)

Таблица 3

Структура внутренних затрат на научные исследования и разработки

Источник: составлено автором по [5]

Показатель	2010 г., млн руб.	Структура затрат в 2010 г., в % к итогу	2015 г., млн руб.	Структура затрат в 2015 г., в % к итогу
Внутренние затраты на научные исследования и разработки, всего	523 377,2	100,0	847 527,0	100,0
В том числе по видам экономической деятельности:				
• сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	253,9	0,048	430,2	0,05
• обрабатывающие производства	21 372,4	4,1	41 125,1	4,8
• транспорт и связь	143,8	0,03	6 169,7	0,7
• операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	455 185,4	87,0	713 774,6	84,2
Из них:				
• научные исследования и разработки	447 596,7	85,5	702 052,2	82,8
• образование	39 254,1	7,5	80 366,3	9,5
• здравоохранение и предоставление социальных услуг	4 758,1	0,9	2 401,1	0,3
• предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	2 345,2	0,4	3 200,8	0,4

занимают операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг.

В соответствии с Подразделом КА «Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг» (введен Изменением 1/2007 ОКВЭД, утв. Приказом Ростехрегулирования от 22.11.2007 № 329-ст) к указанному виду деятельности относятся такие виды, как деятельность, связанная с использованием вычислительной техники и информационных технологий, научные исследования и разработки в различных областях и другие.

Сложившаяся структура затрат говорит о том, что отрасли реального сектора экономики, более всего нуждающиеся во внедрении инновационных разработок, занимают меньший удельный вес в структуре внутренних затрат. То есть предприятия реального сектора (промышленность, сельское хозяйство) развиваются в основном экстенсивным путем, без использования инноваций, что негативно сказывается на их конкурентоспособности по сравнению с иностранными предприятиями. На внутреннем рынке такая ситуация для отечественных пред-

приятный выглядит приемлемой, поскольку низкий курс рубля автоматически делает российскую продукцию более конкурентоспособной в силу разницы в ценах. Следовательно, у отечественных производителей становится еще меньше стимулов к использованию инноваций в своей деятельности, поскольку прибыль возможно получать и без них. Внутренняя же конкуренция также не является достаточным стимулом из-за высокой монополизации товарных рынков. Все эти условия не способствуют переходу отечественных предприятий к более активному использованию достижений науки и техники.

Еще одним значимым показателем, свидетельствующим об уровне инновационной деятельности, является количество организаций, ведущих инновационную деятельность. Общее число таких организаций за период с 2000 по 2015 гг. сократилось на 12,1 % (табл. 4). Преобладают в структуре научно-исследовательские организации, а также образовательные учреждения высшего образования — то есть те организации, для которых исследования являются основным видом деятельности. Однако у таких организаций далеко не всегда наблюдается связь с практической деятельностью, и внедрение их достижений затруднено.

Изменения за рассматриваемый период состояли в следующем: увеличилось количество опытных заводов — на 60,6 %, конструкторских бюро — на 4,1 %, а также образовательных учреждений высшего образования — на 72,1 %. Заметное сокращение претерпели научно-исследовательские организации, а также проектные и проектно-исследовательские организации. Данные таблицы также говорят о том, что доля промышленных предприятий, занимающихся научными исследованиями, невелика и составляет 7,4 % от общего количества научных организаций. Это является следствием высокой нестабильности экономической ситуации, в условиях которой инвесторы не видят перспектив в долгосрочных вложениях, какими, безусловно, являются затраты на исследования.

Как известно, значительная часть исследований не находят применения

в практической деятельности, следовательно затраты на них не приносят отдачи.

Именно промышленные предприятия, ведущие инновационную деятельность, должны становиться связующим звеном между фундаментальной наукой, прикладными исследованиями и их внедрением в производство. Если этого не происходит, ограничиваются возможности по более широкому использованию достижений инновационной деятельности в экономике, экономические субъекты ориентируются в основном на сиюминутные выгоды и еще больше усугубляют свое отставание от ведущих мировых производителей [7].

Важность увеличения количества предприятий, ведущих инновационную деятельность, подтверждается, например, тем, что один из мировых лидеров в области инноваций, Финляндия, стала первой страной, принявшей концепцию национальной инновационной системы как основного элемента политики в сфере науки и технологий. На практике это означало увеличение количества предприятий, в основе деятельности которых лежали инновации и ноу-хау, а также укрепление организаций, занимающихся исследовательской деятельностью. Основное место в финской системе финансирования инновационного развития занимают государственные фонды поддержки науки и разработки технологий [8, 9].

Поэтому те показатели экономического роста, которых регион достиг в последние годы, объясняются воздействием экстенсивных факторов, количественным наращиванием уже имеющихся производств и технологий без их совершенствования. В то же время о перспективах такого пути можно говорить с определенными сомнениями: если нет отдачи от инновационной деятельности, как в дальнейшем обеспечить успешное развитие экономики региона и ее конкурентоспособность? Только внедрение результатов инновационной деятельности поможет региональной экономике и экономике страны в целом преодолеть отставание от ведущих государств и стать конкурентоспособной не только в сырьевом секторе, но и в других отраслях.

Таблица 4

Состав и структура организаций, ведущих инновационную деятельность

Источник: составлено автором по [5]

Показатель	2000 г.	2015 г.	2015 г. в % к 2010 г.	Структура организаций в 2015 г., в % к итогу
Число организаций, всего	4099	3605	87,9	100,0
В том числе:				
• научно-исследовательские организации	2686	1719	64,0	47,7
• конструкторские бюро	318	331	104,1	9,2
• проектные и проектно-исследовательские организации	85	33	38,8	0,9
• опытные заводы	33	53	160,6	1,5
• образовательные учреждения высшего образования	390	671	172,1	18,6
• промышленные организации, имевшие научно-исследовательские, проектно-конструкторские подразделения	284	266	93,7	7,4
• прочие	303	532	175,6	14,7

Выводы

Оценку уровня развития инновационной деятельности и ее эффективности необходимо проводить с использованием соответствующих показателей, к которым можно отнести: удельный вес организаций, осуществляющих инновации, в общем числе организаций; число созданных передовых производственных технологий в расчете на 10 тыс. чел. населения; долю инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме реализованных товаров и другие. Полученные значения указанных показателей носят разнонаправленный характер. С одной стороны,

ряд показателей говорит о благоприятных тенденциях развития инновационной деятельности (например, объемы финансирования науки из бюджета, удельный вес инновационных товаров). С другой — важнейшие показатели, такие как отношение расходов на науку к ВВП, структура затрат на исследования по отраслям — скорее, говорят об отставании российской экономики по уровню инновационной активности, о нерациональной структуре затрат на исследования и разработки и о неравномерности развития инновационной деятельности по отраслям и сферам деятельности.

Литература

1. Ковалев М., Шашко А. Развитие инновационного потенциала регионов Республики Беларусь // Вестник Ассоциации белорусских банков. 2004. № 38–39 (298–299). С. 24–32.
2. Завлин П. Н., Васильев А. В. Оценка эффективности инноваций. СПб.: Бизнес-пресса, 1998. 216 с.
3. Еремкин В. А. Проблемы разработки индикаторов для оценки уровня инновационного развития экономики // Теоретическая экономика. 2012. № 3. С. 56–62.
4. Овчаренко Я. Э. Оценка инновационного потенциала Калужской области // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. Вып. 4. Ч. I. Тула: Изд-во ТулГУ, 2015. С. 49–56.
5. Российский статистический ежегодник. 2015: статистический сборник. М.: Росстат, 2015. 694 с.
6. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Вып. 3 / Под ред. Л. М. Гохберга. М.: НИУ ВШЭ, 2015. 248 с.
7. НИУ ВШЭ: разрыв между регионами РФ в индексе инновационного развития сократился. <http://d-russia.ru/niu-vshe-razryv-mezhdu-regionami-rf-v-indekse-innovacionnogo-razvitiya-sokratilsya.html> (дата обращения 15.09.2016)
8. Новицкий, Н. А. Современные проблемы инвестирования инновационной индустрии России // Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте. Сер. 1: Экономика и управление. 2013. № 1.
9. Модернизация и конкурентоспособность российской экономики: монография / Под ред. д. э. н. И. Р. Курнышевой, д. э. н. И. А. Погосова; науч. ред. С. Н. Сильвестров. СПб.: Алетейя, 2010. С. 151.

References

1. Kovalev M., Shashko A. The Development of innovative potential of regions of the Republic of Belarus. Bulletin of the Association of Belarusian banks. 2004. № 38–39 (298–299). S. 24–32. (in Russian)
2. Zavlin P. N., Vasil'ev A. V. Assessment of efficiency of innovations. SPb.: Business press, 1998. 216 p. (in Russian)
3. Eremkin V. A. Problems of development of indicators for assessing the level of innovation development of the economy. Theoretical Economics. 2012. № 3. P. 56–62. (in Russian)
4. Ovcharenko J. E. Evaluation of innovative capacity of the Kaluga region. Izvestiya TulGU. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki. V. 4. Pt. I. Tula: Izd-vo Tulgu, 2015. P. 49–56. (in Russian)
5. Russian statistical Yearbook. 2015: a statistical compendium. M.: Rosstat, 2015. 694 p. (in Russian)
6. The rating of innovative development of subjects of the Russian Federation. Iss. 3 / Ed. by L. M. Gokhberg. M.: Higher School of Economics, 2015. 248 p. (in Russian)
7. HSE: the gap between the regions of Russia on the innovative development index fell. <http://d-russia.ru/niu-vshe-razryv-mezhdu-regionami-rf-v-indekse-innovacionnogo-razvitiya-sokratilsya.html> (accessed 15.09.2016) (in Russian)
8. Novitsky N. Modern problems of investment innovation industry in Russia // Vestnik Moskovskogo universiteta imeni S. Yu. Vitte. Ser. 1: Economics and management. 2013. № 1. (in Russian)
9. Modernization and competitiveness of the Russian economy: monograph / Ed. by I. R. Kurnysheva, I. A. Pogosov; S. N. Silvestrov. SPb.: Aleteya, 2010. P. 151. (in Russian)

ПРЕДПРИЯТИЕ

Усиление конкурентных позиций промышленного предприятия в условиях макроэкономической нестабильности*

Об авторах

Уральский федеральный университет имени
Б. Н. Ельцина
620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19

Наталья Кельчевская

*доктор экономических наук, профессор,
заслуженный работник Высшей
школы РФ, заведующая кафедрой*
n.r.kelchevskaya@ustu.ru

Галина Исмагилова

кандидат экономических наук, доцент
g.v.ismagilova@urfu.ru

Ключевые слова

конкурентоспособность, рынок цветных металлов, финансовый кризис, драгоценные металлы, оценка конкурентоспособности, технологические преимущества

Основные тезисы

- Правильно выбранные методы оценки конкурентоспособности позволяют выстроить стратегию конкурентного поведения предприятия.
- Высокие стандарты качества продукции из драгоценных металлов создают барьеры, позволяющие только самым крупным и наиболее развитым предприятиям конкурировать на высоком уровне.
- Комплексная оценка конкурентоспособности показала, что АО «ЕЗ ОЦМ» является одним из ведущих предприятий, качество его продукции признано во всем мире.

* На примере АО «Екатеринбургский завод по обработке цветных металлов».

Разрабатывая конкретные мероприятия по повышению устойчивости, предприятия в текущее время вынуждены работать в ситуации с высоким уровнем неопределенности, вызванным финансовым кризисом, а также политическими событиями. В связи с этим менеджмент организации все чаще обращается к анализу конкурентоспособности. При этом важен как взвешенный анализ негативных трендов и проблем, с ними связанных, так и понимание конкурентных преимуществ, которые можно задействовать в антикризисной политике.

Проблема оценки конкурентоспособности предприятия является сложной и комплексной. В экономической литературе выделяются следующие методы оценки конкурентоспособности предприятия: оценка с позиции сравнительных преимуществ, с позиции теории равновесия, исходя из теории эффективности конкуренции, на базе качества продукции, профили требований и полярности, матричный метод, построение «гипотетического многоугольника конкурентоспособности» [1]. Правильно выбранные методы оценки конкурентоспособности позволяют выявить ключевые критерии, источники и факторы, позволяющие выстроить стратегию конкурентного поведения предприятия в целях усиления его конкурентной позиции [2].

Проявления мирового финансового кризиса предопределили высокий уровень нестабильности на рынках драгоценных металлов. В сложившихся условиях участникам рынка приходится учитывать формирующиеся тенденции для осуществления адекватного реагирования при изменении условий внешней среды, в том числе превосходить или правильно отвечать на действия конкурентов. Для этого необходимо осознать, как распределены конкурентные силы в отрасли, кто доминирует на рынке и ставит под угрозу дальнейшую стабильную деятельность других предприятий [3, 4].

В России переработка драгоценных металлов осуществляется заводами в соответствии с Федеральным законом № 414-ФЗ от 15.05.2013 г. В настоящее время данный вид деятельности

имеют право осуществлять 11 российских производителей. Высокие стандарты качества продукции из драгоценных металлов создают своего рода барьеры, позволяющие только самым крупным и наиболее развитым предприятиям конкурировать на высоком уровне. Среди российских аффинажных заводов в список «Acceptable Melters and Assayers» включены восемь производителей [5]:

- ОАО «Красцветмет», г. Красноярск (золото, серебро, платина, палладий);
- АО «Приокский завод цветных металлов» (золото, серебро, палладий);
- АО «Екатеринбургский завод по обработке цветных металлов» («ЕЗ ОЦМ») (золото, серебро, платина, палладий);
- ОАО «Новосибирский аффинажный завод» (золото, серебро);
- ОАО «Колымский аффинажный завод» (золото, серебро);
- АО «Уралэлектромедь» (золото, серебро);
- АО «Шелковский завод вторичных драгоценных металлов» (золото, серебро);
- ФГУП «Московский завод по обработке специальных сплавов» (золото).

Таким образом, среди признанных в России производителей только два предприятия имеют статус «Good Delivery» по всем четырем благородным металлам. Это АО «ЕЗ ОЦМ» и ОАО «Красцветмет».

В масштабах мирового производства в список поставщиков слитков стандарта «Good Delivery» из золота входят более 60 производителей из 26 стран мира, слитков серебра — более 70 предприятий из 24 стран, а также 27 компаний из 10 стран в списке надежных поставщиков слитков платины и 27 компаний из 9 стран — слитков палладия. Российские заводы присутствуют во всех списках LMBA и LPPM [6, 7].

Ведущими мировыми компаниями в области переработки и изготовления продукции из драгоценных металлов являются «JohnsonMatthey» (Великобритания), «Heraeus» (Германия), «Umicore» (Бельгия).

При оценке конкурентоспособности приходится учитывать тот факт, что большинство иностранных предприятий от-

расли являются частью крупных холдингов, публикующих сведения о финансовых результатах в форме консолидированной отчетности по всем видам деятельности, что делает информацию несопоставимой для сравнения с данными российских предприятий.

На российском рынке АО «ЕЗ ОЦМ» является пионером в деле освоения новых направлений производства и технологий драгоценных металлов, участвует в создании новых предприятий, входит в число лидеров сферы производства и обработки золота, серебра и металлов платиновой группы. АО «ЕЗ ОЦМ», входящее в группу компаний «Ренова», осуществляет полный комплекс работ по аффинажу, переработке и изготовлению промышленных изделий из золота, серебра, платины, палладия, родия, иридия, рутения [8]. Основными видами продукции являются катализаторные сетки для предприятий азотной промышленности, стеклоплавильные устройства (СПУ), прокат, химические соединения, драгоценные металлы в аффинированном виде (порошки, гранулы, слитки), термоэлектронная проволока (ТЭП). Наибольшую долю российского рынка предприятие занимает по катализаторным сеткам (около 40%), у «ЕЗ ОЦМ» высока доля рынка по прокату (29%) и СПУ (16%).

Среди признанных производителей со статусом «Good Delivery» основными конкурентами, занимающими серьезные доли по рассмотренным видам продукции на российском рынке, являются АО «Красцветмет» и АО «НПК „Суперметалл“».

АО «НПК „Суперметалл“» является опытным металлообрабатывающим предприятием России, выступает по отдельным товарным позициям конкурентом АО «ЕЗ ОЦМ» на российском рынке. В настоящее время партнерами и заказчиками «НПК „Суперметалл“» являются как отечественные, так и зарубежные компании. Однако в целом «НПК „Суперметалл“» в большей мере является лабораторным научно-производственным комплексом, реализующим лицензии на передачу современных технологий производства драгоценных металлов. Производственный же потенциал АО «НПК „Суперме-

талл“» в настоящее время гораздо ниже, чем у АО «ЕЗ ОЦМ» и АО «Красцветмет». Так, согласно данным бухгалтерской отчетности за 2014 год, чистая прибыль «НПК „Суперметалл“» достигла 9943 тыс. руб., что составляет 0,5% чистой прибыли АО «ЕЗ ОЦМ». Масштабы деятельности предприятий не сопоставимы, и АО «НПК „Суперметалл“» нельзя назвать основным конкурентом АО «ЕЗ ОЦМ». В настоящее время «НПК „Суперметалл“» следует отнести к категории вторичных конкурентов.

Помимо действия конкурентов на внутреннем рынке, следует также учитывать конкурентоспособность российских предприятий и на мировых рынках. Экспортная валютная выручка АО «ЕЗ ОЦМ» позволяет предприятию обновлять производственную базу, развивать металлообрабатывающее производство, предлагать клиентам новые продукты в том числе и для российского рынка. Начиная с 2013 года, АО «ЕЗ ОЦМ» стало активно увеличивать объемы экспорта, который за 2014 год составил более 10 млрд рублей и в большей степени (84%) был направлен в страны дальнего зарубежья. В 2014 году предприятие вышло на рынки Сингапура, Японии и США, а выручка от экспорта в страны дальнего зарубежья выросла вдвое, основную долю которой составляли доходы от торговли с резидентами Великобританией и ОАЭ. В 2015 году предприятие усилило экспансию на зарубежные рынки, начав поставки в Канаду и КНР, при этом общее число стран, закупавших продукцию АО «ЕЗ ОЦМ» в 2011–2015 гг., превысило 30.

На внешнем рынке серьезными конкурентами АО «ЕЗ ОЦМ» выступают компании «JohnsonMatthey», «Heraeus» и «Umicore». АО «Красцветмет» является конкурентом «ЕЗ ОЦМ» как на внутреннем, так и на внешнем рынке, это второй в России завод (помимо АО «ЕЗ ОЦМ»), обладающий статусом «Good Delivery» по четырем драгоценным металлам, что заставляет рассматривать его в качестве одного из сильнейших конкурентов. АО «Красцветмет» располагается в г. Красноярске и является наиболее крупным предприятием России, производящим аффи-

нированные драгоценные металлы. По некоторым видам изделий доля предприятия на рынке составляет более 50 %. Занимая устойчивую позицию на рынках, предприятие стремится к увеличению объемов производства и расширению продуктовой линейки.

Таким образом, распределение конкурентных сил в отрасли таково, что российские предприятия в последние несколько лет усиливают свое присутствие на мировых рынках и начинают выступать серьезными конкурентами для зарубежных производителей продукции из драгоценных металлов. Покупатели при приобретении продукции из аффинированных драгоценных металлов опираются прежде всего на качественные характеристики товара, его соответствие как российским, так и международным стандартам качества.

Данные о конкурентоспособности продукции российских предприятий — ближайших конкурентов (АО «ЕЗ ОЦМ» и АО «Красцветмет») представлены в табл. 1.

Таблица 1

Оценка качества продукции
Источник: составлено автором

Наименование предприятия	Количество баллов
АО «ЕЗ ОЦМ»	5
АО «Красцветмет»	5

Критерии оценки были ранжированы экспертами по их значимости. В соответствии с этим баллы распределялись следующим образом:

- 5 баллов присуждалось предприятию, которое по заказу клиентов создает авторские изделия из требуемых заказчиком сплавов, изделия нестандартных форм и размеров; предприятию, чья продукция соответствует стандартам качества «Good Delivery», а также стандартам ISO 9001:2008, при номенклатуре изделий, содержащих более 300 тыс. наименований;

- 4 балла — предприятию, чья продукция соответствует стандартам качества «Good Delivery», а также стандартам ISO 9001:2008, номенклатура которого представляет более 300 тыс. наименований изделий;
- 3 балла — предприятию, у которого часть продукции соответствует стандартам качества «Good Delivery», а также стандартам ISO 9001:2008;
- 2 балла — предприятию, продукция которого соответствует стандартам ISO 9001:2008;
- 1 балл — предприятию, продукция которого не имеет международных сертификатов соответствия качеству.

Таким образом, и АО «ЕЗ ОЦМ», и его основной конкурент АО «Красцветмет» получили высший балл как производители высококачественной продукции, конкурентоспособной на мировом рынке драгметаллов.

Еще один метод, входящий в состав комплексной оценки конкурентоспособности — метод, оценивающий общее обеспечение конкурентоспособности предприятия. Этот метод основан на оценке эффективности финансовой деятельности предприятия.

Данные о конкурентоспособности предприятий на основе анализа финансово-хозяйственной деятельности представлены в табл. 2. Критерии оценки были ранжированы экспертами по их значимости. В соответствии с этим баллы распределялись следующим образом:

Таблица 2

Оценка конкурентоспособности предприятий по результатам их финансовой деятельности
Источник: составлено автором

Наименование предприятия	Количество баллов
АО «ЕЗ ОЦМ»	5
АО «Красцветмет»	4

- 5 баллов присуждалось предприятию, показатели которого в целом по всем

критериям за исследуемый период показали положительную динамику, свидетельствовали об отсутствии предпосылок банкротства, анализ активов и пассивов которого показал положительную динамику, а финансовые результаты, показатели ликвидности и финансовой устойчивости демонстрировали позитивные показатели и общий прирост за исследуемый период;

- 4 балла — предприятию, комплексный анализ которого свидетельствовал об отсутствии предпосылок банкротства, анализ активов и пассивов показал положительную динамику, финансовые результаты, показатели ликвидности и финансовой устойчивости демонстрировали прирост за исследуемый период;
- 3 балла — предприятию, комплексный анализ которого свидетельствовал об отсутствии предпосылок банкротства, анализ активов и пассивов показал положительную динамику, финансовые результаты демонстрировали прирост за исследуемый период;
- 2 балла — предприятию, анализ активов и пассивов которого показал положительную динамику;
- 1 балл — предприятию, продемонстрировавшему снижение всех показателей за исследуемый период.

По результатам проведенного анализа показатели АО «ЕЗ ОЦМ» были оценены в 5 баллов. Анализ финансовой деятельности позволил выявить, что в 2014 году предприятие более эффективно использовало заемные средства, что сказалось на показателях финансовой устойчивости и ликвидности — они улучшились по сравнению с предыдущими периодами. В 2014 году прирост чистой выручки составил 95 %, при этом полная себестоимость реализованной продукции выросла на 111 %, что привело к тому, что прибыль от продаж дала прирост в 10 %, а чистая прибыль — в 11 %.

Из матричных методов анализа был выбран PEST-анализ, позволяющий проанализировать влияние внешних условий на деятельность компаний, поскольку

в условиях финансового кризиса сильное влияние на предприятие оказывает макроокружение, которое создает общие условия среды организации. При этом для обоих предприятий — АО «ЕЗ ОЦМ» и АО «Красцветмет» — общие условия влияния большинства внешних факторов будут идентичны. В табл. 3 приведены результаты PEST-анализа предприятий, переведенные в количественную оценку. Факторы, которые оказывают положительное воздействие, получали оценку 1, факторы, которые негативно влияют на предприятие — 0, факторы, имеющие двойственную оценку — 0,5.

Максимально возможная оценка — 17. Результаты переведены в 5-ти балльную шкалу для комплексного анализа. Баллы распределялись следующим образом:

- 5 баллов присуждалось за количество очков от 13,5 до 17;
- 4 балла — от 10 до 13,5;
- 3 балла — от 6,5 до 10;
- 2 балла — от 3 до 6,5;
- 1 балл — от 0 до 3.

АО «Красцветмет» получил 2 балла, АО «ЕЗ ОЦМ» набрал 3 балла.

Наибольшее влияние на деятельность предприятий отрасли драгоценных металлов в условиях финансового кризиса оказали политические факторы. Действие большинства из них оценивается как неблагоприятное для дальнейшего успешного развития. При этом на деятельность АО «ЕЗ ОЦМ» позитивно влияет фактор его географического расположения, действие региональных программ, а также государственное финансирование дочернего предприятия ООО «ЕЗ ОЦМ — Инжиниринг», что стало основанием для присуждения большего количества баллов АО «ЕЗ ОЦМ».

Итоги комплексной оценки конкурентоспособности представлены в табл. 4.

Результаты комплексной оценки конкурентоспособности в условиях финансового кризиса таковы, что АО «ЕЗ ОЦМ» набрало 4,33 балла, при этом лидер отрасли и основной конкурент — АО «Красцветмет» получило 3,67 балла. Максимально возможное количество баллов

Таблица 3

Влияние факторов PEST-анализа

Источник: составлено автором

Фактор	АО «ЕЗ ОЦМ»	АО «Красцветмет»
Политические факторы		
Перспективы изменения законодательства, регулирующего правила работы в отрасли	0,5	0,5
Ограничительные санкций ЕС и США	0	0
Усиление политического напряжения между Россией и странами ЕС, США	0	0
Дестабилизация политической ситуации в Украине	0,5	0,5
Экономические факторы		
Снижение темпов роста экономики	0	0
Высокие темпы роста инфляции	0	0
Ослабление рубля	0,5	0,5
Высокий уровень волатильности на рынке драгметаллов	0,5	0,5
Повышение ключевой ставки	0	0
Действие региональных программ	1	0,5
Социально-культурные факторы		
Высокие требования к качеству продукции и уровню сервиса	0,5	0,5
Тенденции к снижению среднего уровня зарплат в условиях финансового кризиса	1	1
Специфика труда на предприятиях по обработке драгоценных металлов	0,5	0,5
Технологические факторы		
Уровень инноваций и технологического развития отрасли	0,5	0,5
Доступ к новейшим технологиям	1	1
Содействие государства в области технологического оснащения отрасли	1	0,5
Итого суммарная оценка	7,5	6,5

по результатам комплексной оценки составило 5. В целом оценка АО «ЕЗ ОЦМ» говорит о высоком уровне конкурентоспособности предприятия.

Возможности предприятия оказать влияние на окружающую его внешнюю среду достаточно ограничены, однако данные о внешней среде предприятия и сопоставление их с внутренними возможностями организации помогают определить уязвимые места. Для того чтобы минимизировать влияние этих слабостей, необходимо разработать дополнительные мероприятия, которые будут способствовать усилению конкурентных преимуществ АО «ЕЗ ОЦМ».

Сопоставление АО «ЕЗ ОЦМ» с АО «Красцветмет» по факторам конкурентоспособности недостаточно, когда речь идет о компании, выходящей на мировые рынки. Если еще в начале 2011 года АО «ЕЗ ОЦМ» поставляло свою продукцию не более чем в 10 стран мира, то к концу 2015 года число стран, компании из которых импортируют продукцию Екатеринбургского завода, превысило 30. В их числе не только страны СНГ (Украина, Беларусь, Казахстан, Армения, Киргизия и т.д.), но и страны Европейского Союза (Чехия, Германия), Азии (Турция, Иран, Сингапур, Индия, Япония), а также Северной Америки (Канада, США). На мировых рынках «ЕЗ ОЦМ» вынужден конкурировать уже с признанными лидерами отрасли — «JohnsonMatthey», «Heraeus» и «Umicore». И в этой конкурентной борьбе особое значение имеет товарная стратегия компании — формирование продуктовой линейки, ассортимент, обновление и модифицирование товарных позиций. Конкурентное противостояние зачастую происходит не в плоскости ценообразования — в ход пускаются факторы неценовой конкуренции. Лидеры отрасли («JohnsonMatthey», «Heraeus» и «Umicore») уделяют особое внимание НИОКР, или R&D (Research and Development). Специально созданные дивизионы и департаменты работают над усовершенствованием существующих товарных позиций и созданием новых продуктов. Время между замыслом и выводом нового товара на рынок сокращается [9].

В связи с этим российским предприятиям, выпускающим высокотехнологичную продукцию, следует задуматься над соответствием высоким мировым стандартам. «ЕЗ ОЦМ» пошел по этому пути. Осознавая, что основные потребители продукции из драгоценных металлов — это компании из таких отраслей, как химическая промышленность, электротехника и электроника, фармацевтика и медицинская промышленность, производство стекла, Екатеринбургский завод, выводящий свою продукцию на высоко конкурентные мировые рынки, создал дочернее предприятие — ООО «ЕЗ ОЦМ — Инжиниринг», которое призвано развивать технологические преимущества компании. Екатеринбургскому заводу необходимо сосредоточить дальнейшие усилия на усовершенствовании технологии изготовления новых продуктов (многие из которых уже успешно освоены зарубежными конкурентами) и усилении конкурентных преимуществ выпускаемой продукции за счет грамотных технических решений. Несомненно, созданное дочернее предприятие ООО «ЕЗ ОЦМ — Инжиниринг» должно определить эти направления в качестве приоритетов своей деятельности.

В результате проведенного исследования авторы пришли к следующим выводам:

1. Расстановка сил на рынке драгоценных металлов такова, что российские предприятия вполне конкурентоспособны на мировом рынке, из российских производителей лидирующие позиции занимают АО «ЕЗ ОЦМ» и АО «Красцветмет».
2. Комплексная оценка конкурентоспособности показала, что АО «ЕЗ ОЦМ» является одним из ведущих предприятий, качество его продукции признано во всем мире. Предприятие должно учитывать возможность появления в условиях финансового кризиса новых рисков, которые могут негативно сказаться на его дальнейшем развитии.
3. По результатам комплексной оценки предприятию АО «ЕЗ ОЦМ» рекомендовано разработать комплекс мероприятий, который позволит повысить

Таблица 4

Результаты комплексной оценки конкурентоспособности

Источник: составлено автором

Показатель	АО «ЕЗ ОЦМ»	АО «Красцветмет»
Фактор конкурентоспособности продукции (оценка качества продукции)	5	5
Оценка финансовой деятельности	5	4
Оценка влияния внешней среды (PEST-анализ)	3	2
Итого баллов	13	11
Комплексная оценка	4,33	3,67

Нельзя сказать, что этот и следующий выходы как-то следуют из основного текста статьи. Просьба либо эти выходы исключить, либо вставить соответствующие предложения в текст

уровень его конкурентоспособности. По мнению авторов, более глубокого исследования заслуживают мероприятия, связанные с минимизацией финансовых и кредитных рисков, особенно в условиях усиления интеграционных процессов, направленных на создание совместных предприятий на зарубежных рынках и установление кооперационных связей с иностранными производителями сопутствующих товаров для расширения собственной продуктовой линейки.

4. Особое внимание предприятию необходимо сосредоточить на дальнейшем развитии технологических преимуществ своей продукции. Здесь, помимо создания новых продуктов (или модификаций имеющихся товаров) и усовершенствования технологии действующего производства, предприятию следует обратиться к положительному опыту зарубежных конкурентов. Компании, даже будучи лидерами отрасли драгоценных металлов, могут концентрировать свои усилия в производстве отдельных товарных групп, при этом для развития продуктового портфеля прибегать к технологической кооперации с другими производителями.

5. В условиях финансового кризиса, когда привлечение большого объема финансирования становится трудной задачей, необходимо рассматривать проекты, не требующие большого объема инвестиций.

6. Высокое качество продукции завода является его конкурентным преимуществом, которое можно усилить путем разработки мер по продвижению товара на рынке. В частности, в 2016 году предприятию может быть рекомендовано, помимо упрочнения торговых связей с действующими географическими сегментами мирового рынка, акцентировать внимание на развитие внешнеэкономических связей со странами Азии (Китаем, Индией, Ираном, ОАЭ и т. д.), что становится более актуальным в условиях введения торговых санкций со стороны США и стран ЕС в отношении отдельных направлений российского бизнеса.

Предложенные мероприятия в условиях финансового кризиса позволят предприятию АО «ЕЗ ОЦМ» повысить его конкурентоспособность на рынках продукции из драгметаллов.

Литература

1. *Фатхутдинов, Р. А.* Управление конкурентоспособностью организации: учебник. 2-е изд., испр. и доп. М.: Эксмо, 2005. 368 с.
2. *Кельчевская, Н. Р.* Экономический инструментарий механизма управления крупными корпорациями / Н. Р. Кельчевская, Г. В. Исмагилова, А. В. Скрипник // Экономика в промышленности. 2013. №3. С. 88–94.
3. *Jones E.* Macroeconomic Imbalances and the Sovereign Debt Crisis. In Kurt Huebner, ed. Europe, Canada, and the Comprehensive Economic and Trade Agreement. L.: Routledge, (2011). P. 289–305.
4. *Cecchetti S. G., Kohler M., Upper C.* Financial Crises and Economic Activity // NBER Working Paper. 2009. № 15379.
5. Аналитический бюллетень «Металлургия: тенденции и прогнозы». Вып. 13. Группа РИА НОВОСТИ, Риарейтинг. М., 2014.
6. Федеральная таможенная служба. Таможенная статистика внешней торговли, разделы «Внешняя торговля Российской Федерации», «Внешняя торговля Российской Федерации по товарам». <http://search.customs.ru/index.php>
7. Федеральная служба государственной статистики. Официальная статистика. Раздел «Внешняя торговля». www.gks.ru
8. *Andreev A. M., Kelchevskaya N. R.* Problems and Characteristics of Russian Platinum Metals Exporters / 5th International Conference “Platinum Metals In the Modern Industry, Hydrogen Energy And Life Maintenance In the Future // Precious Metals. V. 33. October 2012.
9. *Гапоненко А., Савельева М.* Традиционные и новые факторы конкурентоспособности организаций // Проблемы теории и практики управления. 2015. №5. С. 117–124.

References

1. *Fatkhutdinov R. A.* Management of competitiveness of organizations: textbook / R. A. Fatkhutdinov. 2nd ed. Rev. and extra M.: Eksmo, 2005. 368 p
2. *Kelchevskaya, N. R.* The tools of economic mechanism of management of large corporations / N. R. Kalchevska, V. Ismagilov, A. V. Skripnik // Economics in industry. 2013. №3. P. 88–94.
3. Jones, Erik. Macroeconomic Imbalances and the Sovereign Debt Crisis. In Kurt Huebner, ed. Europe, Canada and the Comprehensive Economic and Trade Agreement. London: Routledge, (2011). P. 289–305
4. *Cecchetti S. G., Kohler M., Upper C.* Financial Crises and Economic Activity/ S. G. Cecchetti, M. Kohler, and C. Upper // NBER Working Paper. 2009. № 15379.
5. Analytical Bulletin “ferrous metallurgy: tendencies and forecasts”. Issue № 13. The RIA NOVOSTI group, Rerating, Moscow, in 2014.
6. The Federal customs service. Customs statistics of foreign trade, sections “Foreign trade of the Russian Federation”, “External trade of the Russian Federation on goods” <http://search.customs.ru/index.php>
7. Federal state statistics service. By the official statistics. Section “External trade”. www.gks.ru
8. *Andreev A. M., N. R. Kelchevskaya.* Problems and Characteristics of Russian Platinum Metals Exporters / 5th International Conference “Platinum Metals In the Modern Industry, Hydrogen Energy And Life Maintenance In the Future // Precious Metals. V. 33. October 2012.
9. *Gaponenko A., Saveliev M.* Traditional and new factors of competitiveness of organizations / A. Gaponenko, Savelieva M. // Problemy teorii i praktiki upravleniya (J. Theoretical and Practical Aspects of Management). 2015. №5. P. 117–124.

Инвестиционная стратегия фирмы в рамках волновой модели жизненного цикла

Об авторе

ФОТО

Андрей Славянов

*кандидат экономических наук, доцент
кафедры «Экономика и организация производства»*

*Московский государственный технический
университет им. Н. Э. Баумана
105005, Москва, ул. 2-я Бауманская, 5
aslavianov@mail.ru*

Ключевые слова

инвестиционная стратегия, инновации, жизненный цикл предприятия

Основные тезисы

- Инновационные процессы оказывают неоднозначное влияние на развитие предприятия, к негативным явлениям можно отнести падение выпуска, снижение финансовой устойчивости, рентабельности в период освоения новой продукции и технологий.
- Инвестиции в инновации должны осуществляться в соответствии с предложенной волновой моделью жизненного цикла предприятия.
- Реализация предложений позволит существенно повысить эффективность вложения капитала и срок активного существования предприятия на рынке.

К концу первого десятилетия наступившего XXI в. правительство страны пришло к пониманию того, что инновационная модернизация российской экономики не имеет альтернатив. Конкурентоспособность, а значит, и выживаемость России в условиях угроз применения экономических и политических санкций во многом будет зависеть от способности руководства страны реализовать инновационный потенциал отечественной экономики. Следует отметить, что еще во времена административно-командной

системы управления власти достаточно много внимания уделяли научно-техническому развитию отдельных видов экономической деятельности. Высшие органы управления экономикой — Государственный плановый комитет Совета Министров СССР (Госплан) совместно с Государственным комитетом Совета Министров СССР по науке и технике (ГКНТ), Академией наук СССР, Государственным комитетом Совета Министров СССР по материально-техническому снабжению, отраслевыми министерствами и ведомствами — разра-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 17–06–00500 А «Концепция трансформации нестационарной экономики на основе синтеза волновой и институциональной теорий»).

батывали Комплексную программу научно-технического прогресса, на основании которой на предприятия и организации спустились планы по освоению новой техники, продукции и технологий. Отсутствие значимых результатов в инновационной сфере стало одним из поводов к началу экономических и политических реформ в СССР во второй половине 1980-х годов, одной из заявленных целей которых была выйти на мировой уровень технологического развития [1]. В переходный период был принят ряд важных документов, направленных на стимулирование инновационной активности отечественной экономики, среди которых Постановление Правительства Российской Федерации № 1347 от 25 декабря 1993 г. «О первоочередных мерах по обеспечению деятельности государственных научных центров Российской Федерации»; Федеральный закон № 127-ФЗ от 23 августа 1996 г. «О науке и государственной научно-технической политике»; Концепция инновационной политики на 1998–2000 гг., Концепция межгосударственной инновационной политики СНГ до 2005 года; Федеральный закон «Об инновационной деятельности и государственной инновационной политике» (2002 г.) и др. Однако решить поставленные в многочисленных документах, программах, стратегиях целей пока не удается.

Рыночные реформы открыли новые возможности в проведении инновационной модернизации отечественной промышленности. Основными препятствиями для обновления продукции, замены оборудования, внедрения технологий служили межведомственные барьеры, отсутствие заинтересованности управленцев и работников предприятий в реализации мероприятий по техническому перевооружению и реконструкции [2]. Вышестоящими органами управления предприятиям спустились планы по внедрению новой техники, зачастую слабо увязанные с планами материально-технического обеспечения и трудовыми ресурсами. Экономические реформы 1990-х годов позволили устранить значительную часть барьеров, что привело к росту самостоятельности предприятий в выборе стра-

тегии развития. Однако максимальный импульс получил не трансформационный сектор экономики, включающий в себя наукоемкие производства, промышленные и сельскохозяйственные предприятия, а транзакционный сектор, преимущественно торговля и финансовая деятельность. Получивший свободу капитал направился в высокорентабельные проекты с коротким жизненным циклом и относительно низкими рисками. Отток капитала в транзакционный сектор экономики привел к изменениям в структуре трудовых ресурсов, деформации производственной и научной инфраструктуры, смене приоритетов в инвестиционной политике [3]. Попытки инновационной модернизации трансформационного сектора экономики наталкиваются на еще более мощные барьеры, чем в эпоху господства административно-командной системы. Как уже отмечалось, снижение затрат на финансирование науки в период 1990–1999 гг. привело к деградации национальной инновационной системы, что, в свою очередь, вызвало снижение качества отечественных разработок, в результате чего интересы потребителей были ориентированы на зарубежную технику, продукты и технологию. Снижение спроса на отечественную продукцию поставило на грань разорения стратегические предприятия реального сектора экономики. В сложившихся условиях правительство пришло к пониманию того, что инновационная модернизация российской экономики не имеет альтернатив. Так, если еще в 2006–2008 гг. в правительственных кругах активно обсуждалась концепция построения в России энергетической сверхдержавы, основной задачей которой являлось снабжение индустриально развитых стран топливно-энергетическими ресурсами, то уже в 2009 г., после катастрофического для отечественной экономики кризисного падения мировых цен на энергоносители, основной вектор развития страны был ориентирован в сторону инноваций. Антироссийские санкции, введенные в 2014 г., придали программе модернизации оттенок импортозамещения. Вместе с тем, несмотря на очевидные успехи в реализации страте-

Просьба
указать его
номер и дату
принятия

гических проектов последних лет, в целом инновационная активность промышленных предприятий остается на низком уровне.

Общепринятая точка зрения о том, что инновационная деятельность является важнейшим фактором развития национальной экономики [4], а инновации считаются ключевым фактором организационного развития и усиления конкурентоспособности предприятий [5], не вызывает сомнений. В так называемом «Руководстве Осло» отмечается, что инновационная деятельность представляет собой непрерывный процесс, так как ее субъекты постоянно вносят изменения в продукты и технологии [6]. Исходя из этого, можно предположить, что развитие экономики должно представлять собой восходящую кривую с постоянными темпами роста, что на самом деле не соответствует действительности. Одним из источников нестабильности являются научно-технические новшества, внедрение которых в производственные процессы предприятия приводит к неоднозначным результатам и финансовой нестабильности.

Одной из причин, сдерживающих инновационное развитие предприятия, является негативное влияние мероприятий по обновлению продукции и внедрение новых технологий на финансовую устойчивость предприятия. Под финансовой устойчивостью понимается такое состояние финансовых ресурсов, при котором организация, свободно маневрируя денежными средствами, способна путем их эффективного использования обеспечить бесперебойный процесс производства и реализации продукции (работ, услуг). Финансовая устойчивость характеризуется коэффициентами финансовой зависимости, ликвидности, платежеспособности и другими показателями. Смена модельного ряда, изменение в технологии, реконструкция цехов предприятия влекут не только существенные материальные издержки, но и снижение выпуска, а в некоторых случаях и остановку всего производственного процесса. Свободных собственных средств предприятию для проведения модернизации, как правило,

не хватает, и в такой ситуации наиболее распространенным решением является привлечение кредитных ресурсов, что повышает коэффициент финансовой зависимости организации. Сокращение общего выпуска продукции во время процесса перехода на новые технологии неизбежно влечет за собой снижение выручки, что отрицательно сказывается на показателях платежеспособности и коэффициенте ликвидности организации. Высокие затраты и падение выпуска в период освоения новой продукции приводят к падению рентабельности активов предприятия. Негативные тенденции в показателях финансовой устойчивости влекут за собой снижение инвестиционной привлекательности предприятия, что сказывается на падении курса ценных бумаг, что вызывает беспокойство кредиторов, которые, заметив снижение капитализации компании, с большой долей вероятности, потребуют досрочно погасить задолженность или увеличить залог. Высокие инвестиционные риски, неизбежные при проведении инновационной модернизации скажутся на банковских процентных ставках, что может привести к удорожанию продукции и увеличению сроков окупаемости проекта. Следует отметить, что наименее чувствительными к финансовой турбулентности, вызванной инновационными процессами, оказываются крупные предприятия, пользующиеся поддержкой банков, входящих в одну финансово-промышленную группу. Малые и средние предприятия, как правило, бывают не в состоянии самостоятельно провести модернизацию производства и на определенном этапе поглощаются крупными корпорациями, к которым переходят права на интеллектуальную собственность и трудовые ресурсы небольших фирм.

При формировании инновационной стратегии необходимо учитывать накопленные знания в этой области. Проблема возникает в определении момента, когда следует проводить инновационную модернизацию производства и оценку последствий принятых решений. Неверно принятое управленческое решение по освоению новых видов продукции

и технологий может серьезно повлиять на дальнейшую работу предприятия. Модернизация производства может быть реализована в следующих направлениях:

- освоение новых видов продукции с применением новых технологий;
- увеличение производительности на основе внедрения новых технологий при производстве традиционных видов продукции;
- увеличение выпуска традиционной продукции на основе расширения производства (строительства новых цехов).

Графическая модель жизненного цикла предприятия представлена на рис. 1.

В условиях обострения конкуренции на местных и внешних рынках основной целью предприятия будет минимизация издержек, а не максимизация прибыли. Так как на рынках совершенной конкуренции цена стремится к некоторой постоянной величине, то прибыль будет зависеть, в первую очередь, от затрат на производство того или иного продукта. В связи с этим модель жизненного цикла предприятия, в основе которой лежат издержки, является более подходящей для анализа, чем модель, построенная на доходах или прибыли.

Можно выделить четыре характерные фазы жизненного цикла с позиций теории издержек фирмы. Цифрой 1 обозначена начальная стадия жизненного цикла, или становление, когда на новом оборудовании начинается выпуск продукции,

происходит отладка технологий, производственные мощности загружены пока недостаточно, вследствие чего средние издержки находятся на достаточно высоком уровне. На этом этапе предприятие обычно проводит так называемую ценовую стратегию «проникновение на рынок», характерную пониженной на 10–20 % по сравнению с конкурентами ценой. Прибыль предприятия на данной стадии минимальная, инвестиционная привлекательность находится на достаточно низком уровне. На начальной стадии все свободные средства предприятия вкладываются в закупку материалов (инвестиции в оборотный капитал), рекламную кампанию, выплату займов. На этом этапе смена номенклатуры продукции, внедрение новых технологий, проведение организационных мероприятий нецелесообразно. На наш взгляд, длительность первой (начальной) стадии должна совпадать с плановым сроком окупаемости проекта. Вторая стадия (цифра 2 на рис. 1) представляет собой стадию развития предприятия. Базовые технологии отработаны, персонал профессионально подготовлен, налажены контакты с партнерами, которые заинтересованы в поставках материалов на предприятие и получении готовой продукции. Средства вкладываются в расширение производства и в модернизацию выпускаемой продукции, производственные мощности загружены. Эффект масштаба приводит к снижению средних издержек и росту рентабельности производства. Растет инвестиционная привлекательность предприятия. На данной

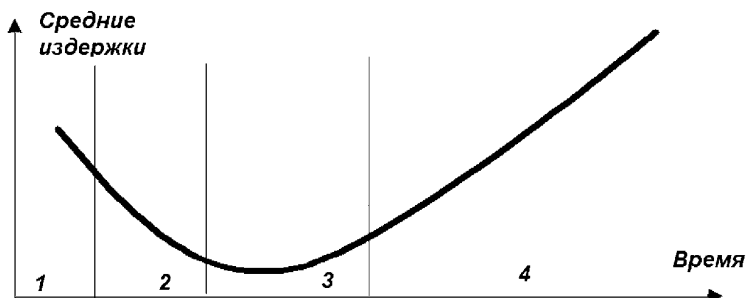

Рис. 1. Графическая модель жизненного цикла предприятия

Источник: составлено автором

стадии целесообразно проводить мероприятия по совершенствованию организации и управления производства, связанные с его расширением. Наибольший успех могут иметь инновационные проекты, направленные на совершенствование технологий с целью увеличения производительности и расширение модельного ряда выпускаемой продукции. На стадии зрелости (цифра 3 на рис. 1) предприятие максимально загрузило свои мощности и снизило затраты на производство. Увеличение выпуска вызывает рост издержек. Предприятие уверено занимает свой сегмент рынка и получает максимальную прибыль. Инвестиционная привлекательность находится на высоком уровне. Курсовая стоимость ценных бумаг предприятия достигает максимальных размеров, перед менеджментом встает проблема распределения привлеченных средств и прибыли. Дальнейшее расширение выпуска нецелесообразно вследствие насыщения спроса. На данной стадии технологическое оборудование находится на пределе своих возможностей, приобретение нового целесообразно в случае положительной динамики жизненного цикла продукции [7]. Стадия зрелости наиболее благоприятна для инвестиций в исследования и разработки новых видов продукции, обладающих принципиально новыми характеристиками и возможностями.

На стадии упадка (цифра 4 на рис. 1), наблюдается нарастающий износ основного технологического и вспомогательного оборудования, приходят в негодность здания и сооружения, инфраструктура предприятия. Ремонт и поддержание

имущества в работоспособном состоянии требует повышенных затрат, которые снижают конкурентоспособность практически всей продукции, выпускаемой предприятием. Изменить негативную тенденцию может только коренная реконструкция предприятия, подразумевающая полную замену технологического и вспомогательного оборудования, капитальный ремонт зданий и сооружений, обновление продукции. Однако на данном этапе инвестиционная привлекательность предприятия находится на низком уровне и привлечение внешнего финансирования, скорее всего, не представляется возможным. В этой ситуации могут помочь собственные средства, накопленные на предыдущей стадии жизненного цикла и инвестированные в научные разработки новых технологий и продукции. В этом случае графическая модель жизненного цикла предприятия будет выглядеть как периодически повторяющиеся волны, состоящие из трех фаз: становление — развитие — зрелость — становление — и т. д. (рис. 2).

На рис. 2 представлена так называемая «волновая модель» жизненного цикла предприятия в долгосрочном периоде. Модель показывает, что инвестиции в инновации как внешний фактор могут привести к всплеску активности предприятия на начальном периоде, которая через определенное время прекратится, а могут достаточно долго поддерживать колебания деловой активности, проводя реконструкцию в соответствии с законами жизненного цикла предприятия и продукции. В этом случае мы будем наблюдать явление резонанса, известное из теории

Нет согласования.
Просьба перестроить предложение

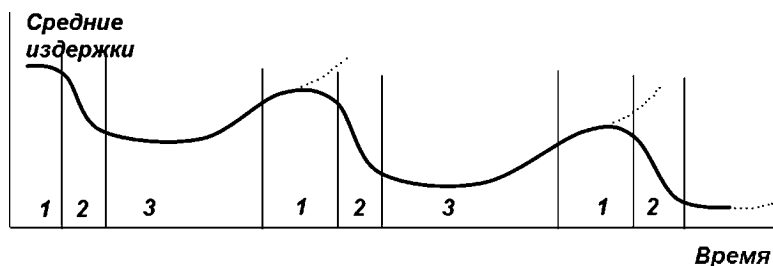

Рис. 2. Волновая модель жизненного цикла предприятия

Источник: составлено автором

колебаний физических объектов. Несвоевременные и некорректные вмешательства в производственную систему могут привести к преждевременному затуханию деловой активности. Так, планирование министерствами и ведомствами (сверху) обновления продукции и внедрение прогрессивных технологий предприятием во времена господства административно-командной системы управления приводила к срыву планов выпуска продукции, повышенным расходам ресурсов, что снижало эффективность производства.

Инновационная стратегия заключается в накоплении капитала во время фазы «зрелости», инвестиций в исследование и разработки новых продуктов и технологий и реализация мероприятий по реконструкции предприятия в момент начала роста средних издержек.

Инновационная стратегия, сформированная на базе волновой модели жизненного цикла, позволит предприятию значительно продлить срок активного существования на рынке. Данная мо-

дель подходит к средним и крупным промышленным предприятиям, обладающим существенным трудовым и производственным потенциалом, включающим в себя вспомогательное и технологическое оборудование, здания, сооружения и другую инфраструктуру. Инновационная стратегия должна учитывать фазы жизненного цикла, в соответствии с которыми инвестиции в расширение предприятия и модернизацию продукции следует осуществлять на стадии развития, наиболее благоприятным периодом для проведения исследований и разработок является стадия зрелости предприятия, реализацию ранее подготовленных мероприятий по реконструкции предприятия имеет смысл проводить на заключительной стадии жизненного цикла. Стратегия, построенная на волновой модели жизненного цикла, позволит предприятию существенно повысить эффективность вложенного капитала и продлить срок активного существования на рынке.

Литература

1. *Славянов А. С.* Вопросы совершенствования планирования научно-технического прогресса // Сборник научных трудов НИИПиН при Госплане СССР. М., 1987.
2. *Славянов А. С.* О взаимосвязке показателей научно-технического прогресса и воспроизводства основных фондов // Сборник научных трудов НИИПиН при Госплане СССР. М., 1988.
3. *Славянов А. С.* Проблемы реализации стратегии инновационного развития Российской Федерации и финансирование отечественной науки // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 12. С. 27–35.
4. *Секерин В. Д., Ферстер Х. П., Горохова А. Е.* Экономическая эффективность инноваций: специфика оценки по стадиям жизненного цикла инноваций // Сборник: Экономические аспекты развития российской индустрии в условиях глобализации. Материалы Международной научно-практической конференции кафедры «Экономика и организация производства». 2014. С. 9–13.
5. *Масленникова Н. П.* Планирование инновационной деятельности на основании стратегии роста, обеспечивающей успех: стратегия вытеснения через подрывную инновацию // Менеджмент сегодня. 2011. № 1. С. 30–36.
6. Руководство Осло. Рекомендации по сбору и анализу инновационных данных. Совместная публикация ОЭСР и Евростата. М., 2010. 108 с.
7. *Едронова В. Н., Пивкин С. А.* Распределение косвенных расходов по жизненному циклу продукта и денежным потокам // Экономический анализ: теория и практика. 2007. № 11. С. 6–9.

References

1. *Slavyanov A. S.* Questions of enhancement of planning of scientific and technical progress / Collection of scientific works NIIPiN in case of the State Planning Committee of the USSR. M., 1987.

2. *Slavyanov A. S.* About an agreement of indicators of scientific and technical progress and reproduction of fixed assets / the Collection of scientific works NIIPiN in case of the State Planning Committee of the USSR, Moscow, 1988.
3. *Slavyanov A. S.* Sales problems of strategy of innovative development of the Russian Federation and financing of domestic science // National interests: priorities and safety. 2014. № 12. Page 27–35.
4. *Sekerin V. D., Fyorster H. P., Gorokhova A. E.* Cost efficiency of innovations: specifics of assessment on lifecycle stages innovations/collection: Economic aspects of development of the Russian industry in the conditions of globalization Materials of the International scientific and practical conference of “Economy and Production Organization” department. 2014. Page 9–13.
5. *Maslennikova N. P.* Planning of innovative activities based on the growth strategy providing success: the strategy of replacement through a disruptive innovation // Management today. 2011. № 1. Page 30–36.
6. Oslo Manual Guidelines for collection and interpreting of innovative data. Joint publication of OECD and Eurostat. Moscow 2010. 107 pages.
7. *Edronova V. N., Pivkin S. A.* Distribution of indirect expenses on product lifecycle and cash flows // the Economic analysis: theory and practice. 2007. № 11. Page 6–9.

ТРЕБОВАНИЯ К ПРЕДСТАВЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ АВТОРАМИ

Предлагаемые для публикации статьи должны отражать результаты оригинальных научных и практических исследований, представляющих интерес для научных работников, преподавателей и аспирантов вузов, экономистов и менеджеров предприятий, специалистов в области государственного управления.

К статье прилагаются фотографии и сведения об авторах (на русском и английском языке): фамилия, имя и отчество, ученая степень и звание, полное название и адрес организации — места работы (включая индекс), занимаемая должность, контактный телефон, адрес электронной почты. Авторские фотографии (торс в анфас) принимаются в формате *.jpeg, *.tif, *.bmp, *.eps или *.psd, с разрешением не менее 300 dpi.

К статье также прилагаются: краткая аннотация (2 предложения) и ключевые слова (2–5) на русском и английском языках, 3 тезиса (по 1 предложению), раскрывающих основное содержание статьи, список литературы (не более 10 источников).

Материал должен быть набран в любом текстовом редакторе (например, WORD, LaTeX и т. п.). Схемы, графики, диаграммы, рисунки и иные графические материалы могут быть выполнены в черно-белом варианте средствами текстового редактора WORD или в программах векторной графики (Adobe Illustrator, Corel Draw и т. п.) и допускать электронное редактирование. Количество формул в статье должно быть ограничено (в идеале не более 10 формул). Список литературы приводится в конце рукописи, в алфавитном порядке по фамилиям авторов или по мере упоминания в тексте в соответствии с ГОСТом Р 7.05–2008.

Статья объемом не более 25 тыс. знаков для докторов и кандидатов наук и не более 20 тыс. знаков для остальных авторов может быть направлена в редакцию обычной или электронной почтой (urtp@urtp.ru).

Решение о публикации принимает редакционная коллегия журнала. Редакция не вступает в переписку с авторами. Принятые статьи проходят внутреннее рецензирование, научное и литературное редактирование. Отредактированная статья отправляется автору на доработку и визирование.

Предоставление статьи для публикации означает передачу прав на публикацию издателю, в том числе на опубликование журнала в Интернете.

Внимание! Статьи, не соответствующие указанным требованиям, редакцией не рассматриваются.

ВНИМАНИЕ!
Оформление подписки по
СПЕЦЦЕНЕ
ТОЛЬКО при непосредственном обращении в издательство URSS!

Способы оформления подписки:

- через страницу журнала на сайте издательства <http://URSS.ru/uftp> (оплата производится любым удобным для Вас способом: с помощью банковской карты, электронных денег, прямым банковским переводом и т. п.);
- по телефону **+7 (499) 724–25–45**;
- по электронной почте orders@urss.ru;
- в офисе издательства по адресу: **Москва, Нахимовский пр-т, д. 56**;
- через банк, заполнив приведенную ниже квитанцию. Бланки квитанций также доступны на странице журнала <http://URSS.ru/uftp>.

Вы можете приобрести **отдельные выпуски** журнала как в бумажном, так и в электронном виде, а также **отдельные статьи** в электронном виде.

Оперативная консультация по вопросам приобретения журнала или любым вопросам, связанным с изданием Ваших статей или книг: **+7 (499) 724–14–31, +7 (499) 724–25–45**, e-mail: editor@URSS.ru.

Извещение	<p>ООО «ЛЕНАНД» ИНН 7728532959 КПП 772801001 р/счет 40702810601500000549 в Филиал «Центральный» Банка ВТБ (ПАО) г. Москва к/счет 30101810145250000411 БИК 044525411</p>												
	(фамилия, имя, отчество подписчика)												
	(e-mail, почтовый индекс и адрес подписчика)												
	<i>Журнал «Проблемы теории и практики управления»</i>												
	2016 г. <table border="1" style="display: inline-table; border-collapse: collapse; text-align: center;"> <tr> <td>1</td><td>2</td><td>3</td><td>4</td><td>5</td><td>6</td><td>7</td><td>8</td><td>9</td><td>10</td><td>11</td><td>12</td> </tr> </table>	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12		
	<table style="width: 100%; border-collapse: collapse;"> <tr> <td style="width: 60%;"><i>количество номеров</i> 12</td> <td style="width: 40%;"><i>Сумма</i> руб.</td> </tr> </table>	<i>количество номеров</i> 12	<i>Сумма</i> руб.										
<i>количество номеров</i> 12	<i>Сумма</i> руб.												
Кассир	С условиями приема банком указанной суммы ознакомлен и согласен _____ «__» _____ 2016 г. <div style="display: flex; justify-content: space-between; font-size: small;"> (подпись плательщика) (дата платежа) </div>												
Квитанция	<p>ООО «ЛЕНАНД» ИНН 7728532959 КПП 772801001 р/счет 40702810601500000549 в Филиал «Центральный» Банка ВТБ (ПАО) г. Москва к/счет 30101810145250000411 БИК 044525411</p>												
	(фамилия, имя, отчество подписчика)												
	(e-mail, почтовый индекс и адрес подписчика)												
	<i>Журнал «Проблемы теории и практики управления»</i>												
	2016 г. <table border="1" style="display: inline-table; border-collapse: collapse; text-align: center;"> <tr> <td>1</td><td>2</td><td>3</td><td>4</td><td>5</td><td>6</td><td>7</td><td>8</td><td>9</td><td>10</td><td>11</td><td>12</td> </tr> </table>	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12		
	<table style="width: 100%; border-collapse: collapse;"> <tr> <td style="width: 60%;"><i>количество номеров</i> 12</td> <td style="width: 40%;"><i>Сумма</i> руб.</td> </tr> </table>	<i>количество номеров</i> 12	<i>Сумма</i> руб.										
<i>количество номеров</i> 12	<i>Сумма</i> руб.												
Кассир	С условиями приема банком указанной суммы ознакомлен и согласен _____ «__» _____ 2016 г. <div style="display: flex; justify-content: space-between; font-size: small;"> (подпись плательщика) (дата платежа) </div>												

Проблемы теории и практики управления. Вып. 7/2017. — М.: ЛЕНАНД, 2017. — 144 с.

Адрес редакции: 117335, Москва, Нахимовский проспект, 56.
Телефон/факс: +7 (499) 724–25–45. **E-mail:** editor@URSS.ru

Цена свободная.

ООО «ЛЕНАНД». 117312, г. Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, д. 11А, стр. 11.
Формат 70×100/16. Печ. л. 9. Подписано в печать 15.07.17. 12+

Отпечатано в АО «ИПК «Чувашия».

428019, Чувашская Республика, Чебоксары, пр-т И. Я. Яковлева, д. 13.

ISSN 0234–4505

© «Проблемы теории и практики управления», 2017.
Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.
Регистрационное свидетельство ПИ №ФС 77–22848 от 26 декабря 2005 г.
© ЛЕНАНД, 2017

**СПЕЦЦЕНА на подписку ТОЛЬКО при непосредственном обращении
в издательство URSS!**

Стоимость подписки на бумажную версию журнала с почтовой доставкой:

- для России — на полгода 4998 руб., на год 9588 руб.;
 - для стран СНГ и Прибалтики — на полгода 6498 руб., на год 12600 руб.
- Стоимость подписки на электронную версию журнала:
- на полгода 4248 руб., на год 7998 руб.

Стоимость отдельных номеров журнала и статей:

- один бумажный номер с почтовой доставкой по России — 859 руб.;
- один бумажный номер с почтовой доставкой для стран СНГ и Прибалтики — 1110 руб.;
- один электронный номер — 739 руб.;
- один электронный номер из архива — 490 руб.;
- одна электронная статья из архива — 190 руб.

Электронные версии предоставляются в формате PDF, по электронной почте или через систему обмена файлами. Сделать заказ или оформить подписку можно через сайт <http://URSS.ru/uptr>, по телефону +7 (499) 724–25–45, по электронной почте orders@urss.ru, в офисе издательства по адресу: Москва, Нахимовский пр-т, 56, или заполнив и оплатив в Сбербанке (или любом другом банке) квитанцию на перевод денежных средств з его копию в издательство по электронной почте или по факсу. Для ускорения получения заказа просьба при перечислении на наш расчетный счет денег связаться с издательством по e-mail: orders@urss.ru, или по телефону +7 (499) 724–14–31 и сообщить параметры подписки, номера, статьи (тема: «заказ ПТиПУ»). В квитанции банка обязательно заполнить графу «Фамилия, имя, отчество, e-mail плательщика» (для связи с Вами), в графе «Вид платежа» — параметры заказа (подписки, номера, статьи).

Внимание!

Приобретенные у редакции файлы предназначены для личного использования и не подлежат копированию и распространению.

Оперативная консультация по вопросам приобретения журнала или любым вопросам, связанным с изданием Ваших статей или книг: +7 (499) 724–14–31, +7 (499) 724–25–45, e-mail: editor@URSS.ru.